

Имя звезды

Вабург

Плагер

Мушер

Фергкар

Мэгбург

Вердон

Изнау

Дэнэб

16+

Татьяна Бот

Сунбер

Баско

Татьяна Бот

Имя звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63182886

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94628-6

Аннотация

Что делает любая, уважающая себя романтически настроенная девушка, очнувшись в лесу рядом с восторженно глядящим на неё принцем? Конечно начнёт млеть от его присутствия и без раздумий последует за ним куда бы он ни позвал. Даже если эта молодая и обворожительно красивая девушка очнулась в лесу, ничего при себе не имея, даже воспоминаний о своей прошлой жизни. Да и чего можно опасаться девушке в мире, полном магии и безоговорочной веры в любовь? Пропасть в таком мире не так-то просто... Хоть она и постарается, некстати оказавшись участницей древнего пророчества, в котором переплетаются между собой магия, звезды и любовь.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
1	8
2	25
3	38
4	53
5	62
6	81
7	96
8	119
9	141
10	155
11	165
12	173
13	201
Часть 2	215
14	215
15	228
16	244
17	257
18	267
19	278
20	290

21	301
22	310
23	319
24	331
25	341
26	352
27	365
28	378
29	388
30	404
Эпилог	412

Татьяна Бот

Имя звезды

Пролог

Девушка сама отворила двери, наплевав на предательски напавшую дрожь. Она не спеша вошла в роскошный зал, своды которого утопали во мраке, и, оглядевшись по сторонам, поняла, что её опасения были небезосновательны: в замке никого не было. Абсолютно никого: ни слуг, ни охраны, ни тем более радушных хозяев. Девушка устало опустилась в центре зала на колени. События не спешили развиваться, и она со вздохом легла на спину и уставилась в темноту потолка.

– Однако это уже совсем перестаёт быть интересным, – пробурчала девушка в пустоту, совершенно не понимая, что же делать дальше. Вместе с хозяевами замка ушли ответы на мучившие её вопросы.

Девушка обратно села и ещё раз огляделась. Хозяева даже записки не оставили. Впрочем, уже через несколько мгновений все трое Стоумов спокойно вошли в зал и, казалось, несколько удивились, увидев девушку. Запоздало подумав, что она бы тоже удивилась лежавшей посреди своей гостиной девушке, юноше, да даже собаке, девушка почти граци-

озно встала и, сделав вид, что ничего предосудительного в её поведении не было, вместо приветствия заметила:

– Неделя прошла.

– Ты не рассказала про звезду, – недовольно пробурчал Вид, так, словно они и не прерывали разговор на неделю.

– А что я должна была вам рассказать про звезду? – Лаэрте не нравилось, когда её обвиняли в чём бы то ни было, и она сразу ощетижилась.

– Ты слышала о пророчестве Чародея? – гораздо более миролюбиво спросил Искрен.

– Нет, а должна была? – в свою очередь сменила тон девушка.

После долгих пяти минут молчания самый старший из них – хранитель знаний – заметил:

– Есть пророчество, согласно которому во время, когда магии нельзя станет доверять, появится то, что поможет вернуть равновесие, вот только... – Он задумчиво замолчал.

Еще после долгих трёх минут молчания у девушки не выдержали нервы, и она переспросила:

– Вот только что?

– В пророчестве говорится о носителе со звездой, вот только у нас не было таких уже давно.

– Ну и не факт же, что он уже появился? – с надеждой спросила девушка, отводя глаза, ей совсем не нравилось, куда он клонит, а становиться участницей какого-то древнего пророчества хотелось меньше всего.

– Хочешь сказать, что звезды у тебя нет? – с усмешкой заметил Вид.

– Я вообще не хочу говорить про свою звезду, – буркнула Лаэрта и прикусила язык, а Искрен рассмеялся: даже если она хотела скрыть от них что-либо, то этой фразой выдала себя с головой. Недовольно поморщившись, она поспешила сменить тему: – Так что там с пророчеством?

– Пророчество говорит о трёх признаках, по которым мы узнаем ЭТО, – размеренно произнес Вид. И не дожидаясь вопросов, продолжил: – Первый – ЭТО не будет знать себя, второй – ЭТО соединится со звездой. Как видишь, ты подходишь под оба.

– Третий? – спросила девушка, не ожидая ничего хорошего, поскольку не желала ответственности.

– Третий, самый непростой, – ЭТО принесет в наш мир нелюбовь.

Девушка невольно усмехнулась, поражаясь тому, что даже столь могущественные люди верят в непоколебимость любви. Но прежде чем её рот открылся для очередной насмешки, она вспомнила то, что её память услужливо скрывала от неё. Она вспомнила, каким оставила своего принца накануне.

Что ж, она действительно принесла в этот мир НЕЛЮБОВЬ.

Часть 1

1

Ранним утром, в час, когда солнце едва успело коснуться вершущек деревьев, а роса тяжёлыми каплями скопилась на тонких ниточках травы, девушка, проснувшись, обнаружила себя в лесу, на какой есть голой земле. Земля эта была покрыта густым слоем невысокой, ровной, будто только что скошенной травы. Почти сразу она увидела восторженное лицо молодого человека. Он, не шевелясь, сидел рядом, глупо и несколько пугающе глядя на неё.

Так продолжалась долгие две минуты, за которые девушка успела его рассмотреть. Даже нерасполагающая обстановка не помешала ей признать, что он был красив. Это был не просто симпатичный или милый юноша, нет, это был один из тех людей, раз взглянув на которых невольно останавливаешь взгляд и, удивлённо разглядывая, завистливо вздыхаешь, ибо такая естественная и подкупающая красота дана далеко не всем. Таким, по её представлению, должен был быть принц. Нет, даже не так: таким, по её представлению, должен был быть Принц. Именно так, с большой буквы. Темноволосый, кареглазый, с мужественным подбородком и мягкими тёмными губами, один взгляд на которые побуждал лю-

бую уважающую себя романтически настроенную девушку начать мечтать о поцелуе. Его хорошо подогнанный чёрный костюм состоял из чёрной свободной рубашки, заправленной в чёрные же гетры, и кожаных, достигающих колен, сапог с серебряными шпорами. Она скосила глаза в сторону и, как и ожидала, увидела лежащую рядом чёрную шляпу с загнутыми краями, а под ней аккуратно, возможно, даже излишне аккуратно сложенный плащ.

– Ты очнулась? – наконец заметил юноша низким бархатистым голосом.

Какой это был голос! Таким только серенады под окнами петь. От одного только звука этого голоса любая уважающая себя романтически настроенная девушка должна была начать млеть. Девушка не ударила в грязь лицом и, расплывшись в широкой бессмысленной улыбке, проямлила:

– Если можно так сказать, – она села, поскольку разговаривать лёжа с таким красавцем было как-то неловко. И с удивлением прислушалась к своему голосу. Девушка даже забыла на время о сидящем перед ней юноше. Для проверки она продекламовала пару строк всплывшего в памяти стихотворения:

Мы прокляты были на прошлой неделе,

Но, как и прежде, мы пили и ели...

Она невольно заслушалась, ибо таким мелодичным, мягким и приятным голосом только и следовало подпевать поющему под балконом серенады Принцу.

– Итак, где мы? – вновь обратив внимание на всё ещё сидящего Принца, спросила девушка.

– В лесу Славы, – ограничившись коротким замечанием, он продолжил её рассматривать с некоторым обожанием.

– Ага, – согласилась она и, оглядевшись, убедилась, что действительно находится на поляне посреди леса. Снова посмотрев на весьма неразговорчивого Принца, девушка продолжила расспросы: – И что мы здесь делаем, если не секрет?

– Я люблюсь тобой, – вновь довольно-таки лаконично заметил он.

– Ага, – не в пример обычного не нашлась что ответить она.

Посидев ещё с полминуты, девушка решила, что пора вставать и начать что-то делать, ведь нельзя же всю жизнь сидеть на поляне посреди леса Славы. Как только она сделала движение встать, Принц, что до этого сидел, словно каменное изваяние, неуволимым для глаз движением оказался на ногах и предложил ей руку.

– Спасибо, – немного удивившись скорости его реакции, девушка всё же почти грациозно приняла его руку.

Встав, она ещё раз огляделась, затем ещё и ещё раз. Но поскольку Принц не предпринимал никаких действий, девушка пожала плечами и пошла по едва заметной тропке. Он те-

нюю последовал за ней.

Первые двести метров она старательно игнорировала его, затем, заскучав и вспомнив, что она романтически настроена и слегка млеет от его присутствия, решила разговорить:

– Как тебя зовут?

– Радим, – по-прежнему немногословно ответил он.

– А куда ведёт эта тропинка? – не унималась девушка.

– В замок.

Девушка едва не выругалась – кто бы мог подумать, что он будет настолько неразговорчив. Но она, вновь вспомнив, что романтически настроена, спокойно продолжила:

– А что ты делал в этом лесу Славы до того, как начал мной любоваться?

– Не жил, – похоже, её Принцу наконец надоело молчать, и он продолжил на одном дыхании: – Я ничего не видел и не слышал, пока не встретил тебя. Я ничего не чувствовал. Весь этот мир ничто по сравнению с твоей улыбкой. Как я жил до встречи с тобой? Ты слишком жестока, что так долго не позволяла видеть тебя. И так удивительно добра, что всё-таки дала мне шанс хоть на секунду взглянуть на тебя. Ты так прекрасна, что не надо ни солнца, ни звёзд. Ты сама Звезда!

Поначалу ей было лестно и приятно слышать такие слова от Принца, но уже спустя пять минут они как-то... надоели? Она ни за что бы не подумала, что комплименты могут быть такими утомительно-липкими. Пару раз девушка пыталась направить его речь в другое русло, но вскоре бросила эти по-

пытки. Что удивительно, за всё время он ни разу не повторился, что заставило её заподозрить, что юноша придумал эту речь заранее.

– Ты как ветер: я могу закрыть глаза, но всё равно буду чувствовать, что ты где-то рядом. Твои глаза словно омут, и для меня нет большего счастья, чем утонуть в них. Они полны серебристого света, что озаряет мне путь, словно полная луна в тёмную ночь. В них плавленное серебро и свет первого дня творения! – не подозревая о её сомнениях, меж тем не переставал восторженно вещать Принц.

Чем дальше они шли, тем отчаяннее начинала скучать девушка, и чем больше он говорил, тем больше она склонялась к тому, что не такой уж романтически настроенной девушкой она оказалась на поверку.

К её счастью, лес вскоре закончился, и перед ними предстал замок. Даже не замок, а Замок. Если рядом с ней всю дорогу изливался соловьём Принц, то впереди стоял замок, в котором он должен был жить. Словно воздушный, с белым кружевом навесов и переходов, с множеством башенок и красной черепицей, построенный в готическом стиле. Истинно сказочный замок.

Она повернулась к всё ещё не прекратившему вещать юноше и закрыла его рот ладонью. Он с полминуты помычал по инерции, не осознавая произошедшего, но, наконец, поняв, что что-то не так, замолчал:

– Чей это замок? – как ни в чём не бывало, с милой улыб-

кой спросила девушка.

– Моего отца, – вновь вернулся Принц к лаконичным ответам.

– Ну конечно, кто бы сомневался, – не сумев скрыть сарказм, заметила она и добавила: – Тогда пошли.

Отвернувшись от него, девушка первой направилась к замку, втайне надеясь, что он не начнёт свои излияния сначала. Впрочем, до замка они дошли в благоговейной тишине, которая весьма радовала одну оказавшуюся не очень романтической девушку.

Ворота замка распахнулись перед ними, и девушка перестала успевать за происходящими событиями. Некоторое осознание себя вернулось к ней лишь в огромном зале, который при детальном рассмотрении оказался спальней. В недоумении оглядываясь, девушка только сейчас поняла, что подхвативший их у ворот водоворот людей притащил её сюда.

Сейчас в комнате, помимо неё, были шесть молоденьких служанок и одна представительная матрона. Они все наперебой о чём-то счастливо щебетали, но рассудок девушки благоразумно не воспринимал их болтовню. Её между тем подвели к огромному зеркалу в человеческий рост. И она с нескрываемым удивлением долгих пять минут рассматривала себя, так что даже служанки, смущённые её странным поведением, притихли. На неё из зеркала смотрела отчаянно красивая девушка лет восемнадцати. Высокие скулы и

утончённый нос выдавали аристократическое происхождение. Ресницы были черны и пышны, а губы имели идеальную форму нераскрывшегося бутона розы. Безукоризненно правильный овал лица обрамляли необыкновенной красоты серебряные волосы, что приковывали к себе внимание своим сиянием, блеском и чем-то ещё, чему она затруднялась дать определение.

– Таких чудесных серебряных волос я никогда не видала. Вы, верно, принцесса, – восторженно похвалила её одна из служанок.

– Я? – ещё больше удивилась девушка, но не успела ничего спросить, так как дверь отворилась и в комнату потянулась вереница слуг, в руках каждого из них был рулон ткани. Они складывали их на огромной кровати и, ничего не говоря, покидали помещение. На кровати уже не было места, а они всё несли и несли. Когда ткани полностью покрыли кровать, превратив её в большую гору беспорядочно валявшихся рулонов, их, наконец, прекратили вносить, но вереница слуг ничуть не истончилась. Теперь они вносили сундуки: большие, поменьше и совсем небольшие шкатулки. А в довершение притащили огромный сундук, что своими размерами походил на небольшой шкаф.

Всё это время служанки молча стояли, опустив глаза, но как только закрылась дверь за последним слугой, поднялся невообразимый шум. Несколько девушек подскочили к кровати и стали разматывать рулоны ткани один за другим. Дру-

гие в это время открывали сундуки, что стояли вдоль стен. Там оказались разных цветов и фактур перчатки и ленты. Наконец, на них прикрикнула старшая матрона:

– Ну-ка, тихо! У нас мало времени. За пару часов мы должны одеть девушку во что-то более подходящее.

Девушка, которую матрона собиралась одеть «во что-то более подходящее», вновь посмотрела на себя в зеркало. Кроме простого шёлкового платья на тонких бретельках, чем-то напоминавшего сорочку, и массивного кулона в форме то ли белки, то ли зайца на шее, на ней ничего не было. Она, впрочем, вполне комфортно себя чувствовала в своём скромном наряде. Однако местные нравы, похоже, не предполагали, что девушке прилично появляться в обществе в подобном виде. Хорошо хоть Принц любезно предложил ей свой плащ, пока они шли. Вот только почему-то он не накинул его сразу, когда нашел её в лесу, а «любовался»!

Служанки вновь наперебой начали предлагать ей то одни, то другие ткани. От мельтешащих перед глазами ярких цветов у неё в конце концов закружилась голова, и, не выдержав, она прикрикнула:

– Тихо! – став чем-то удивительно похожей на матрону.

Подойдя к кровати, она порылась в грудe теперь беспорядочно валявшихся тканей и буквально случайно наткнулась на атлас тёмно-серебряного цвета. Подойдя к зеркалу, девушка уже почти без удивления констатировала:

– Действительно серые, – вспомнив слова Принца о её гла-

зах: «расплавленное серебро», – да, пожалуй, она и сама не подобрала бы лучшего описания для цвета своих глаз.

Порывшись немного в сундуках с аксессуарами, она, как и ожидала, нашла там чёрный корсаж и чёрные же перчатки. Приложив их к понравившейся ткани, девушка решила, что смотрится вполне неплохо. Повернувшись к матроне, она спросила, поняли ли они друг друга. Всё поняв или сделав вид, служанки принялись за работу.

Спустя час девушка стояла перед зеркалом в готовом платье. Матрона старалась настоять на рукавах, убеждая, что открытые плечи были непозволительны для девушки её положения. Не став уточнять, какое именно у неё положение, хоть ей это и было весьма любопытно, девушка отстояла своё право на открытые плечи. Они нашли компромисс в виде удивительной красоты шарфа, который и прикрывал плечи.

Сундук, что внесли последним, оказался набит драгоценностями. Хоть девушка и оказалась на поверку не очень романтически настроенной, перед драгоценностями она не смогла устоять и позволила себе неспешно исследовать его содержимое. Здесь было всё: рубины, бриллианты, изумруды и множество иных драгоценностей со всевозможными камнями. Но идеально подходил девушке набор из чёрного жемчуга с великолепной бриллиантовой отделкой. Он как нельзя лучше подчёркивал и без того ошеломительные струящиеся серебром волосы. Две служанки, соорудив на её голове нечто невероятное, вплели и туда несколько бриллиантовых и жем-

чужных нитей. Получилось настолько хорошо, насколько это возможно. Девушка сама залюбовалась своим отражением в зеркале. Она была красива и в сорочке, но теперь стала просто великолепна.

За время одевания из весёлого щебета служанок она немного узнала о Принце. Увы и ах, он оказался совсем не принцем, ибо его отец королём не был, но, из их разговоров выходило, что к правящей династии он всё же как то относится. Как именно девушка так и не поняла, но вдаваться в расспросы не стала, так как побоялась выглядеть глупо. Где-то между примерками она вдруг осознала, что совершенно не помнит, кто она, но приняла это на удивление спокойно, решив подумать об этом позже.

Ей доделывали причёску, когда в дверь постучали. После разрешения вошёл статный седой старик, он выглядел настолько важным, что девушка едва удержала себя от реверанса.

– Если вы готовы, вас приглашают на обед.

Ещё до того решив держаться спокойно и позволить жизни течь своим чередом, дабы посмотреть, куда всё это её приведёт, девушка ответила согласием и, поблагодарив всех за помощь, отправилась следом за ним.

Слуга так долго вёл её, плутая по замку, что девушка начала подозревать, что либо они заблудились, либо её пытаются запутать, чтобы она никогда не нашла выход. Но, к её счастью, она не успела озвучить свои мысли, поскольку слу-

га наконец вывел её в большой обеденный зал, где, казалось, собралось население небольшого городка. Там её посадили рядом с Принцем (уже зная, что он не принц, девушка всё же не могла отказать себе в удовольствии так его называть) во главе стола. Немного удивившись такому почёту, она не посмела отказать и только теперь поняла, что ужасно голодна. За невероятно вкусной едой девушка как-то не прислушивалась к разговорам за столом, пока не поднялся ухоженный мужчина средних лет с абсолютно белой головой с явным намерением сказать тост.

– Позвольте поздравить вас всех с этим знаменательным событием. Мой любимый, дорогой и единственный сын, благодарение Небу, нашёл свою Судьбу, свою Любовь, свою Звезду и теперь женится!!!

В его словах было столько искреннего счастья, и все за столом так активно поддерживали его, что девушка невольно улыбнулась, поддавшись общему приподнятому настроению и выпила за этот тост.

– Кто же это? – спросила она сидевшего рядом Принца, потягивая вино, которое ничуть не уступало великолепию еды.

– Как кто? – в свою очередь, удивился он и, увидев её непонимающий взгляд, добавил с лучезарной улыбкой: – Мы, конечно.

Девушка от неожиданности подавилась. Откашлявшись, она очень долго рассматривала Принца, надеясь, что он по-

шутил, но тот был занят беседой и никак не отреагировал на её красноречивый взгляд. Теперь девушка внимательно стала вслушиваться в разговоры за столом. И действительно, то тут, то там звучало слово «свадьба», и как-то подозрительно часто гости салютовали бокалами в их сторону. Через несколько минут она осознала, что Принц не шутил и она действительно находится на собственной помолвке. И, казалось, никого не смущало, что она появилась неизвестно откуда и что сама она неизвестно кто. Напротив, все неслыханно радовались.

«Может быть, у них какое-то пророчество есть на мой счёт?» – в смятении подумала девушка. Но больше всего в этой ситуации её задевало то, что её согласия на брак никто даже не спросил, словно это совсем не важно. Осознав это, она поняла, что её прежнее решение плыть по течению и позволить событиями течь своим чередом может привести её прямо к замужеству на совершенно незнакомом мужчине. Пусть даже это будет такой очаровательный юноша, которого она не могла воспринимать никак иначе, нежели как сказочного принца. Придя в некоторый ужас от этой мысли, она резко встала, но, поймав удивлённый взгляд своего новоявленного жениха, через силу улыбнувшись, сказала:

– Простите, мне нужно выйти, – и, не дожидаясь, пока её остановят, направилась к ближайшей двери, оставив юношу недоумевать по поводу своего столь скорого ухода.

Несмотря на ухищрения старого слуги, девушка с удивив-

тельной для себя скоростью нашла выход и с наслаждением вдохнула уличный воздух. Когда Радим привёл её в замок, они, похоже, вошли с другой стороны, потому что по пути из леса они не проходили мимо других построек, сейчас же она вышла на небольшую площадь, за которой начинался город.

Надо же было именно в этот момент вдруг проснуться дремавшей доселе совести, напомнившей, что она, так поспешно ретиrowавшись, только что унесла из замка целую кучу драгоценностей. А вдруг это к тому же какая-нибудь фамильная ценность? Девушка постояла в нерешительности, но, ругнувшись на себя, всё же вернулась.

Войдя обратно в замок, она увидела недалеко от двери маленький столик со стоящим на нём подносом для писем, сняв колье и браслет, там она их и оставила. С облегчением выдохнув, девушка вновь развернулась, чтобы уйти, но всё та же совесть напомнила ей, что в её волосах находится едва ли не больше жемчуга, чем было в наборе. Что ж, она ведь ради этого и вернулась? Девушка попыталась аккуратно достать нити из волос, но запуталась и так неудачно дёрнула, что нить оборвалась и вся причёска распалась: волосы освобождённой волной хлынули за спиной, а жемчужины с весёлым стуком раскатились по всему полу.

– Ой! – невольно выдохнула девушка, провожая их взглядом.

Секундой ранее дверь в противоположном конце зала отворилась: там показались её жених и, очевидно, будущий

свёкор – фамильное сходство между ними было сложно не заметить. Увидев их, девушка гордо выпрямилась и, сделав вид, что не имеет никакого отношения к разбросанному по всему полу жемчугу, невозмутимо направилась к выходу. Принц, крикнув «Подождите!», устремился за ней, но на полпути, поскользнувшись на раскатившемся по всему залу жемчуге, упал, нелепо задрав ноги. Забыв про хорошие манеры и про то, что только что хотела скрыться, девушка остановилась у двери и звонко расхохоталась.

– Рад, что заставил вас улыбнуться, – принимая горизонтальное положение, заметил Принц без тени иронии или злобы.

– Простите, это я их рассыпала, – извинилась девушка, по-прежнему улыбаясь.

– А куда, если не секрет, вы направляетесь? – мягко, но в то же время несколько строго спросил отец принца.

Немного смутившись, девушка сначала жестами показала на дверь, а затем, взяв себя в руки, ответила почти так же сдержанно:

– Скорее не куда, а откуда.

– Вам не понравился приём? – несказанно удивился Принц.

– Приём великолепен! Меня не совсем устраивает повод, по которому он был организован. Понимаете, в мои планы на сегодня не входило замужество, – проникновенно заметила она.

– А кто говорит о сегодняшнем дне? – вновь искренне удивился Принц, – мы поженимся послезавтра. Раньше тебе просто не успеют сшить платье, – извиняющимся тоном закончил он.

Девушка с минуту рассматривала его, ища следы шутки или издёвки, но поняв, что он полностью серьёзен, закатила глаза, поражаясь его уверенности.

– Я имела в виду не сегодняшний день, а замужество в принципе. О какой свадьбе может идти речь, когда ты не знаешь меня, а я понятия не имею, кто ты? – девушка предположила, что они не знакомы, но, сказав это вслух, с опаской ожидала его ответа.

– Достаточно того, что я полюбил тебя, – горячо возразил юноша, который только сейчас поднялся с пола, и она облегчённо выдохнула. Почему-то оказаться в глупом положении для неё было страшнее, чем то, что она не знала, кто она.

– В том-то и проблема, что для меня недостаточно. Ты даже не знаешь моего имени. Да и кто сказал, что я согласна выйти замуж за тебя?

Во время их бессмысленно кругового диалога отец Принца и хозяин замка внимательно следил за девушкой всё более и более заинтересованным взглядом.

– Я тебе не нравлюсь? – по-детски готовый к обиде спросил принц.

– Нравишься, – неожиданно для себя призналась она, но добавила убеждённо: – Но это недостаточно веское основа-

ние для женитьбы.

– Что же, как не любовь, побуждает людей соединять свои судьбы?

Девушка усмехнулась, но ничего не ответила, ей надоело стоять на пересечении их взглядов, и она, вспомнив, что давно хотела уйти, развернулась во исполнение этой цели к дверям. Но тут же была остановлена возгласом Принца:

– Постой, я сделаю всё, что ты хочешь!

– Ты ещё не понял, – не сумев или не захотев скрыть нотки жалости, заметила она, – мне ничего от тебя не надо. Я вообще не уверена, что ты можешь мне что-то дать.

– Все замки, земли, деньги – твои! – в искреннем порыве воскликнул он.

– Я бы оскорбилась, да ты не поймёшь, – даже более холодно, чем планировала, заметила она.

– Вы простите его, – впервые вступил в разговор стоявший неподалёку хозяин замка, – он ещё слишком молод, он не видел мира за стенами этого замка и почти не общался ни с кем, кроме своей семьи.

Встретив её удивлённый взгляд, он отчего-то начал оправдываться:

– Как-то не заметил, что он уже вырос.

– Так ты хочешь, чтоб я путешествовал? – вновь вклинился в разговор Принц.

– Вроде того, – отмахнулась она, неожиданно поняв, что страшно устала от этого разговора. И решив, что с неё на

сегодня хватит, развернулась и наконец вышла из этого уже начавшего на неё давить замка. Спустя пару шагов девушку догнал её несостоявшийся свёкор.

– Нет-нет, не пугайтесь, – тут же поспешил он её заверить, – я не буду уговаривать вас остаться. Вы правильно поступили – ему давно пора встретиться с миром. Но вы? Куда вы пойдёте? Позвольте заплатить вам за жильё. Я не прощу себе, если со Звездой моего сына что-то случится, – с улыбкой закончил он.

– Посмотрите на меня, – ответила девушка, возвращая ему улыбку: – У меня две руки, две ноги, голова на плечах, смею надеяться, умная, неужели вы думаете, что я не прокормлю себя?

И подумав, что и этот разговор закончен, помахала ему на прощанье рукой и отправилась вниз по улице.

– Как вас зовут? – крикнул отец Принца, когда она отошла шагов на двадцать.

– Вы единственный здравомыслящий человек в этом сплошь нерациональном замке, – обернувшись, воскликнула девушка и, немного подумав, назвалась первым именем, что пришло ей в голову: кто знает, возможно, оно действительно было её настоящим именем, – Лаэрта.

– Удачи вам, Лаэрта! – на прощанье крикнул он.

– Это вам удачи, она вам больше понадобится, – выкрикнула она и, отсалютовав на прощанье, свернула за угол, для себя добавив: – А я попытаюсь сама всего добиться.

2

Её благие намерения и уверенность закончились довольно быстро. Девушка плохо представляла, куда себя деть в этом незнакомом городе, а общение с людьми давалось ей нелегко: первые несколько минут на неё откровенно пялились восторженными глазами, словно не слыша и не понимая её. Поэтому довольно скоро она обменяла свой излишне роскошный шарф на более практичный чёрный плащ с капюшоном, однако и это помогло не сильно: в своём шикарном вечернем платье она мало походила на человека, ищущего работу, да и кому была нужна девушка, толком ничего не умеющая? Спустя четыре часа она всерьёз начала сожалеть о том, что так легкомысленно и самонадеянно отказалась от предложения отца Радима.

Летняя ночь опускалась на город неслышно, исподтишка, едва заметными сумерками, настолько неспешно стгуцавши-мися, что почти невозможно было понять, когда закончился вечер и началась ночь.

Когда стемнело, окончательно отчаявшаяся девушка вышла за черту города, ещё не зная, что надеется там найти. За пределами городских стен небо развернулось перед ней опрокинутым ковшем с мириадами звёзд. У девушки на секунду даже перехватило дыхание, настолько всеобъемлющим и подавляющим было ночное небо. Так что располо-

жившийся на ночь в нескольких сотнях метров от городской стены бродячий цирк она заметила не сразу. Ночь была уже настолько тёмной, что приблизившуюся на десяток метров девушку в чёрном плаще не замечали, поэтому она обогнула импровизированный лагерь по дуге, и наткнулась на груды валунов, прогретых солнцем за день. Будучи слишком уставшей, чтобы продолжить путь, и всё же не настолько смелой, чтоб подойти к циркачам, она устроилась на камнях и стала наблюдать за тем, что происходит в лагере.

Вели себя циркачи довольно беспечно. Их было немного, всего восемь взрослых и пара детей. Главной была женщина средних лет с крашеными ярко-рыжими волосами, она часто и заразительно смеялась и, несмотря на грубоватые манеры, располагала к себе. Так же часто, как она, звонко смеялись две девушки-ровесницы, похожие друг на друга, как сёстры, гибкость и изящество которых сложно было не заметить даже ночью. Они порхали по лагерю, словно ни минуты не могли усидеть на месте, и, когда старшая женщина прикрикивала на них, ничуть не успокаивались, а, разразившись очередным приступом смеха, почти молниеносно перемещались вне зоны досягаемости её огромного черпака. Чуть в стороне держался мужчина в возрасте, он улыбался шуткам девушек, но в общем веселье участия не принимал. Стараясь походить на него, так же держался невысокий темноволосый, по подростковому нескладный мальчишка, однако ему это удавалось не так успешно, и он то и дело срывался в погоню

за девчушками-хохотушками, которые не без удовольствия задирали его по поводу и без. Беловолосая девочка, едва ли достигшая десяти лет, с переменным успехом то увязывалась хвостом за девушками, то приставала с расспросами к мужчине, тот не то чтобы отвечал очень охотно, но девчушку не прогонял и терпеливо выслушивал.

За время, пока девушка наблюдала за ними, циркачи все вместе со смехом и шутками успели поужинать. Ещё через час они стали укладываться спать. Заметив это, девушка решилась показаться им, поскольку провести ночь на голой земле ей всё же не хотелось. Но как только она подумала о том, чтобы встать с уже успевших остыть камней, тут же почувствовала, что кто-то рядом.

– Что ты здесь делаешь? – откуда-то сбоку грубо спросил мужской голос со странной хрипотцой.

– Сижу, – лаконично ответила девушка, в общем-то не зная, что ещё сказать.

– Зачем ты наблюдала за нами? – продолжил свой допрос голос.

Немного повернув голову, она узнала седоволосого мужчину из лагеря, и поняла, что не видела его с самого начала ужина.

– Да так, – девушка неопределённо пожала плечами: она и сама не знала, зачем следила за этими людьми, но поскольку он по-прежнему ждал ответа, добавила не к месту, забавляясь: – Мимо проходила.

В этот момент их заметили остальные, и рыжеволосая женщина махнула рукой:

– Избор, что у тебя там? Иди сюда.

Мужчина, который, судя по всему, и был Избором, кивнув в сторону лагеря, предложил познакомиться с Марганой.

– Весь вечер мечтала, – то ли съязвила, то ли серьёзно ответила девушка, направляясь следом за ним в центр лагеря, где сейчас собрались все его жители.

– Вечер в хату. Меня можно не звать, я сама приду, а обращаются ко мне Маргана, – первой представилась хозяйка не очень ласковым голосом, что можно было понять, учитывая поздний час. – Ты что за зверь и какая нелёгкая тебя принесла?

– Я Лаэрта, – ответно представилась девушка и, немного подумав, сказала чистую правду: – Я ищу работу. У вас случайно не найдётся какой-нибудь работёнки за еду и ночлег?

– Ты ищешь работу в полночь? – не без язвительных интонаций переспросила Маргана.

Девушка лишь развела руками, как бы говоря: «Да, вот такая я непутёвая».

– Ладно, раз пошла такая пляска, оставайся сегодня у нас. Уже слишком поздно для того, чтоб молоденькая девушка расхаживала в одиночестве. А завтра посмотрим. Утро вечера мудренее – трава соломы зеленее.

– Спасибо, – только и ответила девушка.

Как ни удивительно, ей почти сразу организовали кой-

ко-место, и у девушки закралась неприятная мысль о том, что её здесь ждали. Однако заснула она, как только голова коснулась подушки, – слишком длинный выдался день.

Наутро странность с кроватью легко разъяснилась. Маргана рассказала, что накануне от них ушла девушка Лана, помогавшая на кухне, и теперь эта «вакансия» была свободна. Лаэрта с радостью согласилась на такую работу. Посмотрев на её вечернее платье, Маргана усмехнулась и уже через полчаса нашла где-то простое коричневое платье почти её размера. За день, проведённый в городе, девушка успела понять, что люди излишне восторженно относятся к её волосам, и, не желая более привлекать к ним внимание, она нашла платок, под который их и упрятала.

Так девушка нашла себе работу, о которой не могла и подумать, и дом там, где этого не ожидала. Остальные члены лагеря приняли её весьма радушно, за что она была безмерно благодарна. Её работа оказалась «подай-принеси-уйди-не мешай», так как к готовке Маргана не допускала никого. Надо отметить, что в стряпне никто и не мог бы с ней сравниться. У Марганы был талант из простых и подручных продуктов в ужасных условиях готовить восхитительные блюда.

Первые две недели в цирке для Лаэрты пролетели незаметно. За это время они побывали с представлениями в двух городах. Девушки, как она и подозревала с самого начала, были гимнастками, выступавшими в номере с двумя парнями. Избор оказался метателем ножей. Также в лагере были

два ребенка: ангелоподобная Забава, что объявляла номера, и мальчик-подросток 13 лет Млад, выполнявший мелкие работы по лагерю и не участвовавший в представлениях.

Уже после нескольких дней, проведённых вместе, девушки – Упава и Хубава – выдали Лаэрте все нехитрые секреты лагеря. Они с придыханием рассказали о большой любви Ланы, которой даже Маргана не могла противостоять. Поэтому едва Храбр – избранник Ланы – позвал её за собой, та без спора отпустила. Ещё они рассказали, что Избор отлучён от общего стола за то, что как-то не в очень трезвом, а точнее, в очень нетрезвом состоянии нелестно высказался о стряпне Марганы, чего она, будучи абсолютно в себе уверена и бесконечно горда своей готовкой, никому не могла простить. Это длилось уже полтора года, и не было никаких предпосылок к изменению ситуации. Зато Избор с тех пор не взял в рот ни капли. Лаэрта не удивилась этой истории, так как, раз попробовав стряпню Марганы, поняла, что в жизни ничего вкуснее не ела. У неё был дар, и она была по-настоящему помешана на готовке. Так же как Избор был абсолютно помешан на своих ножах. Он везде носил их с собой и не расставался с ними даже ночью. На выступлениях же Избор неизменно срывал бурные аплодисменты, проявляя чудеса ловкости и меткости.

Эти две недели кочевой жизни в бродячем цирке показались такими спокойными для Лаэрты, что она легко смирилась с пребыванием здесь и до того привыкла к своему

положению, что почти не думала о своём неизвестном прошлом. Повозки, запряжённые лошадьми, катились с черепашной скоростью, и девушка вскоре заскучала.

Первыми, на что упал её беспокойный взгляд, были костюмы, в которых выступали девушки-гимнастки. Ничем не примечательные чёрные костюмы заинтересовали её как раз таки своей непримечательностью. Не имея под рукой ничего, кроме своего вечернего платья, Лаэрта использовала его. Девушке было немного жаль расставаться с прекрасным платьем, напоминавшим о чудесном и таком сказочном вечере, что всё чаще начинался казаться сном, но она оказалась жуткой реалисткой и прекрасно понимала, что сейчас это платье ей не понадобится. К тому же жажда деятельности была в ней неукротима. С гимнастками они сошлись на том, что ткани вполне хватит на коротенькие юбки и топики. Как показало первое же выступление, идея была превосходной – костюмы выгодно подчёркивали пластичность и грацию девушек и, переливаясь в свете факелов, создавали загадочную и немного сказочную атмосферу. Маргана, которая поначалу была против этой идеи, в итоге вынуждено согласилась с её положительным эффектом. Впрочем, Лаэрта не собиралась останавливаться.

Следующим пунктом её плана была музыка. Ну что за представление может обойтись без сопровождения музыки? На то, чтобы убедить в этом Маргану, Лаэрте потребовались всё её умение убеждать и целая неделя времени. Ещё неделя

ушла на поиск музыкантов. В одном из городов Лаэрта буквально нос к носу столкнулась с пожилым скрипачом, который играл на площади за деньги. Убедить его с опытом, выработанным благодаря Маргане, не стоило Лаэрте никаких серьёзных усилий. И уже следующее их выступление проходило под музыку. Даже скептически настроенная Маргана вновь признала, что идеи Лаэрты нравятся публике.

Следующим, на кого упал жаждущий деятельности взгляд девушки, был Избор.

– Научи меня метать ножи, – без обиняков обратилась к нему Лаэрта в один из вечеров, когда они не давали представлений.

Избор не счёл нужным ответить и, окинув её презрительным взглядом с головы до ног, расхохотался.

Не ожидая ничего другого, Лаэрта, молча развернувшись, ушла, но ненадолго. Через неделю она вновь обратилась к нему с той же просьбой, он лишь предсказуемо рассмеялся.

– Смех – это уже неоригинально, – довольно холодно заметила она, – к тому же глупо отказывать, не выслушав моего предложения.

– Не думаю, что ты сможешь чем-нибудь меня заинтересовать, – скопировав один в один её тон, ответил Избор.

– Я другого мнения, – и, видя, что Избор не собирается её перебивать, продолжила: – У меня к тебе деловое взаимовыгодное предложение. Ты учишь меня бросать ножи, а я уговариваю Маргану разрешить тебе вновь есть за общим

столом.

Это предложение повергло Избора в шок.

– Ты никогда не сможешь этого сделать, – наконец выдал он, дивясь её самоуверенности.

– Я же почти уговорила тебя, – с хитрой улыбкой заметила она.

– Хорошо, – наконец согласился Избор, – я начну учить тебя в тот же день, как попробую еду, приготовленную Марганой.

– Вот и прекрасно, – напоследок улыбнувшись ему, девушка пошла к фургону с припасами.

Теперь предстояла более сложная задача – убедить Маргану пригласить Избора к столу. Для осуществления своего плана Лаэрта выбрала день, когда той не было в лагере. У Марганы была только одна слабость – готовка, чем и собиралась воспользоваться девушка. Видя, что Лаэрта готовит, даже вечно неразговорчивый Избор подошёл к ней и предупредил, что это Маргане очень не понравится. С неизменной улыбкой возразив, что это её личные проблемы, девушка продолжила свои приготовления.

Незадолго до прихода Марганы все обитатели лагеря, что до этого крутились возле неё, приставая с советами и нотациями, вдруг куда-то исчезли, словно сквозь землю провалившись. Лаэрта, подумав, что ей не помешает дополнительная помощь, сняла уже ставший привычным платок с головы и распустила волосы. К этому времени она уже пре-

красно осознавала, что её серебряные волосы оказывают поистине магическое воздействие на людей – ей становится просто невозможно сопротивляться. Девушка как раз успела прибраться на кухне, когда вернулась хозяйка цирка. Лаэрта, увидев, в какой гнев пришла Маргана, застав её на своей кухне, на мгновение усомнилась в верности своей идеи.

– Стоило ненадолго отлучиться, и понеслась косая в щавель?! Что ты делаешь на моей кухне? – едва сдерживая бурлившую ярость, почти прошипела Маргана.

– Не вели казнить, вели слово молвить! – в жанре лучших сказок запричитала Лаэрта, бухнувшись на колени.

Маргана настолько удивилась, что позабыла на мгновение про свою ярость. Удовлетворившись произведённым эффектом, Лаэрта спокойно встала и, отряхнув колени, как ни в чём не бывало быстро затараторила:

– У меня к тебе деловое предложение. Если ты согласишься на одну мою маленькую просьбу, я расскажу рецепты блюд, которых ты ещё не знаешь.

– Да чему ты можешь научить меня? От умного научишься, от глупого разучишься! Ты же даже готовить не умеешь! – голосом, полным сарказма, поинтересовалась уже пришедшая в себя Маргана.

– Вообще-то умею, просто не люблю, – скромно потупив глазки, заметила Лаэрта, но, спохватившись, продолжила убеждать Маргану. Жестом фокусника откинув полотенце с горки только что испечённых ею блинов, она предложи-

ла: – Попробуй, если ты ела что-нибудь подобное, то можешь считать всё это полной глупостью и налагать на меня любое наказание. – Видя, что та не спешит попробовать её блюдо, она добавила: – Но ведь ты же ничего не теряешь, верно?

Маргана, ещё сомневаясь, всё же решила попробовать, ведь в действительности что она теряла? К её удивлению, стряпня Лаэрты оказалась вкусной, но что ещё более странно, незнакомой. Заметив на лице хозяйки цирка интерес, Лаэрта проговорила, стараясь не упустить момент:

– А ещё их можно делать с вареньем или начинкой из свежих трав либо с мясным фаршем. Тесто в этом случае делается, конечно же, несладкое.

– Что ж, возможно, я поторопилась, и ты действительно можешь меня чему-то научить, – после некоторых раздумий заметила Маргана, ведь что ни говори, а признавать собственные ошибки она умела. – И если сделаешь это, то я, пожалуй, выполню твое желание. Кстати, что за таинственность, чего ты от меня хочешь?

Глядя на Маргану, Лаэрта засомневалась на мгновение, но решив, что не стоит пропадать двум часам, проведённым на кухне, глубоко вздохнув, сказала:

– Я хочу, чтоб Избор обедал вместе с нами.

– Исключено! – Маргана, только что протянувшая руку за очередным блинчиком, отдернула её, словно тот превратился в гадюку. – Никакая стряпня этого не стоит!

– Маргана, ты же не знаешь, от чего отказываешься. Толь-

ко подумай, ты будешь уметь делать блинчики с клубникой, творогом, фаршем, а ещё сырники и вареники, ароматный плов и форшмак, солянку и луковый суп-пюре, если позволишь мне научить себя, – горячо убеждала девушка, не желая так легко сдаваться. Слова лились из неё потоком, и она с удивлением осознавала, что знает, как всё это готовить, но по-прежнему не помнит, кто её этому научил. Но дарёному коню в зубы не смотрят, и она радовалась, что память услужливо подсказывала ей хоть что-то.

Маргана задумалась – соблазн был велик:

– Ты действительно сможешь научить меня всему, что перечислила?

– Да, и ещё многому другому, – эмоционально воскликнула Лаэрта, видя, что Маргана близка к согласию.

– Хорошо, можешь передать Избору, что сегодня он обедает с нами, – нехотя согласилась циркачка, не будучи до конца уверена в том, что не пожалеет позже о своём решении.

– Спасибо! – от радости Лаэрта кинулась обнимать Маргану, чем вызвала её недовольную гримасу. Заметив это, Лаэрта тут же отстранилась.

– Передай ему, чтобы помыл руки! – едва сдерживая улыбку, крикнула Маргана вслед уходящей девушке. Она ничего не могла с собой поделать и просто не в состоянии была сердиться на девушку, волосы которой так сияли в лучах вечернего солнца.

Перед тем как подойти к Избору, Лаэрта взяла себя в руки и сделала очень серьёзное лицо. Заметив ещё издали её кислую мину, Избор сказал с понимающей ухмылкой:

– Не получилось?

– А ты действительно был готов давать мне уроки? – как можно унылее спросила она.

– Да, конечно, уговор дороже денег.

– Что ж, – Лаэрта огорчённо вздохнула, а затем вдруг улыбнулась и едва не пропела: – В таком случае можно начинать с завтрашнего дня. А сегодня, конечно, после того как помоешь руки, можешь присоединиться к нам за ужином!

Челюсть Избора медленно поползла вниз, а глаза пропорционально ей поднялись на лоб. Вдоволь насладившись этим зрелищем, Лаэрта, напевая под нос какой-то весёлый мотивчик, скрылась.

3

С началом занятий жажда деятельности Лаэрты была на время утолена: у неё просто не оставалось времени, чтобы скучать. Несколько часов в день она проводила с Марганой, рассказывая новые рецепты, да и прежние её обязанности никто не отменял. Что же касается Избора, то он оказался прямо-таки фанатичным учителем. Он требовал заниматься всё свободное время. Порой он поднимал Лаэрту среди ночи и вёл в лес на тренировки, и любые разговоры о том, что ничего не видно, приводили лишь к увеличению времени занятий. Кроме того, все потерянные в темноте ножи приходилось искать Лаэрте, чем она, как правило, занималась до рассвета.

Впрочем, её успехи были просто потрясающими. Уже через две недели Лаэрта могла попасть с 20 шагов в круг диаметром 30 см. А на обед практически каждый день они пробовали новые блюда. Насколько Избор был фанатичным в роли учителя, настолько Маргана жаждала новых знаний. Они буквально разрывали Лаэрту на части, чему она только радовалась, поскольку в те редкие свободные минуты, что ей всё же перепали, Лаэрту начинала снедать тоска, о причинах которой она не позволяла себе задуматься.

На одной из тренировок Лаэрта вдруг подумала, что неплохо было бы усовершенствовать номер Избора.

– А ты можешь попасть в любую цель? – спросила она перед очередным броском.

– Да, а что? – немного поправив положение её руки, отозвался Избор.

– А если ты волнуешься? Ну, например, если кто-то схватит Забаву, сможешь ли ты бросить в него нож, не побоявшись её задеть?

– Ну, во-первых, я бы не стал бросать нож в живого человека, не пытаюсь поговорить, а во-вторых, к чему ты клоунишь? – начиная подозревать неладное, спросил он.

– Так да или нет? – настаивала Лаэрта.

– Да, я смогу попасть в любую цель, как бы ни волновался, что, впрочем, и ты должна бы уже уметь. С чего этот разговор?

– Просто мысли разные бродят, – Лаэрта наконец сделала бросок, весьма неудачный, к слову: нож даже не попал в круг, чего с ней уже давно не было.

– Знаешь, если бы ты поменьше думала о моём номере и побольше о занятиях, то, вероятно, хоть иногда попадала бы в цель. Ну, чего ты на меня так смотришь – у тебя же всё на лице написано. Не спорю, то, что ты сделала с номером Упавы и Хубавы, весьма неплохо, но я ничего менять не собираюсь, – уверенно и как мог строго заметил Избор.

Лаэрта вздохнула. Похоже, убедить Избора будет гораздо сложнее, чем она думала. Впрочем, Лаэрта даже усмехнулась, это совсем не означает, что она не будет пытаться.

– Мне совсем не нравится ход твоих мыслей, – оказалось, Избор внимательно следил за ней.

– Я даже ничего не сказала, – возмутилась Лаэрта.

– А тебе и не надо. Я достаточно хорошо успел тебя узнать. Как только тебе становится хоть немного скучно, ты развиваешь бурную деятельность, при этом не особо считаюсь с мнением окружающих. И даже не вздумай спорить. Это на самом деле так.

– Да я и не собиралась, – солгала Лаэрта, сев на ближайшее поваленное дерево.

– Кстати, давно хотел тебя спросить: что ты делала ночью возле нашего лагеря? – после продолжительного молчания поинтересовался Избор.

Лаэрта расхохоталась, представив его лицо, когда он узнает, что она сбежала из-под венца.

– Прости, я пока не готова об этом говорить, – наконец ответила девушка, направляясь на поиски ножа.

– А если я скажу, что внимательно выслушаю твою идею и приму её к рассмотрению, расскажешь? – хитро усмехнулся Избор, решив сыграть на её любви к сделкам.

Девушка надолго замолчала, но, так ничего и не решив, более серьёзно, чем он предполагал, ответила:

– Это надо обдумать.

Однако её желание сделать хоть что-либо было сильнее её страсти к секретам, и она сдалась довольно быстро. Уже через пару дней Лаэрта решила рассказать Избору если не

всю свою историю, то по крайней мере некоторую её часть.

– Тебе всё ещё интересно, почему я оказалась у вашего лагеря ночью? – в конце очередной тренировки спросила она.

– Безусловно, – почти без раздумий согласился Избор.

– Тогда присаживайся, – девушка усмехнулась: и мужчины ещё смеют утверждать, что женщины чересчур любопытны. Она указала на облюбленный ей ствол поваленного дерева и, устроившись напротив него, попросила: – Но для начала расскажи, что ты знаешь про Радима.

– Радима? – переспросил Избор: – Сына Далебора Хорта?

Девушка не очень уверенно кивнула – отец её Принца как-то не нашёл времени представиться.

– Я знаю, что он живёт в Изкаре, в родовом замке их семьи, как и его отец. Впрочем, действительно, ты же присоедибилась к нам как раз там, – вспомнил он, всё же не понимая, что её может связывать с таким родовитым семейством. Поскольку девушка молчала, он добавил: – Учитывая его возраст, при следующем витке престолонаследия он вполне может стать нашим следующим королём...

Теперь в ступор впала девушка. Она уже знала, что короля этой страны зовут Годимир и он живёт не в Изкаре. Так каким же образом Радим мог стать королём? Возможно, он какой-то родственник: племянник, кузен? Как могла аккуратно, девушка попросила:

– Я, знаешь ли, далека от политики настолько, насколько это возможно, и даже ещё чуть дальше, так что не мог бы ты

с этого момента поподробнее?

Избор удивлённо посмотрел на неё, но, наткнувшись на её абсолютно невинный непонимающий взгляд и вспомнив, что это далеко не первый её странный вопрос, он как мог подробно объяснил:

– В нашей стране есть пять семей, осуществляющих руководство. Вероятно, ты слышала про нынешнего короля Годимира Ломыгу, так вот через несколько лет заканчивается период его правления, и следующим семилетним королём будет Хорт.

– Семилетним королём? – переспросила Лаэрта, ничего не понимая из его рассказа.

– Ты вообще меня слушала? – удивился Избор, для которого всё это было очевидно. – Одна из пяти семей раз в семь лет становится правящей династией. Одна из них – семья действующего короля Годимира Ломыги из Суквера. Кроме них, это Русаки из Падера, Урмы из Вербока, Тарпаны из Мушера, известные, помимо всего прочего, тем, что в настоящий момент не имеют наследника мужского пола, и интересующие тебя Хорты из Изкара. Каждые семь лет, а период витка престолонаследия как раз столько и составляет, одна из семей по кругу принимает бразды правления, и через несколько лет титул перейдёт к Хортам.

– И что, все так просто передают корону? – удивилась Лаэрта.

– Конечно, таков порядок.

– Ладно, предположим, что, отправив свои семь лет, действующий король, спокойно и не скрепя сердцем, передаст корону следующему правителю. Но что если, к примеру, с Хортом приключится несчастный случай на охоте и некому будет эту корону принять?

– Странные у тебя вопросы. В этом случае управление возьмёт на себя совет старейшин, по крайней мере до тех пор, пока Хорт не поправится или, при самом печальном исходе, не будет принято решение передать правление следующей семье.

– И такое бывает? – начиная укладывать в голове рассказ Избора, поинтересовалась она.

– К сожалению, да, около ста лет назад случился пожар, и всё семейство Вепрь, должное принять правление, погибло. С тех пор и осталось пять семей.

– А было, значит, шесть?

– Семь, если считать со Стоумами.

– Стоумами? – переспросила Лаэрта, больно знакомым показалось ей это имя.

– Ну да, лет 70 назад Стоумы отказались от своего права на трон. В общем, их можно понять: они практикующие маги, самые сильные из магов нашего мира, им явно нет дела до политики, – охотно пояснил Избор.

– Маги?! – переспросила девушка. Существование магии предполагалось, но в открытую ей ещё никто про магов не говорил. Впрочем, поняв, что отвлекается и для неё уже до-

статочно информации для одного вечера, Лаэрта махнула рукой и заметила: – Хотя нет, оставим магов и Стоумов на потом, на сегодня с меня достаточно этой смеси монархии и президентской республики.

Девушка мало поняла систему политического устройства, но улыбнулась от мысли, что Радим, похоже, всё-таки принц.

– Итак, после этой поучительной лекции, я надеюсь, и ты мне поведаешь что-нибудь интересное.

– Даже не знаю, с чего начать, – девушка задумалась лишь на мгновение и продолжила: – Начну с того, что я вас не обманывала – я действительно искала работу. Как оказалось, в городе не так много желающих взять на работу, пусть даже не самую престижную, невесть откуда взявшуюся девушку в вечернем платье. А вот работу я искала как раз потому, что неожиданно почувствовала непреодолимое желание сбежать со своей помолвки. Сбежать и, по возможности, скрыться в неизвестном направлении. Помолвка, к слову, состоялась с этим вашим Радимом.

– То есть с помолвки? – даже не пытаясь скрыть удивление, воскликнул Избор.

– Вот! – непонятно почему обрадовалась девушка и тут же пояснила: – Я была так же удивлена, когда осознала, что нахожусь на собственной помолвке.

– А сейчас я хочу немного больше подробностей, – попросил Избор, не зная, верит он рассказу девушки или нет.

Лаэрта поджала губы, но спустя пару долгих мгновений

продолжила рассказ:

– Мы с Радимом встретились совершенно случайно, в паре километров от его замка. Уж не знаю, по какой такой надобности принц в тот день гулял по лесу Славы в гордом одиночестве, – о причинах своего пребывания в лесу девушка решила деликатно промолчать, – однако, встретив меня, замечу, увидев впервые в жизни, Радим (имени его я на тот момент не знала) начал нести какую-то чушь про то, что я его звезда, и непременно намеревался показать свой дом, – девушка хитро улыбнулась. – Я, как ты, вероятно, заметил, будучи изрядно любопытной, не могла упустить возможность оказаться в гостях у абсолютно незнакомого мне молодого человека и согласилась. В его замке меня весьма радушно встретили. Я, грешным делом, даже подумала, что у них какое-то пророчество на мой счёт имеется. Дальше – больше: прежде чем я что-либо успела спросить, меня облачили в шикарный вечерний наряд и пригласили на званый ужин. В силу своей природной рассеянности и некоторого чувства голода я, к стыду своему, даже не поинтересовалась, по какому случаю торжество. Но, надо отдать мне должное, когда подняли тост за наших будущих детей, я почувствовала неладное. В общем, следовало мне только оторваться от тарелки, как я поняла, что меня собираются выдать замуж. Замуж за человека, о котором к тому времени я знала только то, что его зовут Радим. Поэтому я сделала то, что первым пришло мне в голову, а именно спешно ретировалась. Кстати,

вот, ты взрослый человек, ответь мне на давно мучающий меня вопрос: может человек в здравом уме, к тому же, как оказалось, наследный принц, жениться на девушке, даже имени которой он не знает? – под конец своего длинного рассказа возмутилась Лаэрта.

– Подожди, мне надо осознать то, что ты сейчас рассказала, – поднял руку Избор и спустя пару минут раздумий медленно произнёс: – Получается, ты сбежавшая Звезда Радима Хорта?

– Кто, прости? – девушка удивлённо изогнула бровь, слишком часто её называли звездой в последнее время.

– Звезда. Звезда с большой буквы, как имя нарицательное, – он неожиданно рассмеялся: – Мы были в Изкаре именно потому, что было объявлено о скорой свадьбе Хорта, а на подобного рода мероприятиях без цирка не обходится. Но в полдень поползли слухи, что невеста принца сбежала, а к вечеру официально объявили, что свадьба отменяется, поэтому мы и покинули город. Кто бы знал, что мы забираем с собой пропавшую невесту.

– Для того чтобы девушка стала невестой, ей должно поступить предложение о браке, – пробурчала Лаэрта и спросила, не в силах понять: – Если Радим – королевских кровей, разве ему не полагается соблюдать чистоту крови и жениться на какой-нибудь даме из аристократической семьи, а не тащить под венец первую попавшуюся девушку?

– Полагается, конечно, но не тогда, когда дело касается

Звезды, – ухмыльнулся Избор.

Девушка не очень грациозно почесала затылок – эта реплика ей ничего не объяснила, но Избор произнёс это с такой уверенностью, что ей показалось, что она должна была знать и об этом тоже. Спросить означало вызвать новый поток вопросов, а не спросить – остаться в прежнем неведении.

Наблюдая за её задумчивым лицом, Избор решил поинтересоваться:

– Ты хочешь спросить что-то ещё?

Девушка с сомнением посмотрела на него:

– Только давай договоримся, что ты просто ответишь, даже если мой вопрос покажется тебе очень странным. – Получив не очень уверенный утвердительный кивок, она осторожно спросила: – Почему наличие Звезды делает возможным свадьбу между двумя незнакомыми людьми?

– Кто ты? Ты вообще из этого мира? – изумился Избор, но, увидев закатившиеся глаза девушки, вспомнил, что она просила от него простого ответа, и всё же пояснил: – Просто это же Звезда, – он растерянно развёл руками, не зная, как объяснить то, что и так знает каждый – впитывает с молоком матери. – Это основа мироздания. Встреча Звезды своей жизни. Вечная любовь, которая возникает между двумя людьми при первой же встрече, первом взгляде. Никто не может противостоять ей, неважно, кто ты: король, аристократ или простолюдин. И всякий, кто встаёт на пути такой любви, обрекает себя и своих потомков на страшное прокля-

тьё – он навсегда лишается права на любовь, взаимную любовь. Поэтому никто даже не пытается. И никого не удивляет новость, что принц неожиданно женится. Встретив Звезду, не отступает никто.

Избор замолчал, а девушка, подперев подбородок кулаком, удивлённо заметила:

– Но не могут же два совершенно разных человека, впервые увидевших друг друга, решить, что они готовы провести вместе всю жизнь? Вы вообще представляете, что значит совместная жизнь – один дом, одна спальня, дети, внуки? Каждый день всей будущей жизни. Всей-всей, до самой смерти?

– Если это Любовь – они просто не могут быть порознь, – в свою очередь, удивился Избор и, глядя на истинное непонимание на лице девушки, задумчиво добавил: – Но вот это уже странно.

– Что именно? – замедленно спросила Лаэрта, поскольку все её мысли были заняты его слепой верой в любовь.

– То, что ты, похоже, не веришь в любовь, – тихо, почти шёпотом ответил Избор, что казалось боялся произнести такую кощунственную мысль вслух.

Девушка пожала плечами: ну не верит она в такую слепую любовь – что такого? Она считала, что отношения требуют работы, длительной совместной работы, а семья – ещё большей работы.

– Но это невозможно, – так же тихо продолжил Избор, –

ты – Звезда Радима, ты не можешь не верить в любовь. Любовь всегда взаимна.

– Любовь всегда взаимна, – как эхо, повторила девушка и про себя добавила: «В каком же мире, единорог меня забодай, я живу?!». Может, она действительно влюблена? На всякий случай она решила покопаться в себе – но нет, она почти не вспоминала о Радиме, и её это вполне устраивало. Да, он был обезоруживающе красив и обходителен, и, что скрывать, он ей понравился, но непреодолимого желания выйти за него замуж у неё как не было, так и нет.

– Да. Всегда, – убеждённо повторил Избор, и уже не так уверенно добавил: – Но ты бы не сбежала, будь он твоей судьбой.

Девушка устало посмотрела на него, не веря, что пятидесятилетний мужчина с такой убеждённостью говорит о любви. Когда девчонки из лагеря упоминали что-то подобное, она, право, принимала это за юношеский максимализм и не придавала их щебету большого значения. Но, похоже, безоговорочная вера в любовь была принципиальной позицией всех жителей этого мира, ну или ей на пути попадались исключительно такие индивиды.

– Ладно, – наконец вздохнула она, – пожалуй, хватит откровений для одного вечера. И да, буду признательна, если дальше лагеря эта информация не уйдёт.

Не дожидаясь ответа Избора, девушка встала и пошла к лагерю, пытаясь осознать открывшиеся ей сегодня реалии

этого мира.

На следующий день она сделала вид, что вечернего разговора не было. Неизвестно, о чём думал Избор, но и он не поднимал этой темы. Вскоре девушка научилась метать ножи, почти не уступая Избору. Однако этого ей показалось мало, и Лаэрта попросила Избора научить её ловить брошенные ножи. Немного поупрямившись, скорее для виду, он всё же согласился, и тренировки возобновились с новой силой.

За время тренировок они с Избором довольно сильно сблизились, и он стал ненавязчиво опекать её. Как-то он даже выразился, что, учитывая его бродячий образ жизни и возраст, он вполне мог бы быть её отцом. Девушка, на мгновение представив Избора в роли отца, решила, что это навряд ли, но, воспользовавшись его благожелательным настроением, попыталась рассказать ему о своих планах на его номер.

Идея была проста, как и всё гениальное, но, нельзя не признать, немного опасна. Лаэрта предложила метать ножи не просто в мишень, а в неё, стоящую у этой мишени. Нет, в неё попадать, конечно, не надо, но в том и шик – опасность всегда привлекала обывателей.

Услышав подобное, Избор наотрез отказался, сказав, что она не в своём уме. Но подобный поворот девушку только раззадорил. И она начала методично и настойчиво убеждать, уговаривать и упрашивать Избора.

– Ну-у-у, И-и-избо-о-ор, – в этот вечер Лаэрта решила ка-

нючить. Вчера она взывала к его духу авантюризма, позавчера угрожала, что начнёт распускать о нём грязные слухи, и так каждый день. Казалось, фантазия её не иссякнет никогда.

– Я сказал «нет»! – почти рявкнул Избор, доведённый до белого каления, и бросил: – В конце концов, сама бросай ножи в людей, если так хочешь.

Он тут же пожалел о сказанном, увидев, как загорелись после этой фразы глаза девушки. У неё возникла новая идея. И Избор понял, что ничего хорошего ему ждать не стоит. Он тут же согласился на её номер. Но куда уж там. Лаэрта увидела новую цель и шла к ней, как тур. Удивительно, откуда в такой молодой и с виду хрупкой девушке было столько силы и упорства. Новая идея Лаэрти заключалась в том, что Избор не просто будет кидать ножи в мишень за её спиной, но и она будет бросать в ответ – этакий бой на ножах.

Как ни пытался отказаться Избор, уже через пару недель состоялось их первое выступление. И прошло оно просто на ура.

За два с половиной месяца, проведённых в лагере, девушка привнесла столько нового, что казалось, что она с ними уже целую вечность. Принимая участие в выступлениях, Лаэрта немного успокоилась. Благодаря её идеям из обычных провинциальных выступлений получилась великолепная театрализованная программа, достойная столицы. Им приходилось задерживаться в каждом городе на несколько дней, чтобы все желающие могли попасть на представление.

А слава бежала вперед них, ещё до приезда в город, туда съезжались зрители со всех окрестностей.

Маргана не нарадовалась на неё, хотя всячески это скрывала. Избор же всё больше относился к ней как к дочери. В один из вечеров он торжественно вручил ей четыре ножа на перевязи, сообщив, что у любого уважающего себя метателя должны быть личные ножи. С этой идеей Лаэрта свыклась очень быстро и утро начинала с того, что прикрепляла ножи на пояс, ничуть не смущаясь, сколь странно такое поведение было для девушки. Лаэрта привыкла к такой жизни, почти не думала о своём забытом прошлом и всё реже вспоминала о Принце.

Всё изменилось в один вечер.

Это было их обычное выступление в очередном городе, где благодаря распространявшимся быстрее ветра слухам на их выступление собралась целая площадь.

Представление уже подходило к концу, и приближался номер Избора и Лаэргты. Девушка бросила взгляд в толпу. Это был её обычный ритуал – рассматривая лица зрителей, она как-то успокаивалась, и потом, во время выступления, могла сосредоточиться на самом номере и не отвлекаться на толпу. Пробежав глазами по рядам зрителей, девушка вдруг замерла и посмотрела ещё раз – более внимательно: ей показалось, что она увидела знакомое лицо. И действительно, в первых рядах сидел Радим. Вот уж кого она меньше всего ожидала увидеть на представлении. Украдкой оглядевшись, она поняла, что может остаться вполне незамеченной, и продолжила рассматривать своего Принца.

Он изменился, это было видно даже издали. Восторженный детский взгляд сменился на твёрдый и уверенный. И за всё время, что она наблюдала, он ни разу не улыбнулся. Открытое, доброе лицо, которое она помнила, сменила хмурая маска. Девушка невольно поёжилась. Меньше всего ей хотелось быть причиной таких перемен в нём. В свете того, что ей рассказал Избор о Звезде, получалось, что сбежать с помолвки без объяснения причин было жестоко с её стороны.

И только сейчас, глядя на изменившегося Радима, она поняла, насколько это было жестоко.

Лаэрта вздрогнула, отвлекаясь от собственных мыслей, услышав, что её зовёт Избор, – она и не заметила, что пришло время их выступления. Не успев подумать, зачем она это делает, девушка схватила оставшуюся от недавнего карнавала маску и, наскоро спрятав лицо, вслед за Избором вышла в ярко освещённый круг, образующий сцену.

Мысли метались суматошные, сумбурные. Как он её нашёл? Что ей сказать? Что будет дальше?

Номер девушка исполняла на одних рефлексах, не задумываясь. И, как и следовало ожидать, при такой невнимательности один из ножей почти достиг цели, вызвав испуганный вздох зрителей. Всё же она успела перехватить его в последний момент, и нож лишь едва оцарапал кожу. Девушка широко улыбнулась и раскланялась во все стороны, давая понять, что это всего лишь часть номера.

– Что с тобой сегодня? – прошептал подошедший ближе Избор, он-то знал, что это отнюдь не часть представления.

Девушка улыбнулась и ему тоже, успокаивая. Затем, пока они с Избором расходились в разные стороны сцены, мельком посмотрела на Радима. Его взгляд, как и взоры всех зрителей, не отрывался от сцены, но не было похоже, чтобы он узнал её. И Лаэрта, решив, наконец, что то, что он оказался здесь, – чистая случайность, сосредоточилась на представлении, что позволило дальнейшему выступлению пройти без

эксцессов.

По окончании их выступления Избор, как обычно, предложил одному из зрителей проверить крепость своих нервов. Лаэрта, лучезарно улыбаясь, проводила добровольца в центр освещённого круга, и лишь усилием воли, сохранила хладнокровие, ведь добровольцем оказался именно Радим. Девушка подвела его к небольшой деревянной стене и привязала за руки, старательно избегая смотреть на него.

– Сердце привело меня к тебе, – негромко, но очень серьёзно сказал Радим, когда ему наконец удалось поймать её взгляд.

– Сердце – всего лишь большая мышца, не преувеличивай, – неожиданно даже для себя схамила она в ответ. И пользуясь тем, что он прикован к стене, поспешила сбежать со сцены. У неё было немного времени, пока Избор развлекал публику тем, что метал ножи в паре сантиметров от Радима.

Выйдя за пределы освещённой площади, девушка замерла, не зная, что делать дальше. Мысли наскакивали одна на другую и металась с такой скоростью, что она не успевала поймать ни одну из них. Поэтому она с удивлением услышала вопрос Марганы, которая, похоже, задавала его уже не в первый раз:

– Что с тобой? – в голосе хозяйки цирка слышалось беспокойство.

– Извини, – девушка замедленно сняла маску и так же за-

медленно произнесла: – Извини, мне надо уйти.

– Что?!

– Да, – девушка кивнула скорее своим мыслям, чем возгласу Марганы, – мне определённо пора покинуть ваш гостеприимный лагерь.

– Куда? Почему на ночь глядя? – не переставала удивляться Маргана.

Девушка посмотрела на циркачку, словно впервые увидела, а затем неожиданно легко улыбнулась – она приняла решение, а о его правильности можно подумать после. Поэтому она беспечно пожала плечами и в присущей ей шуточной манере ответила:

– Ну, потому что вот такая я – спонтанная и ночная. Извини, я так благодарна тебе за то, что ты приютила меня тогда, но сейчас мне действительно пора. Вообще, – девушка бросила взгляд на площадь, где Избор уже заканчивал номер, – мне было пора ещё два часа назад, так что я уйду не прощаясь. Передай остальным, что мне очень жаль так с ними расставаться.

И девушка быстро прошла мимо Марганы, надеясь скрыться до того, как та успеет что-либо сказать.

– Стой! – всё же успела окрикнуть её хозяйка цирка.

Девушка скорчила недовольную рожицу, оттого что скрыться быстро не получилось, но остановилась и повернулась к Маргане.

– Возьми Королеву, – после молчаливой игры в гляделки

неожиданно сказала она.

Девушка открыла рот для отказа, но так ничего и не сказала. Она простояла с открытым ртом добрые две минуты, за которые поняла для себя, что убегать лучше на лошади, чем пешком, поэтому просто ответила:

– Спасибо.

Затем, ещё на секунду замявшись, быстро подошла к Маргане и крепко обняла, не в силах ничего объяснить. Она даже себе-то не отдавала отчёт в том, что делает:

– Извинись за меня перед Избором, и... я не прощаюсь, мы ещё непременно встретимся, – девушка искренне улыбнулась, а затем, быстро развернувшись, ушла.

– Что это было? – саму себя спросила Маргана, видя, как девушка, ведущая под уздцы лошадь, растворяется в толпе.

К темноте Лаэрта благополучно добралась до небольшого лесочка, в тени деревьев которого она и решила остановиться. Поскольку ретировалась она с невероятной поспешностью, ужинать ей было нечем, поэтому она попыталась убедить свой желудок, что вода из обнаруженного неподалёку ручья вполне себе достаточная пища. С тем она и устроилась на ночлег. Пустой живот, однако, не слишком располагал к спокойному сну, поэтому девушка просто лежала, разглядывая звёздное небо и раздумывая, пинок какого единорога заставил её так резво убегать от Радима? Пожалуй, впервые за всё время она всерьёз задумалась над тем, что же она делает. Сначала сбежала из замка, где её ожидала скорая свадьба с

Радимом, мотивируя это тем, что он недостаточно повзрослел. Теперь же вновь сбежала от него, испугавшись, что он повзрослел слишком сильно.

Она задержала взгляд на одной из звёзд и за неимением других собеседников обратилась к ней:

– Тебе сверху всё видно, скажи, что мне надо? Зачем я здесь? Красивый принц готов отправиться за мной за тридцать земель, и мне он, признаться, нравится, но почему же меня бросает в дрожь от одной мысли, что у нас может быть совместное будущее?

Лаэрта и не подозревала, что всего в получасе езды от места её ночлега точно так же лежит у костра и разговаривает со звёздами тот, о ком были её мысли – Радим.

В отличие от неё Радим хорошо знал устройство мира, в котором жил, и поэтому не оттого, что не было других собеседников, а зная, что может получить ответ, вполне осмысленно обратился к небу:

– Звёзды, вы всё видите. Вы знаете, как долго я ищу её, подскажите же, прошу, где мне найти мою Звезду?

Он даже не удивился, когда сразу после его слов с небосклона вдруг сорвалась звезда, на которую он смотрел. Поняв, что это знак, он поспешно вскочил на коня и помчался вслед падающей звезде.

Лаэрта тоже видела эту звезду и хотела загадать желание. И пока она думала, чего же именно хочет, звезда неумолимо приближалась. Наконец Лаэрта поняла, что та избрала ме-

стом своего падения выбранный ею для ночлега лесок. Тут же подскочив от внезапной догадки, девушка поспешила отвязать Королеву. Но как только она это сделала, лошадь, испуганная непонятным шумом и светом, вскочила на дыбы и понеслась, задев девушку. Лаэрта почувствовала толчок и, успев увидеть совсем рядом яркий свет, погрузилась во тьму.

Девушка очнулась от дикой головной боли, во рту почему-то был привкус металла. Лишь спустя несколько мгновений она поняла, что это кровь. Не открывая глаз, Лаэрта попробовала пошевелить конечностями – вроде слушались. Но вот спину и локоть нудно жгло болью. Решившись, наконец, открыть глаза, она обнаружила себя на земле. Немного поведя глазами влево, что причинило неприятную, но терпимую боль, девушка заметила котлован и, движимая неистребимым женским любопытством, подползла к его краю. К её удивлению, в самом центре котлована слабо мерцал камешек размером с ядро грецкого ореха.

«Это же надо быть настолько везучей, чтоб оказаться на месте падения звезды, причём непосредственно в момент этого падения», – с досадой подумала девушка, всматриваясь в странный камень. Она и не заметила, что чересчур высунулась за край котлована, и поэтому не успела ничего предпринять, когда, потеряв равновесие, рухнула вниз. На этот раз, ограничившись лишь парой ссадин и синяков, она вполне благополучно приземлилась на дне ямы. К её удивлению, оно не было горячим, но, возможно, она просто

слишком долго была без сознания, и земля успела остыть. Присмотревшись, Лаэрта поняла, что звезда гораздо меньше грецкого ореха, по размеру она была ближе к средней жемчужине. Спустя пару минут молчаливого рассматривания Лаэрта всё же решилась взять её в руку и сразу же ощутила, что от неё идёт какое-то странное, живое тепло. Рассмеявшись, девушка подумала, что для неё, ставшей Звездой Радима, находка звезды вполне закономерна.

Ещё немного подержав её в руках, наслаждаясь неземным теплом, Лаэрта решила для себя, что в ближайшем городе непременно узнает, что из себя представляют звёзды. Пока же, положив звёздочку в потайной карман на поясе, Лаэрта попыталась выбраться. Котлован не был очень уж глубокий — метра 2—2,5, к тому же стенки были сплошь неровные, что позволило ей практически без труда подняться наверх. Однако когда она держалась руками уже за край котлована, выступ, на который она опиралась, вдруг обломился, и девушка рухнула обратно вниз, на этот раз сильно ударившись головой. Не успев понять, что именно произошло, Лаэрта вновь потеряла сознание.

Какого же было удивление собирателя звёзд, успевшего прибыть первым на место падения, когда он обнаружил в котловане не обычный шар воли, а девушку без сознания. Не став разбираться, что произошло, он просто взял девушку с собой в один из ближайших замков.

Радим, что прибыл по прошествии нескольких минут по-

сле их исчезновения, обнаружил лишь пустой котлован.

Очнувшись, Лаэрта обнаружила себя в каменной темнице. Слева было высокое зарешечённое окно, и девушка решила встать и оглядеться. За окном она увидела весьма интересный пейзаж – высокие горы с заснеженными вершинами, внизу же простиралась пропасть. Лаэрте стало интересно, как она оказалась здесь. Однако долго ей гадать не пришлось, поскольку уже через пять минут после её пробуждения в «комнату» вошёл довольно пожилой мужчина. Оглядев её цепким, даже каким-то колючим взглядом, он без предисловий грубо спросил:

– Кто ты?

Девушка в ответ лишь поинтересовалась:

– А где я?

– Здесь я задаю вопросы! – внезапно рявкнул он.

– Кто сказал? – ничуть не испугавшись, съязвила она.

Он пробуравил её тяжёлым взглядом, но, так ничего и не сказав, развернулся и вышел, хлопнув дверью. Без особой надежды девушка попробовала толкнуть её, но, как она и ожидала, дверь была заперта.

Лаэрта свято верила в то, что в любом мало-мальски уважающем себя замке должен быть тайный ход, а если повезёт, ещё и не один, однако через два часа поисков она начала думать, что, возможно, ей попался какой-то неправильный за-

мок, и бросила свои поиски. Но заскучать не успела: её вновь решил навестить уже знакомый старик:

– Итак, кто ты?

Девушка с удивлением подняла бровь: неужели он действительно думает, что всего два часа в заточении способны побудить её сменить решение?! Поэтому, усмехнувшись, также повторила свой вопрос:

– А где я?

Ничего более не говоря, старик вновь исчез. Лаэрта вяло улыбнулась. По здравому смыслу следовало спокойно поговорить с человеком, державшим её взаперти, – была бы хоть какая-то надежда на скорейшее освобождение. Однако когда это она поступала разумно? Гордость заставляла её дерзить раньше, чем она успевала подумать о последствиях своего поведения.

За неимением других занятий Лаэрта взяла подсвечник с горевшими свечами и стала капать в стоявшую тут же воду. Уже после она подумала о том, что, когда придёт жажда, пить ей будет нечего. Рассматривая образовавшиеся на воде кляксы застывающего воска, она пыталась предположить, что они могли бы означать. Впрочем, надолго это развлечение девушку не заняло, поскольку гадать одной при свете дня – это не совсем то же самое, что ночью, в бане, под шуточками подружек. От скуки глядя на пляшущее пламя, она вдруг вспомнила, что подземный ход можно найти благодаря дрогнувшему пламени свечи. Поэтому недолго думая она взяла

подсвечник и прошлась с ним вдоль каждой из стен. Она так хотела, чтобы пламя свечи заколыхалось, что, когда у стены, завешенной ковром из гобеленовой ткани, это произошло, радостно вскрикнула.

– Что и следовало ожидать! – подбодрила себя девушка, отодвигая ковер.

К сожалению, там была просто стена, подумав о том, что терять ей всё равно нечего, Лаэрта начала постукивать по стене. В конце концов что-то щёлкнуло, и одна из плит отъехала в сторону. Девушка, правда, и сама не поняла, что именно она сделала, но решила не упускать такую возможность и нырнула в открывшийся ход, машинально оправив после себя ковёр.

Признаться, в слабом, колышущемся свете свечи и без того не особо приятный ход выглядел жутковато. Но это вносило хоть какое-то разнообразие в её ставшее в последние несколько часов унылым существование, и Лаэрта, не особо раздумывая, направилась вниз по винтовой лестнице. Она спускалась по ней довольно долго, отчасти оттого, что приходилось ступать очень осторожно. В конце концов лестница закончилась, и девушка оказалась в узком ходу и осторожно пошла вперёд. Уже через несколько шагов Лаэрта услышала чьи-то приглушённые голоса. С возрастающим интересом она осмотрела стену, от которой они доносились, и, как и ожидала, нашла небольшую щель. Не в силах отказаться от такого приглашения, она заглянула туда. Перед её глаза-

ми предстали часть довольно богато украшенного зала и уже знакомый ей старик. Он сидел за столом и разговаривал с человеком, лица которого Лаэрте рассмотреть не удавалось, поскольку тот сидел к ней спиной.

– Так ты говоришь, что не нашёл звезды? – спросил неизвестный старика тихим голосом, в котором Лаэрта почувствовала ощутимую угрозу.

– Я же говорил, что там не было звезды, – старик тоже ощутил угрозу и отвечал торопливо, оправдываясь: – Там была только девушка. Прямо в кратере.

– Не может простой человек, тем более девушка, быть в кратере упавшей звезды, – вновь чересчур спокойно заметил неизвестный.

– Но мне кажется, что это не обычная девушка. Вы бы только видели её волосы. Даже мне, много чего повидавшему и, уж поверьте на слово, начисто лишённому романтики, первое, что пришло в голову при взгляде на них, это сравнение с лунной дорожкой на воде – лёгкой и серебристой.

– Приведи её, я хочу на неё посмотреть, – распорядился незнакомец, он тоже слишком много повидал, чтобы оставить без внимания слова старика.

– Ага, найдут они меня, как же, – со злорадным весельем подумала девушка, продолжая наблюдение. Спустя долгих десять минут прибежал слуга со смесью страха и изумления на лице.

– Что случилось? – сразу почувствовав неладное, подско-

чил старик.

– Её нет в комнате.

– Как нет?! – вскрикнул старик. – Обыскать всё немедленно!

Лаэрта едва не рассмеялась из своего укрытия, но, подумав, поняла, что зря потратила столько времени на подслушивание. Она вполне могла бы незаметно уйти, а теперь её будут искать – проклятое любопытство! Впрочем, она не привыкла долго переживать из-за того, что уже не изменишь, и решила продолжить подслушивание. Вдруг она получит ответы хоть на некоторые из своих вопросов, например, почему кто-то охотится за звёздами и почему она не могла находиться рядом с этой звездой, хотя легко взяла её?

Любопытство Лаэрти не было удовлетворено, поскольку оба мужчины, немного поспорив, вскоре ушли. Не видя иных вариантов, девушка продолжила исследование тайных ходов замка, в который её по воле случая занесло. На её пути попались несколько тупиков и пара выходов, но решив, что безопаснее всего сейчас скрываться, девушка не покинула тайный ход. Некоторые ходы были шире и чище, а местами даже освещены тусклыми светильниками, из чего она сделала вывод о том, что ими периодически пользуются. Другие же, напротив, были темны и полны паутины. И, несмотря на всю свою нелюбовь к паукам и прочей мелкой живности, девушка держалась этих ходов, поскольку интуиция и здравый смысл подсказывали ей, что лучше остаться незамеченной.

В одной из комнат она узнала кабинет. Милый, уютный и какой-то по-домашнему родной, при беглом взгляде на обстановку девушка прониклась искренней симпатией к хозяину, поскольку, будь у неё кабинет, она бы сделала его именно таким. Внезапно дверь кабинета распахнулась, и туда буквально влетела разъярённая девушка:

– Папа! Почему мы должны терпеть это? Они ходят по всему замку, как у себя дома! – воскликнула она без приветствия.

Кресло, что стояло у окна, медленно повернулось, и оказалось, что в нём сидит мужчина средних лет со светло-русыми, почти белыми волосами. Лаэрта удивлённо перевела взгляд с него на девушку, поскольку та была жгучей брюнеткой. Мужчина между тем очень спокойно, без удивления и раздражения, спросил:

– Что на этот раз произошло? И закрой, пожалуйста, дверь.

– Все носятся как угорелые, уже дважды врывались в мою спальню. Что они потеряли здесь?

– Ты же прекрасно понимаешь, что я не могу этого знать. Собиратель не отчитывается передо мной, – с прежним спокойствием ответил он.

– Я не хочу, чтобы они находились в моём доме! – приотпнула ногой девушка, став уморительно похожей на пятилетнего ребенка, закатившего истерику из-за того, что ему не разрешают искупаться в луже посреди дороги.

– Это пока ещё и мой дом, – негромко, но достаточно твёрдо заметил её отец.

Девушка сморщила нос, отчего её красивое лицо стало похоже на мордочку маленькой злой собачки. Удивительная трансформация для человека. Так ничего и не сказав, она вышла, напоследок хлопнув дверью. Отец её лишь слегка покачал головой и продолжил чтение книги, будто его и не прерывали столь бесцеремонным образом.

Лаэрта ещё немного понаблюдала, но поскольку более ничего интересного не происходило, отправилась дальше. Однако из этого подслушанного разговора она уяснила для себя, что темноволосый незнакомец и старик – какие-то собиратели и хозяевами замка не являются. Что ж, это по крайней мере объясняло, почему они не знали про тайный ход.

Спустя ещё два часа метаний по закоулкам замка она вновь наткнулась на старика, беседовавшего с тем же мужчиной. Похоже, они и не прекращали своего спора:

– Я показал тебе точное место, куда упадёт звезда, и указал время, когда это произойдёт, – почти кричал темноволосый мужчина на старика: – Тебе нужно было лишь вовремя там появиться и взять звезду.

– Я и появился там вовремя, – заметил старик с почтением в голосе, – и взял то, что было на месте падения звезды.

– Девушку? – с сарказмом переспросил незнакомец, – девушку, которая делась непонятно куда?

– Ну вот как раз для звезды не проблема исчезнуть, когда

пожелает, – спокойно ответил старик.

– Когда пожелает? У звезды нет воли, а соответственно желания. Да и не может звезда быть девушкой, она может только обрести носителя. Ладно, сейчас уже ничего не изменишь, – неожиданно устало закончил мужчина, – здесь мы уже ничего не найдём. Эта звезда потеряна, придётся ждать следующую.

И они оба вдруг исчезли. Девушка с удивлением смотрела на пустую комнату. Ведь только что они были здесь, и вот – ничего, даже ничегошеньки. В недоумении она пошла к ближайшему выходу. Покинув, наконец, своё временное убежище, она решила найти хозяина замка. Лаэрта прошла несколько залов, время от времени встречая людей, которые не обращали на неё ровным счетом никакого внимания. Наконец она почти нос к носу столкнулась с девушкой, которую видела в кабинете. Та остановилась перед ней как вкопанная, а затем сделала то, чего Лаэрта совсем не ожидала: радостно вскрикнула и бросилась обнимать её.

– Что ты здесь делаешь? – воскликнула она.

Лаэрта даже не нашлась что ответить. Она и сама не знала, что здесь делает и где вообще это здесь. Впрочем, времени на раздумья ей не дали. Девушка схватила её за руку и почти силой потащила за собой.

Наконец они дошли до места назначения, и неожиданно радушная девушка, распахнув дверь, вновь ворвалась в кабинет отца.

– Вот! – воскликнула она, указывая на Лаэрту.

Её отец замедленно повернулся в кресле, но, как только увидел Лаэрту, резко подскочил и так и застыл с глупейшей улыбкой на лице. Лаэрта, никак не ожидавшая подобной реакции, повертела головой в поисках зеркала, которое и обнаружила слева от себя. Хождение по тайным ходам не пошло на пользу ни ей, ни её платью. Волосы вместо привычных серебристых стали какими-то пегими от осевших на них пыли и паутины, на лбу красовался развод, а платье сплошь было покрыто пятнами всех мастей и размеров. Может, и не стоило так сильно удивляться реакции мужчины. Она вновь перевела на него глаза, и поскольку в отличие от всех тех, кого она встречала до этого, он вызывал в ней непреодолимое чувство поделиться тем, что на неё свалилось, она произнесла:

– Простите, я совершенно случайно оказалась в вашем замке и абсолютно не хотела вас беспокоить. Но раз уж так получилось, то позвольте представиться. Меня зовут Лаэрта, – девушка произнесла всё это с лёгкой извиняющейся улыбкой и закончила реверансом, тем, что в её представлении было реверансом.

По мере её монолога улыбка сползала с лица мужчины, и он очень пристально стал вглядываться в девушку. Настолько пристально, что Лаэрте показалось, что он увидел каждый позвонок, каждый самый малый нерв. Девушка невольно поёжилась. Заметив это, мужчина неожиданно тяжело вздох-

нул и попытался вновь улыбнуться.

– Не стоит извиняться. Мы никогда не знаем, как повернётся наша судьба, так что прошу: раз вы здесь, будьте нашей гостей, – настолько мягко и любезно сказал он, что девушка тут же забыла про его взгляд и расплылась в улыбке. Мужчина меж тем обратился к своей дочери: – Дорогая, не узнаешь, что у нас там с ужином?

– Но, папа! – возразила было девушка.

– Рада, прошу тебя, – устало и строго перебил её отец.

Смерив Лаэрту долгим взглядом, но так ничего и не сказав, девушка покинула кабинет.

– Давайте я покажу вашу комнату, и думаю, вам не помешает умыться, – после некоторого молчаливого разглядывания друг друга наконец заметил мужчина.

– Спасибо, – только и ответила Лаэрта, никак не ожидавшая такого приёма, и уже в коридоре всё же уточнила: – Простите, но как мне к вам обращаться?

– Я Озар, – отчего-то с грустной улыбкой заметил мужчина и добавил: – Ты же не против перейти на «ты»?

– Конечно, нет, – улыбнулась девушка.

Ещё ни разу девушка так сильно не радовалась такому, казалось бы, незначительному событию, как ванна. Кроме того, на удивление предусмотрительный Озар приказал подготовить для неё платье. Лаэрта предполагала, что оно перекочевало прямиком из гардероба Рады. С сомнением посмотрев на платье, поскольку Рада даже на глаз была ниже Лаэр-

ты, девушка всё же поняла, что выбора у неё нет. Каково же было её удивление, когда наряд подошел ей идеально, словно был сшит специально на неё. Пожав плечами, она приняла это как данность.

Она присела на край кровати в ожидании, пока за ней кто-нибудь придёт, чтобы проводить к ужину, как было обещано. Только сейчас вспомнив о своей находке из котлована, девушка достала из кармана своего старого платья то, что, как она предполагала, было звездой.

– Похоже, весь этот сыр-бор из-за тебя, – слегка укоризненно произнесла Лаэрта, положив звезду на открытую ладонь.

На мгновение ей показалось, что звезда при этих словах слегка потеплела.

– Интересно, – спросила девушка скорее себя: – Почему мне кажется, что ты меня понимаешь?

На этот раз звезда стала заметно теплее, став почти горячей.

Девушка рассмеялась – со звёздами она ещё не общалась. Поразмыслив ещё немного, она поняла, что звезда – довольно ценная вещь. В чём именно эта ценность проявляется, она, конечно, не имела ни малейшего представления. Но решила перестраховаться. Аккуратно замотав звезду в шелковый платок и обвязав верёвочкой, она надела получившуюся конструкцию на шею и спрятала за воротом платья.

Вскоре за ней пришли и проводили в зал, где был накрыт

стол на три персоны. Поскольку она была первой и не имела представления, какое из трёх мест отведено ей, Лаэрта решила подождать остальных у окна. И, раз взглянув на открывшийся из окна вид, не смогла отвести глаз. Окна этого зала выходили на ту же сторону, что и окна её бывшей темницы, и открывали вид на горы. Было при этом в них что-то величественно-гордое, что не позволяло взгляду просто скользнуть мимо. Покрытые изумрудом леса, склоны к вершине светлели сначала серокаменными переливами, а затем и вовсе переходили в белые заснеженные вершины. Любуясь видом, она не сразу заметила приход хозяина. Тот, в свою очередь, тоже не обратил на неё внимания, поскольку она стояла у окна в углу огромного зала.

– Пригласи мою дочь, – обратился он к ближайшему лакею.

Услыхав его реплику и оторвавшись наконец от окна, девушка кашлянула, привлекая его внимание.

Озар поднял на неё глаза и замер. Скрывая улыбку и наслаждаясь эффектом, девушка подошла к столу. Она прекрасно осознавала, как действуют на людей её распущенные волосы, и, признаться, иногда этим беззастенчиво пользовалась.

– Благодарю, – девушка вновь улыбнулась и присела на галантно отодвинутый Озаром, который всё же взял себя в руки, стул.

В этот момент в зал вошла Рада, надо отдать ей должное

– она держала себя в руках гораздо лучше своего отца. Она лишь чуть сбилась с шага, увидев Лаэрту, более ничем не выдав своего удивления. Лаэрта открыто улыбнулась ей, прекрасно понимая, что та не такого выхода ожидала, и давая Раде понять, что она в курсе этого.

За милой беседой с хозяином и обоюдоострыми завуалированными подколками Рады над Лаэртой и Лаэрты над Радой они продолжили ужин, который растянулся на несколько часов. Из-за того что Лаэрта наотрез отказалась рассказывать что-либо о себе, их беседа плавно перетекла на политику и грядущую в скором времени коронацию принца Говена Ломыги. Поскольку её кругозор ограничивался лишь рассказами Избора о мире, девушка задавала множество вопросов, и, хотя некоторые из них были весьма необычны, Озар терпеливо и обстоятельно отвечал на каждый из вопросов. К концу вечера девушка узнала, что находится не так далеко от места их последнего выступления с цирком.

Несмотря на всё гостеприимство Озара, Лаэрта не собиралась надолго задерживаться в этом доме: её несколько пугал излишне радушный приём, оказанный хозяевами совершенно незнакомой девушке, невесть как оказавшейся в их доме. В конце концов она поймала себя на мысли, что чувствовала себя гораздо спокойнее, если бы Рада, например, её возненавидела. Хотя толку от её ненависти, если главным здесь всё же был Озар, вот не будь здесь его... Додумать Лаэрта не успела, ведь после окончания ужина, измотанная таким

длинным и наполненным событиями днём, девушка уснула, едва успев добраться до кровати.

Утром же события приняли весьма неожиданный поворот.

Она едва успела встать и одеться, как в её комнату влетела Рада, похоже, по-другому входить в помещение эта девушка не умела. После минутного разглядывания, которое Лаэрта встретила с непривычным для себя спокойствием, Рада, не скрывая гнев, спросила:

– Зачем ты пришла?!

Лаэрта холодно посмотрела на неё и, приподняв одну бровь, заметила:

– Тебя мама в детстве не учила здороваться, когда входишь в комнату и видишь там людей? Так что доброе утро для начала.

– Молчать! – ещё больше разозлившись, закричала Рада.

– Но как же я тебе отвечу, зачем пришла, если буду молчать? – искренне удивилась Лаэрта, даже не скрывая издёвки.

– Ты... ты... – Рада буквально задыхалась от ярости, – ничего, я научу тебя разговаривать почтительно, вот посидишь без еды пару дней – посмотрим, как запоёшь, – сквозь зубы прошипела девушка и вышла, захлопнув дверь.

Лаэрта услышала, как с той стороны дверь закрыли на ключ.

– Право, не понимаю, как я умудряюсь так быстро заво-

дить врагов, я же вроде ничего не сделала? – в полной растерянности заметила оставшаяся в одиночестве девушка, садясь в кресло у камина. – И что, интересно, все в этом замке хотят непременно поморить меня голодом?

Девушка замолчала, поняв, что немного странно разговаривать в пустой комнате вслух.

Всерьёз она стала принимать ситуацию лишь к вечеру, когда ничего не изменилось. Из комнаты её не выпускали, лишь принесли воды и ведро для, так сказать, естественных нужд. На следующий день к обеду её в сопровождении охраны привели в зал, в котором они за день до этого так миролюбиво ужинали. Сейчас, к огромному сожалению Лаэрты, на это рассчитывать не приходилось.

За обеденным столом прямо по центру сидела, нет, даже восседала Рада, с явным удовольствием она заметила:

– Я подумала, что тебе наверняка наскучило сидеть в одиночестве.

Несмотря на некоторое чувство голода, то и дело напомиравшее о себе, Лаэрта осталась стоять на месте, ожидая подвоха.

– И, безусловно, раз моему отцу из-за тебя пришлось столь срочно покинуть дом, для тебя отведено почётное место.

Лаэрта едва заметно кивнула, что ж, отсутствие хозяина замка в некотором роде объясняло перемены в её существовании, оставалось, однако, малопонятно, как его отъезд свя-

зан с ней.

По знаку Рады в зал вошли двое стражников с оковами в руках. Лаэрта была настолько ошеломлена, что даже не пыталась сопротивляться. Один из обручей закрепили на её запястье, другой же на стене, тем самым ограничив её передвижение двумя метрами цепи.

– Будешь сидеть здесь, пока не научишься почтительно разговаривать с теми, кто выше тебя! – заявила Рада, вновь неувовимо превратившись из очаровательной девушки в злобную собачонку.

– Если уж ты так настаиваешь, – несколько придя в себя, спокойно заметила Лаэрта, скромно опустив глаза к полу, – то если смотреть с этой точки зрения, я тебя сантиметров на десять выше.

– Ах ты!.. – Рада захлебнулась собственным гневом и выбежала из комнаты, так ничего и не придумав.

– А нервные клетки беречь надо – они не восстанавливаются, – не смогла отказать себе в удовольствии крикнуть ей вслед Лаэрта, которая, несмотря на своё довольно плачевное положение в данный конкретный момент времени, чувствовала себя на удивление хорошо и по непонятным даже для себя причинам веселилась.

По крайней мере её приковали рядом с окном, на вид из которого она могла любоваться часами, испытывая непередаваемое эстетическое удовольствие от созерцания. Пища духовная, однако, никак не могла заменить пищу материаль-

ную. А Лаэрта не ела уже достаточно давно, чтобы начать ощущать её недостаток.

Ночью её разбудил один из стражей. С почему-то виноватым выражением лица он протянул ей тарелку с едой. Тряхнув головой, девушка убедилась, что это ей не снится. Раздумывая над предложением, Лаэрта решила спросить:

– Тебя не накажут, если узнают?

– Никто не узнает.

Девушка наконец решила и приняла тарелку из его рук, но всё же решила узнать, почему он ей помогает.

– Не подумайте, что мы здесь держим пленниц постоянно, – явно смущённый, заметил охранник: – Я уверен, как только приедет Озар, всё встанет на свои места.

Так же прошли последующие трое суток. Днём Рада пыталась всячески досадить Лаэрте, что в итоге заканчивалось только тем, что она в гневе выбегала из зала. Ночью же кто-то из стражи приносил ей еду.

На третий день Лаэрте всё это порядком поднадоело, и она вяло подумала, что для разнообразия оковы могли быть и послабее. Впрочем, вскоре она действительно заметила, что наручник на её руке немного разболтан. Вся ночь ушла на то, чтобы расшатать его ещё больше. И о чудо! К утру она, немного ободрав кожу, смогла вытащить руку.

От неожиданно обрётённой свободы Лаэрта даже растерялась. Всё же, взяв себя в руки, она побежала к выходу, но опоздала на каких-то несколько минут, так как именно в этот

момент в дверях появилась Рада. Вновь растерявшись, Лаэрта вернулась в зал и тут же пожалела об этом. Ей ничего не стоило просто оттолкнуть Радую с пути, а теперь она вернулась в зал, из которого не было выхода. Взгляд то и дело наткался на кольцо в стене, к которому она была прикована в течение нескольких дней, что здорово мешало трезво мыслить. Рада, только сейчас поняв, что пленница освободилась, неожиданно завопила и побежала к ней. Поддавшись порыву, Лаэрта вылезла в окно и встала на карниз. Она не успела сообразить, зачем это сделала и что собирается предпринять дальше, как её сзади за волосы схватила Рада.

Теперь Лаэрта не могла ни повернуться, ни сделать шаг в сторону, так как Рада тут же намотала волосы на кулак и сильно тянула на себя, между тем продолжая звать стражу. Так и не успев подумать о том, что делает, Лаэрта на ощупь схватила один из своих ножей, так любезно подаренных Избором, и, закинув руку назад, провела по волосам. Освободившись, она тут же развернулась на 180 градусов, оказавшись лицом к лицу с Радой. Та ещё не успела понять, что произошло, и стояла с её волосами в одной руке. При взгляде на них Лаэрта чуть не заплакала: она и не думала, что они настолько красивы – истинное серебро. Лаэрта неверяще провела рукой по волосам, которые закончились неприлично быстро.

Девушки стояли, глядя друг на друга, долгие две минуты. Ни та ни другая не могли осознать того, что произошло. Их

душевный тет-а-тет прервали появившиеся наконец в дверях стражи. Поняв, что сейчас её втащат в зал и всё начнётся по новой, Лаэрта неожиданно поддалась шальной мысли «умирать, так красиво». Всё так же глядя на Раду, она улыбнулась и, плавно раскинув руки, грациозно откинулась назад. Она успела заметить, как вытянулось лицо Рады, а затем почувствовала всю красоту свободного падения.

6

Летя вниз, Лаэрта запоздало испугалась того, что натворила. В одно мгновение перед ней пронеслись все события последних месяцев: и короткое знакомство с принцем, и долгое путешествие с цирком, и последнее нелепое недельное заточение. Оставаясь неисправимым оптимистом, девушка почти весело подумала: быть птицей сейчас было бы очень кстати.

Земля между тем неукоснительно приближалась, ведь, как бы ни глубока была пропасть, и у неё всегда есть дно. Но в какой-то момент всё изменилось. Небо и земля несколько раз поменялись местами, а затем вдруг всё стало чёрным. Полагая, что уже разбилась, и испугавшись того, что это не конец, Лаэрта неистово забилась. К её удивлению, чернота вдруг пропала, а движения перестали быть скованными. Не сразу она заметила, что встречный воздух уже не бьёт её тело, как отбойный молоток, а земля приближается как-то замедленно. Спустя долгие две минуты Лаэрта решилась оглядеться, лишь за тем чтобы убедиться, что мир стал чёрно-белым. Неопознанные перья по бокам после некоторого раздумья были признаны крыльями. Похоже, её крыльями!

– Я птица, – ошарашенно констатировала девушка. На большее она сейчас оказалась не способна. Её собственные мысли то и дело перебивались инстинктивным желанием по-

есть, на которое тело, которое она не решалась признать своим, тут же реагировало. Глаза выискивали на земле мелкую живность, и прежде чем Лаэрта успевала сообразить, что происходит, её тело уже несло к земле с устрашающей скоростью. Ей вновь приходилось судорожно махать крыльями, чтобы остановить падение. Когда девушка не задумывалась, как лететь, её тело птицы прекрасно справлялось с этой задачей. Но стоило ей подумать о том, как повернуть крыло или какую мышцу нужно напрячь, как она тут же теряла равновесие и совершала несколько кульбитов в воздухе. Как в притче про сороконожку, которую зачем-то спросили, с какой ноги она начинает ходить, и она, задумавшись над этим, не смогла сделать ни шагу.

Вот только её тело птицы никак не желало оказаться на земле, оно вполне комфортно себя чувствовало и в воздухе, чего нельзя сказать о самой Лаэрте. Вероятно, предложи ей сейчас чёрный единорог продать душу за возможность ощутить под ногами твердь земную, она бы не стала так уж сильно раздумывать.

В борьбе разума и инстинктов она провела не один час, пока, наконец, не смирилась, а, смирившись, перестала вмешиваться в жизнь своего тела. И когда птица в ней в очередной раз углядела добычу и стала снижаться, Лаэрта приложила все усилия, чтобы не вмешиваться. Было невыносимо страшно видеть приближающуюся с невероятной скоростью землю, но девушка всё же оставалась безучастной, и в награ-

ду за старанье в паре метров от земли крылья чуть повернулись, и она, чувствуя напряжение в суставах, резко сбросила скорость. А уже в следующее мгновение её когти сомкнулись на полевой мыши, отчаянно запищавшей. Лаэрта, поняв, что это в её «руках» мышь, сама завизжала от омерзения и бросила её. И, будучи в метре от земли, совершила пару кульбитов в воздухе, и пропахав пару метров травы, упала на так вожаемую ею землю.

– Мягкой такую посадку не назовёшь, – глядя в небо, заметила девушка и несказанно обрадовалась тому, что наконец слышит свой голос, а не нелепый птичий клёкот.

Вытянув руку, она с наслаждением сомкнула и разомкнула кулак. Тело слушалось идеально.

– Я человек, – с облегчением и невероятным счастьем поняла она.

Девушка присела, чтобы оглядеться и понять, где находится. Находилась она ровненько посреди поляны в каком-то хвойном лесу. Затем, опустив глаза, Лаэрта неожиданно поняла, что сидит посреди леса абсолютно голой, похоже, одежда слетела с неё, когда она превращалась в птицу. Дальше думать она себе не позволила, дабы прежде времени не попрощаться с разумом. Вскинув руку, она произвольным жестом распустила волосы, чтоб прикрыть наготу, благо их длина как раз для этого подходила.

А спустя две секунды Лаэрта вспомнила, что сама отрезала волосы не более чем пару часов назад. Она неверяще про-

вела по волосам, даже выдернула пару волосинок и с удивительным спокойствием поняла, что сходит с ума. Девушка заставила себя глубоко дышать, что немного помогло, но она всё же ощущала почти неминуемое приближение истерики.

Лаэрта легла на траву, расслабила мышцы и, закрыв глаза, попыталась отогнать любое подобие мысли, концентрируясь на окружающих природных звуках. И ей это бы удалось, не щекочи лёгкий ветерок её нагое тело. Она досадливо подумала, что полотенце бы сейчас совсем не помешало, и тут же девушка резко села, отчего волосы всколыхнулись серебряной волной, потому что на неё сверху свалилось роскошное белое полотенце. Не привыкшая к наготу Лаэрта сразу же облачилась в него и почувствовала себя несколько лучше. Однако это не отменяло того, что она пребывала в полном недоумении по поводу его появления. Одновременно краем сознания она непроизвольно подумала, что было бы неплохо помыться, раз у неё уже есть такое роскошное полотенце. Лаэрта едва успела отскочить от свалившейся сверху огромной ванны, которая издала гулкий звук при ударе о землю.

– Что происходит?! – непонятно кому крикнула девушка и замерла, силясь ни о чём не думать. Сложив дважды два, она почти сразу поняла, что её желания по какой-то невероятной причине начали сбываться. Как только она попыталась не думать ни о чём опасном, в голову настойчиво и во всех подробностях влезли ножи, подаренные ей Избором и утерянные где-то в пропасти при падении, и тут же она по-

чувствовала острую боль в плече. Ножи, как и всё прочее, свалились откуда-то сверху, попутно задев её плечо.

– Хватит! – взмолилась девушка почти в исступлении. – Я хочу знать, что происходит.

И тут же она поняла, что знает. Всё дело было в звезде, что не имеет воли, а соответственно желания, но наделяет своего владельца магической силой, позволяющей ему, владельцу, воплощать свои желания в реальность. Именно поэтому всё, чего она желала, тут же появлялось. Только человек не должен получать всего, чего он хочет. Лаэрта едва смогла сдержать дрожь в руках, пока доставала звезду из мешочка, который каким-то чудом не сорвался, пока она выделяла невероятные кульбиты в воздухе.

Звезда, как и прежде, мало чем отличалась от жемчужины. Лишь слегка уловимое тепло и странная шероховатость позволили бы отличить одно от другого.

– Ладно, – как могла спокойно почему-то вслух произнесла Лаэрта: – Если это действительно мои желания, я желаю установить правила. Исполняться будут только те желания, которые я произнесу вслух. Например, я хочу порцию жареной курицы, – тут же вспомнив, что всё валится сверху, Лаэрта сразу же отскочила, и как раз вовремя. На место, где она только что стояла, шмякнулся кусок хорошо поджаренной до румяной корочки курицы, одуряющий аромат которой разнёсся над поляной. Решив проверить, она мысленно вновь попросила курицы, и – о чудо! – ничего не произошло.

– Что-то в этом роде, – удовлетворённо заметила Лаэрта.

Оглядев поляну, она неодобрительно пожала плечами. Теперь с погнутой ванной и неаппетитно валявшейся едой в центре поляна уже не была образцом природной чистоты и гармонии. Лаэрта тут же решила, что не стоит желать всё подряд. Да и вообще неизвестно, чем это для неё обернётся. Она подняла ноги и по привычке прикрепила их к бедру.

Разобравшись с этим, Лаэрта задумалась о том, где она оказалась и куда следует направляться дальше. К тому же не мешало бы заменить пусть и очень роскошное, но всё же просто полотенце на какое-нибудь пусть самое завалящее платье. Вообще непонятно, почему она сразу не подумала о платье, а уже полчаса ходит в полотенце. Но главное – обувь.

– Хочу туфли, – произнесла девушка, мысленно представив себе мягкие кожаные туфли на толстой подошве с небольшим каблучком, и тут же почувствовала осязаемый удар по голове. Потирая ушибленное место и злясь на саму себя, она добавила: – И ещё хочу, чтоб вещи появлялись у меня в руках или, если они тяжелее 10 кг, то прямо передо мной, и прекратили наконец падать на мою многострадальную голову.

Лаэрта не успела придумать себе новое платье, так как услышала неумолимо приближающийся собачий лай. В недоумении оглянувшись на звук, она уже спустя пару мгновений увидела мчавшихся напрямик на неё с оскаленными мордами собак. Прежде чем сообразить, что делает, она про-

шептала на одном выдохе:

– Хочу оказаться на дереве.

И в то же мгновение обнаружила себя сидящей на ветке ближайшего дерева. Собаки же, уже готовые наброситься на неё, пронеслись мимо пустого теперь места. Затем вернулись, обнюхивая всё подряд. Лаэрта и не подозревала, что собачья морда может так явно изображать недоумение. Однако вскоре они вновь учуяли её и теперь, оглушительно лая, прыгали под деревом. Лаэрта была не так уж и далеко от земли, поэтому на всякий случай подогнула ноги.

Чуть освоившись, она ещё раз взглянула на поляну и проговорила:

– Хочу, чтоб поляна приняла вид, который у неё был до моего появления.

Как по волшебству, да собственно как раз по волшебству, с поляны пропал весь мусор, и, немилосердно помятая её действиями трава, выпрямилась. Посмотрев на звезду в руке, девушка улыбнулась:

– Полагаю и для тебя надо что-нибудь подобрать. Как насчёт серебряного кулона? Если ты не против, конечно, – ей никто не ответил, но звезда в её ладони чуть потеплела. А ещё спустя мгновение в руках девушки появился небольшой кулон. Поместив туда звезду, Лаэрта повесила его на шею и стала думать, что же делать дальше.

Впрочем, ничего умного придумать она не успела, поскольку на поляну на взмыленном чёрном жеребце букваль-

но ворвался новый персонаж. Остановившись в паре метров от дерева, молодой человек, коим и оказался новоявленный всадник, подозвал собак. Те на удивление быстро оказались у его ног, при этом совершенно успокоившись, словно это не они минутой ранее буквально из шкур выпрыгивали, пытаясь отгрызть пятки Лаэргы.

– Ну, посмотрим, какого зверя мы сегодня поймали, – легко соскочив с коня и потрепав по загривку одного из подвернувшихся псов, заметил он. А затем сделал пару шагов к дереву.

Только сейчас девушка смогла разглядеть его. Перед ней определённо стоял Принц. Снова. Нет, это точно был не Радим. Но каким-то непостижимым образом представший перед ней юноша вобрал в себя черты принцев. Высокий, голубоглазый, естественно, блондин. Лицо его было столь прекрасно, что, пожалуй, ещё самую малость, и красота перешла бы в уродство, но всё же природа соблюла столь удачный баланс в соотношении его бровей, глаз, носа, губ и скул, что и сами по себе были идеально красивы, вместе же образовали неопишимо прекрасное лицо. Да, пожалуй, в сравнении с ним Радим был просто симпатичным малым, что ж до всех остальных мужчин, то даже мысли не возникало, что их можно как-то сравнить с этим идеалом. Вот уж действительно Прекрасный Принц. И наряд тоже соответствовал: белоснежная рубашка с широкими рукавами, чёрные бархатные гетры и неизменные высокие сапоги с золотыми шпорами.

Общий вид слегка портило выражение полнейшего недоумения на его лице, ладно, хоть рот не открыл, и на том спасибо. Лаэрта живо представила, как она выглядит в его глазах, и расхохоталась. Действительно, не каждый день увидишь девушку в одном полотенце, сидящую на дереве посреди леса. К тому же Лаэрта прекрасно помнила, какое почти магическое и гипнотическое воздействие оказывают на людей её распущенные волосы.

Между тем Прекрасный Принц наконец пришёл в себя настолько, что смог вымолвить:

– Вы, наверное, лесная богиня?

– Нет, но спасибо, – словно была не на дереве, а на светском рауте, мило улыбнулась девушка и попросила: – Вы не могли бы помочь мне спуститься? Конечно если ваши собаки не захотят ещё раз меня обляять, – всем своим видом девушка давала понять, что для неё нет ничего удивительного и необычного в том, чтобы вот так вот сидеть на дереве.

Естественно, он не мог отказать ей в этой просьбе. К тому же сидела она не так высоко, и вдвоём они легко справились с процедурой её сошествия на твёрдую землю.

– Спасибо, – вновь мило улыбнулась она, одновременно оправляя полотенце.

Бедный Прекрасный Принц не знал, куда деть глаза. Видимо, не каждый день ему встречались полуобнажённые девушки.

– У вас кровь, – внезапно почти крикнул юноша.

Лаэрта даже вздрогнула от неожиданности, но как только поняла, о чём он, с поистине царской небрежностью махнула рукой:

– Не стоит беспокоиться.

– Нет-нет, рану надо обязательно промыть и обработать, – взволнованно продолжил молодой человек. А затем взял девушку за руку и потащил куда-то в лес.

Лаэрта не успела ни возмутиться, ни что-либо спросить, так как спустя буквально 50 метров они вышли к берегу довольно большого озера.

– Я сейчас принесу повязку, – горячо заверил её Прекрасный Принц и, прежде чем она успела что-либо возразить, скрылся в зарослях.

Впрочем, Лаэрта этого почти не заметила. Вода манила её, как магнит. Не особенно раздумывая, она скинула полотенце и вошла в воду, которая оказалась на удивление тёплой и приятной. С нескрываемым наслаждением девушка окунулась с головой. Нет, для человека, привыкшего к водным процедурам дважды в день, неделя без возможности помыться была поистине тяжёлым испытанием.

Юноша, который обернулся буквально за пару минут, остановился как вкопанный, наткнувшись на валявшееся полотенце. Он даже не сразу сообразил, что она просто вошла в воду, а не исчезла загадочным образом, как и полагалось это сделать лесной нимфе. Он не мог избавиться от ощущения, что прекрасная незнакомка не человек из плоти и крови, а

неведомая богиня, муза или нимфа.

Не сразу он увидел голову девушки в озере, так как её необычные волосы, переливаясь под солнцем, сияли, как вода, что делало её почти незаметной. Отчаянно смущаясь от того, что наблюдает за девушкой, юноша всё же не мог себя заставить отвести взгляд.

Лаэрта же, ни о чём подобном не думая, просто наслаждалась тёплой водой. Она как-то совсем выбросила из головы мысль о том, что не одна пришла к этому озеру. Лишь спустя полчаса, когда подушечки пальцев от воды стали неровными, она поняла, что пора бы заканчивать водные процедуры, и впервые оглянулась на берег. Юноша, который проиграл в борьбе с собой почти сразу и всё это время не отводил от неё глаз, как только она повернулась, испытал новый прилив смущения и тут же отвернулся.

Видя, что на неё не смотрят, Лаэрта спокойно вышла и вновь обмоталась полотенцем. Кое-как отжав волосы, она обратилась к своему случайному спутнику:

– Можете обернуться, я уже... оделась, – она запнулась перед последним словом, но всё же закончила фразу, с весельем понимая, сколь мало её полотенце похоже на одежду.

Юноша, пребывая в смущении, обернулся, но глаз поднять не смел: старательно изучая песок под ногами, он протянул ей белую тряпицу. Девушка приняла её чисто рефлекторно: раз что-то дают – надо брать. Затем непонимающе уставилась на него: мол, и зачем мне это? Поскольку Пре-

красный Принц по-прежнему избегал её взгляда, ей пришлось напрячь свою память и вспомнить, что она, вообще-то, была ранена.

Порадовавшись своей догадливости, она осмотрела плечо, что ж, после того, как кровь смылась, стало видно, что рана совсем пустяшная, но раз уж он так расстарался и принёс повязку, она попросила:

– Вы мне не поможете с перевязкой?

Прекрасный Принц наконец осмелился поднять взгляд и дрожащими руками перевязал рану. За всё это время он не вымолвил ни слова, и Лаэрта не предпринимала попытки начать разговор, она откровенно любовалась его пылавшим от смущения лицом, юноша же не знал, куда деть взгляд, руки, да и, похоже, себя самого. Наконец, набравшись смелости, он посмотрел в лицо девушки. Какого же было его удивление, когда вместо негодования и презрения к нему, вызванного его подглядыванием, он увидел на лице девушки озорную улыбку и преисполненный любопытства взгляд. Ничего не понимая, он всё же пришёл в себя настолько, что вспомнил, что не представился:

– Говен Ломыга, – отвесил он элегантный поклон.

– Лаэрта, просто Лаэрта, – изысканно, ровно настолько, насколько позволял её наряд, девушка выполнила ответный реверанс.

– Не считите за бестактность, но что вы делаете в этом лесу? – предложив ей проследовать за ним на прежнюю поля-

ну, полюбопытствовал Прекрасный Принц.

– Ах, право, это забавная история, – с лёгким кокетством заметила девушка в ответ: – Будете смеяться, когда узнаете. Жаль, что не узнаете, – неожиданно резко для приготовившегося слушать юноши закончила она.

Немного оскорблённый её ответом, он в силу своего воспитания и природного такта не стал настаивать и заострять на этом внимания, а лишь предложил:

– Не окажите ли вы мне честь быть гостьей в моём доме? Он как раз за этим лесом.

– Почему бы нет, – странно легко согласилась Лаэрта, принимая его помощь в посадке на лошадь.

При этом её обнажённые ноги оказались ровнёхонько на уровне его лица, отчего Прекрасный Принц уже в который раз за этот день покраснел и отвёл глаза. Лаэрта только усмехнулась. Она не чувствовала себя сколь-нибудь неловко и искренне наслаждалась его смущением.

Помолчав первые несколько минут, Прекрасный Принц всё же преодолел смущение и начал разговор:

– Правильно ли я понимаю, что вы не горите желанием рассказывать о себе?

– Вы на удивление проницательны! – воскликнула Лаэрта, даже не пытаясь скрыть сарказм. – Но я отнюдь не прочь послушать занимательный рассказ о вашей жизни.

– Вот как, – удивился было Говен, но, поддавшись природной деликатности, он не стал продолжать, а напротив, по-

слушно начал рассказ о себе.

Из его довольно красноречивого, полного эпитетов и аллегорий рассказа Лаэрта поняла, что он был счастливым обладателем беззаботного детства и не менее прекрасной юности, из чего она сделала вывод, что его мировоззрение мало отличается от мировосприятия Первого Принца – Радима. По ходу разговора она вспомнила наконец, где слышала его имя. Буквально накануне за ужином, что, казалось, был уже в другой жизни, они обсуждали политику, откуда она и узнала, что в настоящий момент королём был Годимир Ломыга, сыном которого и был повстречавшийся ей Говен. Лаэрта почти без удивления констатировала, что её призвание в этом мире – встреча с принцами в лесу.

Наконец они вышли к замку. Этот замок значительно отличался от тех, что она видела ранее. Он был массивен и несколько угрожающ. При встрече с самим Годимиром Ломыгой она поняла почему – замок был его копией: такой же приземистый, основательный, тёмный, почти мрачный.

В замке девушку встретили на удивление спокойно, словно Говен каждый день приводит в дом полуголых девиц. Лаэрту очень радушно приняли и почти мгновенно устроили. Оказалось, что у Говена есть сестра Людмила, которая, не задумываясь, поделилась с девушкой своим гардеробом. Благо Лаэрте очень шли чужие наряды.

На удивление беззаботно и однообразно Лаэрта прожила в их замке две недели. Дни напролёт они проводили с Людми-

лой за пустыми беседами, прогулками и чаепитиями. Особой дружбы между ними, впрочем, так и не возникло. Лаэрта предпочла о себе ничего не рассказывать, и остальных это почему-то вполне устраивало. К магии, подаренной звездой, девушка не прибегала, не будучи уверенной, чем всё это могло обернуться – бесплатный сыр, как известно...

В одно прекрасное утро всё закончилось, что и неудивительно: непреложный закон мироздания – всё рано или поздно заканчивается.

Девушка проснулась от непонятного шума. Во дворе то и дело сновали люди с различными кулями. Лаэрта не успела толком ничего понять, как в её комнату вошла целая вереница служанок во главе с Людмилой:

– Вставай, соня! – воскликнула она донельзя радостно.

– Меня пугает, что ты такая весёлая, – хмуро заметила девушка, нехотя покидая кровать. Ну не любила она, когда кто бы то ни было так бесцеремонно вторгался в её комнату, тем более с утра. С утра она вообще мало что любила.

Лаэрту тут же подхватили под руки и, не слушая её слабых протестов, водрузили посреди комнаты. Людмила о чём-то непрерывно весело вещала бодрым голосом, не давая встать в свой монолог ни полслова. Лаэрта, махнув рукой, безропотно отдалась в руки служанок. Ей помогли принять ванну и смазали ароматными маслами.

Теперь она стояла в не по размеру большом халате перед огромным, в человеческий рост зеркалом и с сомнением наблюдала за одной из служанок, которая стояла с железными щипцами у камина. Чем-то она была похожа на палача, готовящегося к пыткам, поэтому Лаэрта несколько забеспоко-

илась, когда служанка направилась с этими щипцами к ней.

– Что это вы собираетесь делать? – подозрительно спросила Лаэрта, на всякий случай не подпуская её к себе.

– Как что? – безмерно удивилась та в ответ. – Завить ваши роскошные волосы.

– Вот этим?! – с явным испугом переспросила девушка, отойдя ещё на шаг назад.

– Конечно, – заметила женщина, глядя на неё, как на полоумную. Но всё же добавила: – Вы не переживайте, я знаю своё дело и сделаю вам прекрасную причёску. Такую красоту надо показывать, – закончила она, завистливо глядя на волосы Лаэрти.

– Эта красота, – передразнила её девушка, – потому и осталась красотой, что я никогда не пыталась свои волосы раскалённым железом. – Лаэрта запнулась на мгновение и почти шёпотом уже не так уверенно добавила: – Наверное.

– Ладно, ладно – вмешалась Людмила, – оставим всё как есть, твои волосы и так дивно как хороши. Давай лучше посмотрим, подойдёт ли тебе платье.

По её приказу две девушки тут же вышли из комнаты, чтобы спустя пару минут вернуться обратно с чем-то ослепительным, струящимся серебром в руках. Лаэрта терпеливо, без споров приняла то, что её одевают, как ребёнка. Она до сих пор не понимала, что происходит, и тихо радовалась тому, что так легко отстояла свои волосы.

Лаэрта невольно задержала дыхание, когда её наконец по-

вернули к зеркалу. Она сама не могла понять, чему удивилась больше: тому, что, оказывается, может быть такой невероятно красивой, или тому, что, наконец, поняла, из-за чего вся эта кутерьма. Из зеркала на неё смотрела слегка обескураженная девушка с удивительно тонкими аристократическими чертами лица. Дивные пепельно-посеребрённые волосы обрамляли лицо, прекрасно оттеняя большие глаза насыщенного цвета плавленного серебра. Если бы хватило силы воли оторвать взгляд от лица, то можно было бы не в меньшей мере восхититься платьем девушки. Ничего вычурного: простое светло-серое слегка приталенное платье, подол и лиф которого были искусно вышиты тончайшими серебряными нитями и мелкими камнями, переливающимися от каждого движения, словно бриллианты росы под первыми лучами утреннего солнца. Только одно не давало Лаэрте наслаждаться происходящим – это было свадебное платье.

Долгие разговоры с Людмилой за время её пребывания здесь не прошли даром, и поэтому она знала, как проходит традиционная свадьба: в полдень начинался обед с выступлением приглашённых артистов. Застолье продолжалось весь день, и прерывалось лишь ненадолго. Так в семь было запланировано снятие фаты с невесты. А к 9 вечера, после заката, – непосредственно церемония заключения брака и продолжение застолья, которое не должно было закончиться до полуночи. А значит, у неё ещё было немного времени.

– А где сейчас Говен? – как бы невзначай спросила она, не отрывая взгляда от своего отражения.

– Он тоже одевается в своей комнате, – весело ответила Людмила, весьма довольная своей работой.

Предпочтя проигнорировать окрик Людмилы и не говоря ни слова, Лаэрта стремглав покинула комнату и направилась в покои Говена. За время, которое у неё заняла дорога до его комнаты, девушка успела изрядно себя накрутить и почти ворвалась к нему. Ей повезло, что он был практически одет. Даже сейчас она не могла не признать, что он был завораживающе красив, истинный Прекрасный Принц – именно так, с большой буквы. Впрочем, вспомнив то, что только что видела в зеркале, она поняла, что и сама вполне соответствует Прекрасному Принцу. Юноша, не ожидавший её увидеть, так и остался стоять посреди комнаты, поражённый то ли её бесцеремонностью, то ли красотой, а возможно, и тем и другим одновременно.

Лаэрта заставила себя успокоиться, сделав пару глубоких вдохов, и, обворожительно улыбнувшись, мило спросила:

– Хороший день, не правда ли? Такое солнышко с утра, ни одного облачка! Прелесть полная, ты не находишь? – восторженно закончила она.

– Да, ты права, прекрасный день, – немного придя в себя, любезно согласился Говен в ответ.

– Итак, день прекрасный, погода замечательная, солнце – выше всяких похвал. Что ещё нужно от жизни, спросишь ты.

Ну же, спроси! – подсказала девушка молчавшему Прекрасному Принцу.

– Что же ещё нужно? – послушно спросил он.

– Я знаю-знаю, – ещё более восторженно воскликнула она и даже захлопала в ладоши от якобы переполнявшего её ликования: – Это же прекрасный день для свадьбы!

– Ты нервничаешь по поводу предстоящего торжества? – понял наконец Прекрасный Принц и попытался успокоить её: – Не надо переживать, это естественно, все невесты волнуются перед свадьбой.

– Волнуются?! – возмутилась Лаэрта и даже замолчала от переполнявших её чувств. «Волнуются», нет, она уж точно не «волновалась», она была просто в бешенстве. Вновь приложив массу усилий, она уже более спокойным тоном произнесла: – Правильно, невестам, может, и положено волноваться. Вот только я не собираюсь быть ничьей невестой, и уж тем более женой.

Вот теперь Говен действительно удивился:

– Ты не хочешь за меня замуж?

– Нет, конечно, – с несколько обидным для него облегчением заметила Лаэрта. Она надеялась, что на этом всё закончится. Не тут-то было.

– Но ты не можешь, – как нечто само собой разумеющееся произнёс Говен.

– То есть не могу? – удивилась девушка.

– После того, как я привез тебя не совсем одетой из леса,

да ещё и после того, как ты прожила у меня две недели, мы просто не можем не пожениться, – пояснил ее новый жених.

– В смысле? – не поняла она.

– Ну, после этого никто не возьмёт тебя замуж, – немного смущённо произнёс он: – Любая девушка должна это понимать.

– По-твоему, «любая девушка» окажется в лесу в одном полотенце? – саркастически заметила Лаэрта в ответ и добавила: – К тому же я не в твоей спальне эти две недели провела. И с твоей сестрой я общалась, пожалуй, раз в десять чаще, чем с тобой. Может, мне за неё замуж выйти?

– Глупости, ты не можешь выйти за неё, – абсолютно серьёзно начал убеждать её Говен.

Лаэрта закатила глаза.

– Я не выйду за тебя замуж, – с расстановкой произнесла девушка. – Понимаешь? Ни сейчас, ни потом. А насчет моей девической чести можешь не переживать, с этим я как-нибудь сама справлюсь.

– Глупости, – вновь отмахнулся он.

В этот момент в комнату вошла по-прежнему сияющая Людмила.

– Вот вы где! – восторженно воскликнула она.

Махнув на всё рукой, Лаэрта вышла из комнаты, так как не чувствовала в себе сил сейчас разговаривать с неожиданно оказавшимся упрямым, но всё таким же прекрасным Принцем. Какой-то частью себя она прекрасно понимала,

что не сможет ничего им доказать, поэтому, оказавшись в комнате, решила собрать вещи. Оглядевшись по сторонам, девушка ухмыльнулась – вот, интересно, какие это вещи она решила собирать? Звезда неотлучно была с ней в медальоне на шее, а из того, с чем она пришла в замок, были разве что ножи. Но раз уж пришла в комнату, девушка взяла их и, не тратя времени на переодевание, поспешила сбежать. Впрочем, фортуна сегодня была не на её стороне, потому что в дверях она нос к носу столкнулась с Людмилой, которая до омерзения жизнерадостно сообщила, что пришла проводить девушку к обеду.

Ослепительно улыбнувшись, Лаэрта безропотно последовала за Людмилой и так же без пререканий позволила накинуть на себя плотную фату, украшенную не менее искусно, чем платье. Обед, как это и полагалось, был организован в главном зале, пройти к которому от их располагавшихся в боковом флигеле девичьих комнат можно было либо через площадь перед замком, либо вдоль дворовых построек. Лаэрта, отчаянно надеясь найти способ сбежать, предложила Людмиле второй вариант, и та согласилась, поскольку зачастую именно так они и попадали в главный замок.

Они прошли уже большую часть пути и проходили мимо конюшен, когда Лаэрта остановилась, удивлённая внезапным молчанием до сего момента радостно вещавшей Людмилы. Она с недоумением обернулась и увидела, что её спутницу затаскивают в полутёмные конюшни, а уже в следую-

щее мгновение и её, зажав рот, потащили в полумрак. Первым инстинктивным желанием Лаэрти было вырваться и закричать, и с её ловкостью метателя ножей ей, вероятно, это бы удалось, ведь нападавших было всего четверо, по двое на каждую девушку, но она тут же одёрнула себя, ибо это было именно то, чего она желала: похоже, она всё-таки сбежит со своей свадьбы.

Девушек связали, Людмилу оставили здесь же, и всадники, посадив Лаэрту на коня, поспешили покинуть замок, что не составило труда – все ворота были распахнуты, и гости сновали туда-сюда целый день. Лишь оказавшись на достаточном расстоянии от замка, Лаэрта поняла, что её действительно похитили, при этом кто и с какой целью, она не имела ни малейшего представления.

Всадники: она и четверо её похитителей – углубились в лес и теперь медленно продвигались по чаще. Она ехала на одной лошади с одним из мужчин и, полуобернув к нему голову, помычала, давая понять, что хочет поговорить, но тот полностью проигнорировал её. Это Лаэрте совсем не понравилось, и она отчаянно задёргалась, едва не свалившись с лошади. Выругавшись, мужчина достал кляп и зло поинтересовался:

– Что?

– Куда вы меня везёте?

– Приедем, узнаешь, – ухмыльнулся он.

Девушка хитро прищурилась и произнесла, прежде чем

ей снова заткнули рот:

– Желая, чтоб ты отвечал правду на мои вопросы. Куда вы меня везёте?

– В дне пути отсюда есть трактир, там мы должны тебя передать.

– Кому?

– Я не знаю, нам заплатили за то, чтоб похитить тебя и доставить до места. Что происходит? – возмутился было он, но она его перебила.

– Кто заплатил?

– Я не знаю, какой-то старик, он не представился, а за такую цену мы вопросов не задаём.

– Что у вас происходит? – заметив что-то неладное, обернулся к ним впереди идущий мужчина.

Лаэрта, поняв, что пора уходить, скороговоркой проговорила:

– Хочу немедленно освободиться и оказаться рядом с Радимом.

И в то же мгновение исчезла, оставив в недоумении своих похитителей.

Вновь открыв глаза, девушка обнаружила себя на поляне посреди леса. «Либо в этом мире слишком много лесов, либо мне так отчаянно везёт постоянно оказываться именно в лесу». Девушка перевела взгляд вниз и с некоторым облегчением выдохнула – что ж, в этот раз она хотя бы была одета. Немного смущало, что это было свадебное платье, но из

двух зол...

Впрочем, переживать по этому поводу ей не дали, потому что уже через мгновение на поляну, на которой она оказалась, выметнулся Радим. От столкновения их спасла только отличная реакция Радима – в 40 сантиметрах от неё он остановился как вкопанный и, казалось, забыл, куда и зачем только что так мчался.

– Ты мне мерещишься? – не очень уверенно то ли спросил, то ли констатировал факт он, не отрывая от неё глаз.

– Маловероятно, – легко улыбнулась девушка, явно осознавая всю нелепость ситуации.

– Что ты здесь делаешь? – небезосновательно удивился Радим.

Девушка ещё раз огляделась по сторонам, но так и не придумала, что ответить. Ей и не пришлось: с другой стороны леса на поляну вдруг вывалилась толпа мужчин разбойничьего вида.

– Твои друзья? – съязвила девушка, указывая на них.

Разбойники меж тем, видя, что они не пытаются убежать, стали окружать их по большому кругу. Сознывая, что придётся драться, Радим вытащил меч из-за спины. Лениво наблюдая за тем, как он достаёт меч, девушка ухмыльнулась и едва удержалась от того, чтобы не произнести с придыханием в лучших традициях любовных романов: «О, мой герой!»

– Я ни на что не намекаю, но это была твоя идея насчёт путешествий, – ухмыльнулся Радим.

– Путешествовать можно по-разному, – не согласилась с обвинением Лаэрта. И, подумав, спросила: – А ты что, жалеешь?

– По большому счету нет, – вынужден был согласиться юноша. Заметив, что круг замыкается, он то ли попросил, то ли приказал Лаэрте: – Держись за моей спиной.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, – вновь съязвила она, но всё же встала за его спину и незаметно достала пару ножей.

Теперь они стояли спина к спине в центре уменьшающегося круга из 15 разбойников. Драка, казалось, была неизбежна, но внезапно на поляне появился всадник.

– Что здесь происходит? – первым делом спросил он, оглядев открывшуюся картину.

По тону его стало понятно, что это их вожак.

– Он пытался пройти, не заплатив, – почтительно заметил один из разбойников.

– А девушка? – с любопытством разглядывая парочку, почти весело поинтересовался всадник.

Разбойники переглянулись, но не решились оставить вопрос без ответа:

– Мы не знаем, откуда она взялась.

– На что вы надеетесь? – обратился вожак к Радиму.

Тот гордо промолчал, Лаэрта же, которой было, в общем-то, несвойственно думать, что говорить, заметила с изысканным реверансом:

– Простите, что смиренно не ждём, что же решит ваша милость – убить нас или помиловать.

Вожак неожиданно расхохотался, и Лаэрта, впервые оторвав взгляд от разбойников, посмотрела на него. К её удивлению, тот оказался весьма симпатичным человеком, необычайно молодым для занимаемого положения. Ему едва ли было больше 25 лет. Заметив его взгляд, обращённый куда-то поверх её головы, девушка инстинктивно оглянулась. Как раз вовремя, чтобы увидеть, что один из разбойников замахнулся метнуть в них дротик. Не успев даже подумать о том, что делает, девушка метнула нож, который попал в руку незадачливому бандиту. Тут же в руке оказался другой нож – тренировки с Избором не прошли даром. Разбойник же, с криком выронив дротик, начал укачивать раненую руку. На поляне повисло напряжённое молчание, прерываемое всхлипами и воплями раненого.

– Слабак, – в наступившей тишине отчётливо прозвучало презрительное высказывание девушки. И она действительно так думала: на одной из тренировок ей тоже здорово прилетело от Избора, но даже она, довольно взбалмошная и несдержанная от природы, не выла дурным голосом. И уж свирепый разбойник, по её мнению, должен был вести себя куда более сдержанно.

По жесту вожака двое увели раненого куда-то вглубь леса.

– Хороший бросок, – неожиданно беззлобно похвалил он Лаэрту, – не подскажите, кто вас учил?

– Важно ли это? – отмахнулась было она.

– Нет, наверное, нет, – задумчиво глядя на неё, промолвил он, – просто есть у меня одно дикое предположение, которое я боюсь даже озвучить.

– Да поделитесь уж, раз мы всё равно так мило беседуем, – не смогла не съязвить девушка над нелепостью ситуации. Они стояли с оружием в руках в окружении уже 12 мужчин, не считая вожака, минут 15 и общались на отстранённые темы.

– Просто так же бросал ножи один мой старый знакомый, Избор, который не хотел научить этому даже своего сына Млада.

Девушка, которая после инцидента с дротиком старалась не отрывать взгляда от разбойников, обернулась к нему, не скрывая удивления. За два с половиной месяца, проведённых ею в цирке, никто не удосужился сообщить ей, что Млад – сын Избора. Придя, наконец, в себя, она обнаружила, что стоит в буквальном смысле с открытым ртом. Натянуто улыбнувшись, Лаэрта заметила:

– Скажем, я умею находить подход к людям. Я сделала Избору предложение, от которого он просто не смог отказаться.

– Какое, если не секрет? – с нескрываемым любопытством поинтересовался вожак разбойников. – Нет, правда, я сам пытался убедить его, но тщетно.

– Ну, если вы настаиваете, – протянула Лаэрта, – это даже не было так уж сложно. Я просто вернула его за стол Марга-

ны.

Разбойник расхохотался, и девушка терпеливо ждала, пока он наконец отсмеётся.

– Позвольте пригласить вас к нам. Моя жена Лана захочет с вами познакомиться, – всё ещё смеясь, предложил он.

Только теперь Лаэрта поняла, кто перед ней. Очевидно, это был Храбр. За пару дней до её появления в лагере циркачей он увёл от них Лану, по поводу чего Маргана не раз сокрушалась. Как же тесен оказался мир! Конечно же, Лаэрте стало любопытно посмотреть на девушку, о которой было столько разговоров в лагере и место которой она заняла, оказавшись в цирке. Посмотрев на Радима, она спросила, так, словно не было ничего необычного в подобного рода приглашении:

– Ты же не против?

– Не думаю, что у меня есть выбор, – только и заметил он и, не удержавшись, добавил: – Странные у тебя друзья.

– Это лишь друзья моих друзей, – поправила она и, обернувшись к Храбру, премило улыбнулась: – Не в обиду будет сказано.

– Да что вы, какие обиды, – легко отмахнулся он и поинтересовался, недвусмысленно глядя на её свадебное платье: – И всё же, что вы делали в этом лесу?

– Я бы ограничилась тем, что отвечу – гуляли. Вас это устроит? – невинно хлопая глазками, спросила девушка и поспешила сменить тему.

Всю дорогу до лагеря разбойников они с Храбром перебрасывались шуточками и делились воспоминаниями об обитателях цирка. Радим же преимущественно молчал, не в силах столь быстро перейти от вражды к дружбе. Лаэрта, в свою очередь, то и дело бросала любопытствующие взгляды на Радима. Впрочем, прежде чем она всё же решилась что-либо спросить, они добрались до лагеря разбойников.

Лаэрта очень быстро нашла общий язык с Ланой, и уже спустя каких-то 15 минут они болтали как давешние подружки. Как-то само собой получилось, что на ночь Лаэрта с Радимом остались в лагере. За весь вечер они ни разу не оставались наедине и так и не смогли поговорить. Впрочем, Лана не отпускала от себя Лаэрту ни на минуту, расспрашивая о жизни обитателей цирка. Было видно, что девушка сильно скучает по ним, в общем, и Лаэрта скучала, поэтому эти разговоры были ей только в радость. Девушки и сами не заметили, что уже далеко за полночь. Наконец, Лана спохватилась и забеспокоилась о том, что Лаэрта, вероятно, уже хочет спать. Как ни странно, Лаэрта не хотела. Она, выяснив у Ланы, где можно помыться, отправилась к реке, протекающей недалеко от лагеря.

Придя туда, она вдруг поняла, что не хочет лезть в уже успевшую остыть воду – за пару недель, проведённых у Говена, она успела привыкнуть к горячим ваннам. Спать по-прежнему не хотелось, поэтому, постелив данную Ланой вместо полотенца ткань, Лаэрта уселась на ближайшее пова-

ленное дерево и устремила взгляд на воду.

В три часа ночи лес и река выглядели необычно, как-то даже сказочно. Как нарочно, полная луна создавала на поверхности реки многочисленные блики, отчего казалось, что там снуют целые косяки серебристых рыбок. Лес за рекой одновременно пугал и завораживал своей темнотой, лишь верхушки деревьев отчётливо выделялись чёрными пиками на фоне ночного неба.

Подчиняясь неспешному течению реки, мысли двигались так же вяло, неторопливо, неповоротливо. Не хотелось ни о чём думать, хотя, право слово, поводов для размышлений было предостаточно. Но Лаэрта просто сидела и сидела, ничего не делая и не думая.

Она даже не сразу услышала, что кто-то пришёл. А когда поняла, замедленно повернув голову, встретила прямой взгляд Радима и неосознанно расплылась в улыбке. Он как нельзя кстати подходил к этому лесу.

– Ты в своём уме? – не разделяя её настроения, почти закричал он.

Будучи удивительно умиротворённой и почти убаюканной ночным спокойствием реки, Лаэрта не обратила никакого внимания на его тон и весело спросила:

– А что не так? Нет, твои сомнения в здравости моего ума были бы хоть сколь-нибудь обоснованы, если бы я из окна выпрыгивала или голой по лесу бегала. А так... спокойно сижу, никого не трогаю.

– В четыре утра?! – нервно переспросил он.

– Не понимаю, – по-прежнему спокойно удивилась она: – Почему я не могу посидеть у реки, дыша свежим ночным воздухом?

Он смотрел на её безмятежное лицо целую минуту, затем тяжело вздохнул, тряхнул головой, словно сбрасывая напряжение, и уже спокойнее заметил:

– Прости, я просто испугался, не найдя тебя в лагере, чего только не передумал.

Лаэрта с любопытством посмотрела на него: ишь ты, переживает. Немного подвинувшись, она предложила ему сесть, сказав, что таким видом стоит насладиться.

Не споря, Радим опустился на бревно рядом с ней. Какое-то время они молчали, пока Радим наконец не задал мучивший его весь день вопрос:

– Что ты делала в лесу?

Лаэрта хитро посмотрела на него, размышляя, понравится ли ему, если она скажет, что ждала там его, но вместо этого спросила:

– Тебе столь важно это знать?

– Наверное, да, – несколько замедленно проговорил он и добавил: – Но ещё больше меня интересует, что ты делала в лесу в свадебном платье.

Лаэрта позволила себе рассмеяться. О том, сколько вопросов вызовет свадебное платье, она просто не подумала в момент побега.

– Знаешь, наверное, я всё-таки искала в том лесу тебя, – наконец, ответила она, глядя на него сквозь ресницы.

Радим устремил взгляд на водную гладь и ничего не сказал. Лаэрте же так захотелось узнать, о чём он думает, что она, не сдержавшись, протянула к нему руку и одними губами прошептала:

– Хотелось бы мне знать, как ты попал в этот лес, – девушка легко коснулась его рукава, и в то же мгновение перед ней пронеслось несколько эпизодов. Она в одной сорочке сладко дремлет на голой траве посреди поляны, а её распущенные волосы переливаются всеми оттенками серебра. Затем она же с удивлением смотрит на него за столом на их «помолвке», её высоко забранные волосы сияют от вплетенного в них жемчуга. И снова она, на этот раз перед выходом из его замка, весело хохочущая над ним, поскользнувшись на этих самых жемчужинах, а освобождённые волосы свободной волной рассыпаются за её спиной. А потом она стоит к нему спиной, и длинные волосы ниже талии свободно распущены, но замедленно повернувшись к нему она оказывается Радой. Лаэрта, едва удержавшись от крика, отдернула руку и тут же вновь увидела посеребренную реку и тёмный лес.

– Что-то случилось? – взволнованно спросил Радим, всматриваясь в её лицо.

– Нет, наверное, нет, – чуть слышно ответила девушка и вновь обернулась к воде.

Каким образом, когда и как Рада успела познакомиться

с Радимом, было неясно. Приходилось признать, что этот мир действительно слишком тесен. Сейчас, когда первый шок прошёл, Лаэрта смогла разобраться в том, что увидела. Что ж, одно было ясно наверняка – Радим думал о ней. И ещё теперь она знала, что всё это время он искал её. Может, и прав был Избор, утверждавший, что любовь превосходит всё, потому что иных объяснений тому, с каким маниакальным упрямством Радим шёл за ней и, что самое любопытное, почти находил, не было. Всё это время он искал её, по крайней мере до встречи с Радой. Лаэрта так и не поняла, как именно эти двое встретились и каким образом Раде удалось убедить Радима отправиться в Тёмный лес на поиски внезапно пропавшего Озара – её отца. В общем-то, сейчас это было и не столь важно. Важно было то, что в своих скитаниях он всё же нашёл что-то, что стало важнее неё.

Радим, не отрываясь, смотрел на её профиль и тоже думал. Несмотря на долгие месяцы безуспешных поисков, он ни на минуту не терял уверенности в том, что они всё же встретятся, рано или поздно, так или иначе. И всё же он ужасно удивился, встретив, почти налетев на неё в этом лесу. Она же воспринимала всё случившееся как должное. И, похоже, совсем не собиралась объяснять ему, что она там делала в свадебном платье.

– И всё же, почему в свадебном платье? – вновь спросил он.

Девушка, слегка склонив голову набок, нараспев произ-

несла, глядя на него из-под полуопущенных век:

– Я не пойму твоих стараний

Узнать, что скрыто уж во тьме,

Ведь не прошу ж я оправданий

Того, что шёл ты не ко мне.

Радим заметно смутился и отвёл глаза. Какое-то время боролся с собой и всё же начал нелепо оправдываться:

– Я к тебе шёл. Искал тебя.

– В этом лесу? – с едва скрываемым сарказмом переспросила Лаэрта.

– Меня попросили... Я не мог не сдержать слово, – едва выдавил он.

– Точнее, попросила, – почти жестоко заметила девушка. – А впрочем, ладно, – неожиданно спокойно добавила Лаэрта, вставая. – Лана сказала, что здесь недалеко есть город. Я останусь там, а ты выполняй свои обещания.

Не дожидаясь его ответа, девушка быстро ушла в лагерь. Ложиться было уже глупо, так как занимался рассвет. Ей, в общем-то, не пришлось долго думать, чем себя занять, поскольку в лагере она почти сразу наткнулась на Лану, которая была ранней пташкой. Сообщив той, что собирается

обосноваться в ближайшем городе, Лаэрта тут же получила кучу советов, треть из которых просто не запомнила.

Как только рассвело достаточно, чтобы не врезаться в каждое встречное дерево, Лаэрта с Радимом покинули неожиданно оказавшийся гостеприимным лагерь разбойников и отправились в Дэнэб – именно так назывался город, о котором говорила Лана. Проигнорировав возражения Лаэрты, Радим, которому, в общем-то, нужно было в другую сторону, всё же вызвался проводить её.

Странно, но, несмотря на кучу вопросов друг к другу, они молчали почти всю дорогу, которая заняла около пяти часов. Лишь когда на горизонте впервые показались стены Дэнэба, Радим заговорил:

– Что ты будешь делать в этом городе?

Лаэрта пожалала плечами и легкомысленно отмахнулась:

– Придумаю что-нибудь.

– Вот, возьми, – Радим снял с пояса мешочек с деньгами и протянул ей.

Лаэрта хотела было гордо отказаться, но, вспомнив свой первый уход от него и тщетные поиски работы, приняла деньги, просто сказав «спасибо». Ещё какое-то время они шли молча. Наконец Радим задал мучивший его всю дорогу вопрос:

– Ты будешь меня ждать? – и он с надеждой посмотрел в её глаза.

Лаэрта тоже об этом думала и сразу же ответила:

– Возможно, – и сама удивилась своему ответу. Ещё секунду назад она была уверена, что ответит «конечно».

Радим вдруг притянул её к себе и, не отрывая от неё глаз, поцеловал. Спустя долгие мгновения нежного поцелуя он отстранился и сказал, будучи полностью уверенным в себе:

– Только не говори, что это ничего не значит для тебя.

Лаэрта, которая всё ещё оставалась в его объятиях, задумчиво осмотрела его лицо, вглядываясь в каждую чёрточку, каждую морщинку. Медленно подняла руку и провела кончиками пальцев в нескольких миллиметрах от его щеки, ещё не решаясь коснуться. Затем так же медленно, нежно коснулась его губ едва заметным дуновением летнего бриза. Потом так же задумчиво отстранилась и сказала, то ли обращаясь к нему, то ли просто размышляя вслух:

– Я могу даже любить тебя, но и это не помешает мне уйти.

А затем она подняла на него удивительно твёрдый взгляд своих рациональных глаз, и он отчётливо понял, что она сказала чистую правду.

– Счастливого пути, – Лаэрта выбрала нейтральное между «до свидания» и «прощай» и, не давая ему времени прийти в себя, направилась к уже таким близким стенам города.

Он, не сразу поняв, что она уходит, выкрикнул вслед, не желая верить в только что сказанное:

– Ты же будешь меня ждать?

– Не могу этого пообещать, – не оборачиваясь, ответила она, желая быстрее добраться до спасительных стен города.

Впрочем, будучи честной с собой, грустно добавила, так что он уже не слышал: – Куда ж я денусь, подожду. Других-то дел у меня нет.

Город встретил её настороженно и недружелюбно. Лишь спустя пару кварталов она поняла, что, возможно, одинокая девушка в свадебном платье иную реакцию вызвать и не может. Постоялый двор, на котором она планировала остановиться, оказался хуже сарая и был переполнен в меру и не в меру пьяными мужиками. Но ей повезло: порасспросив прохожих (благо не все шарахались от неё при одном взгляде), она нашла милую пожилую супружескую пару, что сдавала верхний этаж своего двухэтажного коттеджа на условиях полупансиона.

Расплатившись с Данко и его женой Весеей, а именно так звали приютившую её чету, за месяц вперёд, Лаэрта запоздало подумала, что, имея при себе звезду, было несколько глупо брать деньги Радима. Но что поделать – хорошая мысль приходит опосля. Впрочем, как только её оставили одну в отведённых комнатах, девушка не стала себя сдерживать и нажелала себе кучу нарядов и шляпок, потому что люди по-прежнему неадекватно восторженно реагировали на её волосы, чем она хоть и пользовалась иногда, но привыкнуть к этому так и не смогла.

За два дня отмывшись, отъевшись и отоспавшись как следует, осмотрев дом с подвала до чердака, переговорив обо всём и подружившись с хозяевами дома, девушка отчаян-

но заскучала. Послушав совета своей домовладелицы Весеи, обещавшей, что прогулка по городу её непременно взбодрит, девушка впервые за два дня вышла на улицу.

Однако уже спустя полчаса Лаэрта вынуждена была признать, что прогулка её отнюдь не радует, напротив, она только расстроилась и разозлилась. Да и о какой радости может идти речь, когда все улицы, включая главную, были завалены мусором. Ей очень повезло, что за время прогулки никто не облил её сверху. Соответственно выглядели и здания: невзрачные, облупившиеся стены все в тёмных пятнах от сырости и старости.

Расстроенная Лаэрта хотела было уже вернуться домой, но, услышав отдалённые выкрики, решила полюбопытствовать, что происходит. Следуя на звук, девушка вскоре вышла на площадь, заполненную людьми. Немного постояв, прислушиваясь к разговорам, она поняла, что власть и жители пытаются найти ответ на вопрос, почему их город все обходят стороной. Если бы не единственная в этих местах дорога с большим грузооборотом, город давно бы захирел. И без того всё больше и больше караванщиков предпочитают останавливаться за пределами городских стен.

Послушав минут 15 диалог, нет, даже жалобы власти к народу и народа к власти, Лаэрта не выдержала и произнесла, стараясь перекричать шум толпы:

– Вы действительно не догадываетесь, почему люди не желают останавливаться в вашем городе? – она вложила в эти

слова всю возможную иронию, на которую была способна.

И добилась-таки нужного эффекта. К ней практически сразу повернулись головы всех собравшихся. Похоже, им и самим надоело говорить об одном и том же, и они с радостью были готовы принять любую новую идею, была бы она хоть сколь-нибудь стоящая.

– Если вы хотите что-то предложить, то говорите прямо, – наконец заметил довольно молодой мужчина со смешно оттопыренными ушами. Несмотря на достаточно симпатичное лицо, он постоянно хмурился и старался казаться строже, чем был на самом деле. Позже Лаэрта узнала, что это не кто иной, как избранный глава города.

Выйдя в центр площади и встав рядом с ним, девушка поначалу растерялась, оказавшись на пересечении взглядов толпы, но, преодолев смущение, начала:

– Если систематизировать все причины, по которым ваш город не пользуется популярностью, то это:

– во-первых, отсутствие гостиниц, – предвосхищая возможные возражения, девушка с некоторой издёвкой добавила: – Ваш постоянный двор даже с очень большой натяжкой гостиницей не назовёшь;

– во-вторых, чистота, а точнее, её полное отсутствие. Уж не знаю, как вы, а я не привыкла гулять, уворачиваясь от выливаемых едва ли не на голову помоев;

– в-третьих, отсутствие хоть какой-нибудь достопримечательности, пусть самой завалющейся. Так, Гердкар известен

своей красной часовой, паломники туда толпами ходят. В Тэдвурд едут к предсказательнице. В Баско – одна из самых красивых и богатых невест, – Лаэрта старалась быстро припомнить всё, что она слышала, пока путешествовала с цирком. – Я думаю, всем понятно, и список можно не продолжать.

На протяжении всего её монолога толпа молчала, внимательно её слушая.

– Может, предложите конкретные меры, что со всем этим делать? – не без иронии спросил всё тот же молодой мужчина, когда она закончила.

Лаэрта удивлённо подняла бровь: нет, чтобы вежливо попросить, отчего он заметно смутился. Впрочем, она всегда легко поддавалась на «слабо», поэтому уверенно ответила:

– Вы что же хотите, чтоб я прямо сейчас выдала вам поэтапный план реконструкции городской инфраструктуры? – добившись всё же от мужчины очередной порции смущения, Лаэрта, хитро прищурившись, добавила: – Впрочем, если вы дадите мне пару дней, я постараюсь предложить на ваше рассмотрение некоторые конкретные меры увеличения привлекательности города.

– Если вы в действительности сможете предложить что-нибудь стоящее, думаю, город даже сможет оплатить ваши усилия в некоторой мере, – уже по-деловому заметил мужчина.

– Договорились, – отвесив поклон, Лаэрта предпочла по-

быстрее ретироваться, пока её болтливый язык не принёс ей новых неприятностей. Плана реконструкции города для одного дня было вполне достаточно.

Идя в сторону дома, Лаэрта ругала себя всеми словами, кои имелись в её лексиконе, за эту ненужную и не ко времени глупую инициативу. Но неосознанно она уже смотрела на улицу и дома, оценивая, где и что можно сделать и что для этого потребуется. Сама того не ожидая, она загорелась этой идеей.

Рассматривая улицу за улицей, дом за домом, Лаэрта сама не заметила, как заблудилась. Она очнулась, когда её едва не сбил с ног чумазый мальчуган лет 13. При этом он быстрым, незаметным движением стащил у неё кошелёк. Быстрым и незаметным для обычного человека, но не для той, что ловит ножи на лету. Мальчишка уже хотел было скрыться, но Лаэрта успела схватить его за руку, а схватив, отпускать уже не собиралась.

– Молодой человек, вы ничего не забыли? – тоном строгой учительницы спросила она, не обращая никакого внимания на его тщетные попытки вырваться.

Поняв, что сбежать не удастся, он прекратил попытки и дерзко потребовал:

– Нет. Отпустите меня!

– Ну, во-первых, надо извиниться. Ты меня чуть с ног не сбил, – поучительно заметила девушка и так же обыденно добавила: – А во-вторых, мне с моим кошельком было гораз-

до комфортнее.

Мальчишка не смог скрыть удивления, но быстро взял себя в руки и почти натурально удивился:

– А я тут при чём?

– Ай-я-яй, – Лаэрта покачала указательным пальцем и, добавила: – Мужчина должен уметь отвечать за свои поступки.

Он, казалось, смутился. Пока мальчишка старательно краснел, Лаэрта осматривалась, пытаясь понять, как она сюда пришла и в какой стороне её дом. Впрочем, особого беспокойства она не испытывала – город был не так велик, а значит, так или иначе долго плутать ей не придётся. Лаэрта подумала, что раз она подрядилась на работу для города, теряться в этом самом городе немного неуместно. Озарённая внезапной идеей, она перевела взгляд на мальчишку. Тот, забыв о смущении и попытках к бегству, увлечённо наблюдал за сменой выражений на её лице, поскольку все её мысли удивительным образом отражалась на нём.

– Как тебя зовут? – мило улыбнувшись, спросила она.

– Горизонт, – от удивления мальчик ответил честно и сразу.

– Горизонт? – удивилась Лаэрта, думая, что она ослышалась. — Может, всё же вернёшь кошелек?

Мальчик, поняв, что сбежать от этой странной девушки не получится, безропотно вернул украденное.

– Слушай, а ты на работу не пробовал устроиться? – продолжая задумчиво разглядывать его, поинтересовалась

Лаэрта.

– Кто ж меня возьмёт?! У меня даже образования нет, – понуро ответил мальчишка.

Лаэрта неверяще подняла бровь. Впервые она слышала о необходимости образования. Но он тут же поспешил развеять её сомнения:

– Я не умею ни ездить верхом, ни играть на гитаре, ни к кузнецу, ни к гончарных дел мастеру пойти не могу, так как тоже не обучен. К торговцу не возьмут, так как счёта не знаю, к...

– Ладно, ладно, я поняла, – прервала его затянувшийся монолог Лаэрта и предложила неожиданно для него: – Хочешь, я дам тебе работу? Поверь, особых навыков она не потребует.

Мальчик немного опешил от такого заявления. Предложение работы человеку, только что тебя обокравшему, не вполне укладывалось в рамки обычного поведения. Наконец сообразив, что она всё ещё ждёт ответа, он кивнул:

– Хочу, – и с опаской добавил: – А что за работа?

– Ты ведь хорошо знаешь город?

– Как свои пять пальцев, – гордо ответил Горизонт.

– Вот и замечательно. Будешь моим проводником и вообще «подай-принеси, уйди – не мешай». Задание первое: где можно приобрести бумагу, карандаши и прочую канцелярию?

– В лавке Писало, – без раздумий ответил мальчишка.

– Ну, и что же мы всё ещё стоим? – удивилась девушка, опуская его руку. – Веди меня туда. Считай, что твой первый рабочий день начался.

Какое-то время Горизонт простоял в нерешительности, не в силах адаптироваться к столь быстро меняющейся ситуации. А затем повёл её за собой вдоль улицы.

– Ах да, – как бы невзначай заметила Лаэрта: – Ещё я буду задавать тебе разного рода вопросы, постарайся отвечать на них, какими бы странными они тебе ни казались.

– Я мало что знаю, – неуверенно отозвался Горизонт, пробираясь сквозь завалы из мусора.

– Ну ты же знаешь, например, кто глава вашего города? – поспешила успокоить его девушка.

– Да, конечно, – обрадовался мальчишка столь лёгкому вопросу: – Мастер Онагост.

– Онагост, значит, понятненько, – думая о чем-то своём, пробормотала Лаэрта.

Пока они добирались до лавки Писало, Лаэрта кое-что разузнала о мальчике и его жизни в частности, и о городе в целом. У Горизонта была большая семья, но отец, уйдя на заработки, пару лет назад пропал. Поэтому мать и не справлялась с девятью детьми. У Горизонта были три старшие и четыре младшие сестры и один совсем малой брат. Город же прежде процветал и был вполне успешен. Но последние лет десять начал постепенно угасать, без видимых на то причин, и пришёл-таки к тому плачевному состоянию, в котором его

застала Лаэрта.

Наконец они добрались до места, и Лаэрта выбрала себе ужасно дорогой и единственный имеющийся в наличии блокнот. Ей предложили было чернила и перья, но, представив, как она будет с ними обращаться, девушка, передёрнувшись, поспешила отказаться и предпочла взять пару карандашей.

Выйдя из лавки, Лаэрта устроила небольшой марш-бросок, попросив Горизонта провести её по самым популярным из магазинов. Во время их сумбурного перемещения по городу Лаэрта то и дело делала заметки в новоприобретённом блокноте, описывая то, что ей попадалось на глаза, и записывая приходящие на ум идеи.

Уже после пары магазинов мальчишка был полностью завешен пакетами, а Лаэрта держала перед собой большую корзину продуктов. Пихнув Горизонту какой-то пирог с мясом, девушка остановилась, раздумывая, куда бы ещё направить стопы свои. В конечном итоге она поняла, что и так потратила за день достаточно денег, поэтому, дав Горизонту монетку, Лаэрта отправила его домой, сказав, что ждёт завтра к девяти.

Следующий день она провела дома, время от времени гоня Горизонта по магазинам. День всё же не прошёл зря, ибо она выстроила пусть пока не очень чёткую, но по крайней мере целостную систему переустройства города, руководствуясь планом, высказанным на площади. Чистота должна бы-

ла быть обеспечена вводом постоянных уборщиков и специальных служб по вывозу мусора. Вообще, отсутствие чистоты коробило её больше всего, она, конечно, не помнила, где жила раньше, но нутром чуяла, что привыкла к совершенно другому уровню чистоты на улицах. Во-вторых, как-то сама собой возникла идея организовать гостиницу. К тому же на первой улице от въезда в город как специально стояло огромное заброшенное здание. Кроме того, поговорив с торговцами, она поняла, что те совсем не против перенести свои магазины ближе к центру города. Город, конечно, был невелик, но тащиться с покупками с другого конца города ей не понравилось.

С достопримечательностью было хуже. Но Лаэрта очень надеялась, что торгового пути, на котором стоял город, будет вполне достаточно и количество приезжих оправдает затраты на обустройство города.

На второй день выделенного ей срока она ещё раз прошлась по городу, корректируя план. Удивительно, но город, казалось, сам помогал ей, показывая новые возможности, открывая перед ней всё новые и новые грани. Вот этот угол прекрасно подходит для мусорных баков – и не бросается в глаза, и под рукой. А вот на том конце улицы можно поставить пару скамеек да торговца с чем-то съестным, и маленькая парковая зона готова. Она провела почти весь день, уточняя, подправляя, дорабатывая. Так что к вечеру она была уверена, что почти готова представить план на обсужде-

ние Совету города.

Похоже, Совет был такого же мнения, потому что тем же вечером, придя домой, Лаэрта застала там дожидавшегося её посланника от Онагоста. Он-то и сообщил ей, что завтра к девяти утра мастер Онагост желает её видеть в своей палате.

Замедленно, словно не слышала его слов, Лаэрта поставила на стол пакеты с продуктами и размяла уставшие за день плечи. Затем, растягивая слова, словно бы размышляя над чем-то, всё же ответила:

– Нет, в девять утра это, пожалуй, слишком рано для меня. В это время я ещё вижу самые сладкие сны. А вот часов в десять, нет, даже одиннадцать, я, вероятнее всего, смогу посетить вашего главу, – Лаэрта, заметив, что несколько ошарашенный посланник пытается возразить, поспешно добавила: – И да, надеюсь, вы пришлёте кого-нибудь меня сопроводить. Я пока слишком плохо ориентируюсь в вашем городе и боюсь, что могу заблудиться. Мы же не хотим заставлять мастера Онагоста ждать?

Девушка принялась за разборку пакета, как бы намекая, что аудиенция окончена. Посланец ещё некоторое время стоял, порываясь что-то сказать, но, так и не решившись, заметил с поклоном:

– Завтра без четверти одиннадцать за вами придёт сопровождающий.

Он так и ушёл, оставшись в недоумении, что какая-то приезжая девушка назначает время, в которое глава города бу-

дет достоин чести её видеть.

Лаэрта задумчиво перевела взгляд на закрывшуюся за ним дверь, сама толком не понимая, почему так разговаривала с ним. Однако ж интуиция подсказывала ей, что в этом городе только так себя и надо вести – с наглечой.

Внезапно её как осенило: она же забыла купить большой лист бумаги, куда собиралась перенести план, весьма схематически отмеченный в её блокноте, поскольку сознавала, что Совет навряд ли что-либо поймёт в её записях. Схватив кошелек и оставив в недоумении Данко и Весею, она побежала в лавку Писало. Ей повезло, ибо он жил в том же доме, где держал лавку, поэтому и услышал её стук. С огромной наценкой за внеурочное время Лаэрта всё же приобрела лист нужного размера.

Вернувшись, она выслушала упрёк своей домовладелицы Весеи о том, что девушке не стоит ходить одной в столь поздний час (мысленно согласилась), а потом, захватив с кухни что-то пожевать, отправилась в свою спальню.

Разложив лист, девушка впервые поняла, что вообще-то далека от картографии и даже не представляет, как отобразить то, что задумала, на бумаге. Однако ж в кои-то веки она вдруг вспомнила, что звезда, о которой она почти забыла, может исполнить любое желание, поэтому, подумав над формулировкой, замедленно произнесла:

– Желаю, чтоб на этом листе бумаги появился план города, – и тотчас на бумаге появилась подробная карта города

масштаба в 1 см 100 м. Город был небольшой, поэтому всё прекрасно было видно.

Перенос на бумагу её задумок, заметок и идей занял у Лаэрти всю ночь. Но к утру она всё же закончила, испытывая чувство морального удовлетворения. Любуясь своим творением, девушка переоделась в пижаму в надежде поспать хоть пару часов. Однако как только она переоделась, в дверь постучала её домовладелица и сообщила, что пришёл человек от мастера Онагоста.

– А который сейчас час? – несказанно удивилась девушка.

– Без четверти десять.

– Уже? – Лаэрта сожалеюще посмотрела на такую заманчивую кровать, но, вздохнув, смирилась с тем, что уже не поспит.

Весея тоже перевела взгляд на кровать и несколько удивилась тому, что она заправлена. За неделю знакомства она успела понять, что девушка не имеет никакого представления о поддержании порядка. Поэтому если кровать заправлена, значит, она и не расправлялась в эту ночь.

– Ладно, пойду поздороваюсь, – пробурчала девушка и, накинув халат, пошла вниз.

Весея хотела отметить, что негоже девушке в таком виде появляться перед посторонними, но попросту не успела.

Лаэрта, спускаясь по лестнице, сладко потягивалась и громко рассказывала своей домовладелице о том, что ей снилось удивительно красивое горное озеро с прозрачной водой,

старательно делая вид, что не замечает сидящего внизу человека. Весея если и удивилась её поведению, будучи весьма тактичной, не стала обращать внимания на её странности.

Лишь спустившись вниз, Лаэрта резко остановилась, словно налетев на стену, и, во все глаза уставившись на сидевшего за столом мужчину, спросила:

– Вы кто? – и, словно застеснявшись, резко запахла халат.

– Простите, – он подскочил, уронил стул, принялся его неловко поднимать.

Лаэрте стоило больших усилий не рассмеяться. Впрочем, когда он наконец выпрямился, лицо её выражало лишь немое удивление:

– Я от мастера Онагоста, Вы просили прислать сопровождающего, – сбивчиво пояснил мужчина.

– Действительно, – согласилась, немного смутившись, девушка и невинно поинтересовалась: – А что, уже одиннадцать?

– Нет, десять, я прибыл пораньше, на случай, если вы уже готовы, – ещё более смутившись, ответил он.

Лаэрта постояла немного, не зная, что и сказать. Решив всё же не оставлять безнаказанно то, что её просьбу прийти к одиннадцати наглым образом проигнорировали, девушка, мило улыбнувшись, сообщила, что раз уж он здесь, то они выйдут пораньше, как только она оденется. Попросив Весею напоить гостя чаем, чтобы скрасить его ожидание, Лаэрта

вновь поднялась наверх.

Заставив провожатого прождать почти 20 минут, Лаэрта решила, что с него, пожалуй, достаточно, и спустилась вниз. Мужчина явно к этому времени уже заждался, потому что, едва завидев её на лестнице, тут же вскочил и с плохо скрываемой надеждой спросил:

– Мы идём?

– Да, конечно, – тут же согласилась девушка, мило улыбаясь. Но уже в дверях резко остановилась, так что шедший сразу за ней провожатый едва избежал столкновения. Сделав страшно огорчённое лицо, девушка воскликнула: – Совсем забыла! Мне нужны ещё кое-какие бумаги, которые я оставила в спальне.

– Может, хозяйка за ними сходит? – без особой надежды спросил мужчина, смутно подозревая, что девушка не уложится в пять минут.

– Что вы, что вы, – отмахнулась она: – Я очень быстро.

И пропала ещё на полчаса. Спустилась она уже в совершенно другом наряде. Заметив удивлённый и несколько рассерженный взгляд сопровождающего, Лаэрта затараторила извиняющимся тоном:

– Простите, что заставила вас ждать. Просто с утра так торопилась, что совершенно не подумала о том, как сильно моё прежнее платье не подходило к тубусу. Вот и пришлось переодеваться, – она показала ему на серый тубус с бумагами, который действительно удивительно гармонично подо-

дил к такого же цвета платью. Однако мужчина, похоже, не считал это достаточным поводом для переодевания.

– Ну что же вы стоите? Мы же из-за вас опоздаем к мастеру Онагосту, – не преминула упрекнуть его Лаэрта.

Тот был настолько ошарашен этим заявлением, что не нашёлся что ответить. Мужчине осталось лишь мысленно возблагодарить небо за то, что они наконец-то вышли из дома. Но он слишком плохо знал Лаэрту. Сначала она подала милостыню нищенке и долго сокрушалась над её судьбой. Ещё минута, и сопровождающий потащил бы её силой, но, тонко почувствовав его настроение, девушка вовремя оставила нищенку в покое и быстро засемила по направлению к центральной площади. Так быстро, что сопровождающий её мужчина едва успел догнать её. Так она продолжила марафон почти до палаты главы города, но за пару домов до неё Лаэрта вдруг увидела торговца яблоками и поняла, что умрёт, если немедленно не съест яблочко. Прежде чем сопровождающий её человек успел что-либо возразить, она уже спорила с торговцем о цене и качестве его товара. Не выдержав и десяти минут их препирательства, мужчина купил всю корзину, настояв, что Лаэрта сможет оценить их качество по дороге к мастеру Онагосту.

На крыльце дома, в котором находилась палата главы города, их в нетерпении поджидал мужчина, который приходил сообщить о назначенном для приёма времени накануне вечером. Увидев его, сопровождающий Лаэрты пошёл к

нему едва ли не бегом в надежде побыстрее избавиться от девушки, передав её из рук в руки. Но Лаэрта внезапно остановилась как вкопанная, глядя на одно из зданий.

Едва сдерживая гнев, сопровождающий процедил:

– Что-то не так?

– Вы посмотрите на архитектурное решение этого здания! – умильно воскликнула девушка. – Это же современный модернизм, основанный на твёрдом фундаменте классицизма и обрамленный легким налётом иллюзорности.

Мужчина переводил взгляд то на Лаэрту, лицо которой выражало полный восторг, то на здание, ничем не примечательное, похожее на сотни других в городе.

Вдоволь налюбовавшись его ошарашенным лицом, девушка наконец рассмеялась:

– Да шучу я, просто шучу, – и, взяв из корзины самое крупное яблоко, направилась к уже заждавшемуся её человеку на ступеньках.

Только сейчас сопровождающий её мужчина понял, что всё это время она просто издевалась над ним. И нищенка, и яблоки были лишь предлогом, благодаря которому она растянула десятиминутную дорогу до палат мастера Онагоста на целый час.

Впрочем, пока он осознавал это, она уже скрылась в дверях здания, попутно попеняв второго мужчину за то, что за ней пришли в десять утра, хотя с вечера они договаривались на одиннадцать. Будучи истинной женщиной, она не прида-

ла значения тому, что уже подходил полдень.

В палате её заждались двенадцать мужчин средних лет и чуть старше, кои и представляли собой городскую власть. Никак не отреагировав на их злые взгляды, она села во главу стола, прямо напротив Онагоста, да ещё и кивнула ему: мол, начинайте, начинайте, чего же вы ждёте.

Проглотив это оскорбление и подумав, что всегда успеет разобраться с девушкой, глава города открыл собрание.

– Уважаемые старейшины, мы собрались здесь сегодня для рассмотрения плана обновления нашего славного города. Как вы знаете, наш любимый город имеет крепкие традиции, но не полагается лишь на них, а с гордой осанкой благородного человека без страха смотрит в будущее.

Лаэрта с удивлением переводила взгляд с Онагоста на старейшин, а он всё говорил и говорил, казалось, нескончаемую хвалебную речь в честь города. Старейшины же то и дело важно кивали, соглашаясь с его словами.

Устав слушать его бесполезную болтовню, девушка осмотрела зал в поисках чего-нибудь интересного, но зал был как зал – ничего примечательного. Наконец она вспомнила про яблоко и начала потихоньку, стараясь не отвлекать старейшин от «увлекательной» речи главы, есть это самое яблоко. За неимением других развлечений Лаэрта вдруг подумала о Радиме. И сама себе удивилась: за несколько дней она ни разу о нём не вспомнила, хотя вешалась ему на шею и почти признавалась в любви всего парой дней ранее. Сейчас же она

даже не чувствовала печали по поводу их расставания. Задумавшись о странностях своих чувств к нему или об их отсутствии, Лаэрта пропустила момент, когда Онагост закончил свою речь и передал ей слово.

Почувствовав себя не вполне комфортно, девушка подняла глаза и поняла, что находится на пересечении взглядов всех присутствующих. Продолжая пребывать в немного озорном и нахальном настроении, девушка очень медленно и несколько задумчиво прожевала только что откушенный кусок яблока и спросила без доли стеснения:

– Простите, вы что-то спросили?

Надо отдать должное Онагосту, который, вновь проигнорировав её хамство, спокойно предложил ей ознакомить их с планом обновления города.

С возгласом «Конечно, конечно!» Лаэрта положила на стол наполовину съеденное яблоко и полезла в свой тубус. Старейшины же не сводили глаз с яблока на столе, не зная, как реагировать на такое вопиющее нарушение этикета и правил приличия. Ещё никто и никогда не вёл себя подобным образом на Совете. Лаэрта же, продолжая делать вид, что не замечает их взглядов и не видит в своём поведении ничего предосудительного, достала свёрнутую в рулончик карту и, разложив её перед старейшинами, начала презентацию.

Сейчас, впервые отбросив свои шуточки и показное нахальство, девушка очень серьёзно и подробно стала излагать

свои задумки. Изначально скептически настроенные старейшины волей-неволей вслушивались в её предложения и с каждым новым предложением убеждались, что доля здравого смысла и пользы в них есть.

Объяснение плана заняло у неё больше часа. И ещё несколько часов они провели за бурным обсуждением. К удивлению самой Лаэрты, её план был принят полностью, практически без поправок. К тому же она очень легко нашла общий язык с Онагостом, чего уж точно никак не ожидала. Сразу же были приглашены архитекторы, казначеи и прочие полезные люди, которые подбивали её теоретический план под реальные цифры.

Начав в полдень, они закончили далеко за полночь. Зато на выходе Совет получил строгий и чётко выверенный план действий. Всё происходило настолько быстро и безбюрократично, что Лаэрта не знала, что и думать. Либо город действительно застоялся и просто ждал не дождался перемен, либо же ей просто отчаянно везло.

Когда все разошлись, Онагост вновь отправил с ней сопровождающего, попутно прочитав целую лекцию о том, почему не стоит девушке одной ходить по ночам, когда она попыталась отказаться. Не имея сил на препирательства, она молча выслушала его лекцию и согласилась. Они простились на крыльце, договорившись встретиться через два дня в девять утра. Лаэрта при этом клятвенно заверила его, что не будет опаздывать.

– Вы что же, весь день здесь прождали? – удивилась девушка, увидев, что сопровождать её будет тот же самый мужчина, над которым она измывалась с утра.

– Это моя работа, – пробурчал он, всё еще сердясь за утреннее представление.

– Ааа, так это вы водите к мастеру Онагосту молоденьких девушек? – невинно улыбнувшись, переспросила она.

– Нет, я не это имел в виду, – начал оправдываться он, но, наткнувшись на её хитрую улыбку, замолчал.

– Ладно-ладно, – примирительно вскидывая руку, заметила Лаэрта: – Обещаю быть хорошей девочкой. Ну что ж, пошли? – позвала она, поскольку всё это время они стояли на площади.

– Надеюсь, на этот раз дорога займёт чуть меньше часа, – чуть слышно буркнул он за спиной девушки.

Но Лаэрта услышала и, обернувшись, спросила с наивным-пренаивным лицом, таким же шёпотом:

– А вы полагаете, я смогу найти яблоки в час ночи?

Всё-таки он рассмеялся, поняв весь комизм утренней прогулки. И дальнейший их путь прошёл в дружелюбном молчании. Впрочем, без выкрутасов Лаэрта он в действительности занял всего 15 минут.

Только переступив порог дома, она поняла, что хочет есть, спать и ещё умыться. Только не поняла, чего же больше. Выбрав первоочередное желание, девушка отправилась на кухню и нашла там заботливо завёрнутый Весеей в тряпицу

ужин.

В спальне у Лаэрти возникло практически непреодолимое желание лечь прямо в платье. Но отчаянным усилием воли она заставила себя переодеться в пижаму и расплести волосы. Легла она уже в беспамятстве и заснула, казалось, даже раньше, чем голова коснулась подушки.

Она проспала остаток ночи и весь следующий день. Весёлая, памятуя о том, что девушка не спала прошлую ночь, не стала её будить. Проснувшись и посмотрев в окно, Лаэрта поняла, что на дворе глубокая ночь, решив не прекращать то, что у неё так хорошо получалось, девушка повернулась на другой бок в надежде поспать ещё. Уже закрыв глаза, она поняла, что видела какое-то движение у стены. Снова открыв их, она почти уверилась, что тьма там более густая, чем в остальной комнате. Даже не задумываясь, она нащупала нож под подушкой и запустила туда. Из темноты отчётливо слышалась ругань. Только сейчас Лаэрта поняла, что, даже не имея сил раздеться, она положила ножи, уже давно ставшие неотъемлемой частью её существования, под подушку, так, чтобы они были под рукой.

Почему-то не переживая, что в её комнате находится неизвестный субъект, Лаэрта зажгла свечу и пошла на звук. Из темноты потихоньку проявилась всё более обретавшая чёткие очертания фигура человека, левая ладонь которого была припилена к стене её ножом.

– Не шуми, хозяев разбудишь, – назидательно заметила она, гордясь точностью своего броска.

На неё удивлённо смотрели серые глаза молодого человека, которого вполне можно было назвать привлекатель-

ным. Непонятного цвета из-за темноты волосы, выразительные черты лица: упрямый подбородок, удивительно чётко очерченные губы и чуть тонкий, но не слишком, пожалуй, даже изящный нос.

Она не сразу поняла его удивительно восторженного выражения лица, а потом вспомнила про свои волосы. В последнее время она постоянно забирала их под платок или шляпку, а потому почти позабыла о неестественно бурной реакции окружающих на её серебряные волосы. Даже самые, казалось бы, равнодушные к любому проявлению прекрасного, увидев их во всей красе, на несколько мгновений теряли дар речи. Слегка разозлившись, Лаэрта грубее, чем это требовалось, резко выдернула нож, надеясь, что это приведёт его в чувство. И оказалась права. Бросив ему тряпицу, девушка несколько секунд смотрела, как незнакомец неуклюже пытается перевязать рану.

– Боюсь показаться глупой, но всё же: что ты здесь делаешь? – спросила она, наконец, ставя свечу на стол.

– Если скажу «канареек ловлю», согласишься? – неожиданно пошутил он.

Девушка покачала головой. Чувство юмора – вещь хорошая, но всё же надо знать, когда шутить не стоит. Хотя она должна была признать, что и сама не умела держать язык на привязи, даже когда это было действительно нужно.

– Мне вот интересно, ты воруеть, скажем так, по необходимости или просто из азарта? – спросила она, чтобы что-

то спросить.

Он молчал, не понимая, чего она хочет. Позвала бы на помощь, как сделала бы любая другая, обнаружив постороннего мужчину у себя в спальне. Лаэрта и сама не знала, чего хочет, просто в сознании неожиданно мелькнула мысль о том, что этот человек может быть ей полезен. И она попросту тянула время, давая время этой мысли оформиться в конкретное предложение.

Внезапно её осенило. Она же едва не с первого дня в городе поняла, что ей нужен своего рода телохранитель. Горизонт хоть и был очень хорошим проводником, но в силу своего возраста с этой задачей бы не справился. К тому же если это будет кто-то обязанный ей своей свободой плюс не сильно скованный принципами, что ж, ей это только на руку. Не то чтобы она мечтала нарушать закон, но жизнь её становилась всё более непредсказуемой, и кто знает, что ждёт её завтра.

Остро глянув на незадачливого воришку, Лаэрта решила, что он скорее подходит ей, нежели нет. Под её взглядом молодой человек смутился и даже едва заметно поёжился.

– У меня к тебе есть деловое предложение, – неожиданно после довольно продолжительного молчания сказала Лаэрта. – Я бы хотела нанять тебя на работу.

– В чём же она будет заключаться? – осторожно спросил незнакомец, крайне удивлённый подобного рода предложением.

– Не знаю, – честно ответила девушка, пожав для убедительности плечами. – Ну, если точнее, почти не знаю. Я не могу сказать, чем конкретным ты будешь заниматься, просто тем, о чём я попрошу. – Предвосхищая его вопросы, она добавила не очень уверенно: – Всё будет в рамках закона. По большей части.

Он какое-то время молчал, обдумывая её слова, а потом очень осторожно спросил:

– А если я откажусь?

– Да пожалуйста, – усмехнулась Лаэрта и, глядя на открытое окно, кивнула: – Если не согласен на моё предложение, можешь хоть сейчас уходить и продолжать дальше обворовывать дома, пока тебя не поймают и не осудят.

Не веря в то, что она его так просто отпускает, он тут же пошёл к окну, через которое залез.

– Моё предложение в силе до следующего утра, если передумаешь – приходи. Только, пожалуйста, через парадный вход.

Поблагодарив, незнакомец заметил, что это маловероятно, и поспешил покинуть этот странный дом, где его едва не поймали. Когда он был уже на карнизе, девушка, похоже, решила добить его своим странным вопросом:

– А какой сегодня день?

– Третий от начала недели, – не без удивления ответил юноша.

– То есть наступающее утро будет утром третьего дня? –

уточнила она, ещё более его запутывая.

– Да нет же, сегодня третий день, а утро будет уже утром четвёртого.

– Ага, ну ладно, спасибо, – Лаэрта наконец поняла, что проспала целые сутки, а когда она вновь взглянула в окно, там уже никого не было.

Оставшись одна, Лаэрта погрузилась в раздумья и так и просидела до утра.

Наступившее вскоре утро, как и весь день, пролетели бессмысленно и даже бестолково. До обеда она приходила в себя, а после, в общем-то, ничем не занималась, попросту ожидая следующий день. Как ни медленно тянулось время, всё же оно шло, и Лаэрта с некоторым удивлением обнаружила себя утром следующего дня.

Позавтракав, Лаэрта надела сделанную по её заказу только вчера шляпку и, попросив Весею и Данко не ждать её к обеду, пошла на назначенную с главой города встречу. Открыв дверь, она нос к носу столкнулась с её ночным гостем. При дневном свете оказалось, что волосы у него вполне обычного цвета – русые, слегка отливающие медью. Он опустил руку, поднятую для стука, и поздоровался. Приняв его приход как должное, нечто само собой разумеющееся, Лаэрта поприветствовала его в ответ:

– Рада тебя видеть. Но я сейчас очень спешу. Ты не против, если мы поговорим по дороге? – и, не дожидаясь его ответа, прошла мимо него на улицу, уверенная, что он после-

дует за ней.

А впрочем, что ему оставалось?

– Я так понимаю, ты согласен на моё предложение? Иначе мы бы не встретились, – спросила она по дороге к палатам главы города.

– Да, вы весьма проницательны, – вновь пошутил он, но уже серьёзней заметил: – Мне бы всё же хотелось знать, в чём будут заключаться мои обязанности.

– Ну, большую часть времени ты будешь сопровождать меня. Иногда выполнять кое-какие поручения. Я пока не знаю, какие именно, но уж будь уверен, жизнь что-нибудь подкинет. Кстати, фактически ты уже приступил к работе – сопровождаешь меня. Об оплате поговорим за ужином. Кстати, было бы идеально, если бы ты переехал в дом, в котором я живу, лучше, если мне не придётся искать тебя по городу в случае необходимости, – девушка говорила всё это без эмоций и не глядя на него, поскольку мысли её были заняты другим.

Лаэрта в изумлении оглядывала меняющийся на глазах город. Всего пара дней прошла с того момента, как они на Совете утвердили план. Но уже сейчас повсюду велась активная работа. Улицы были расчищены, многие дома окружены лесами. Не удержавшись, Лаэрта повернула от палат мастера Онагоста к гостинице и была поражена ещё больше. Фасад уже отремонтировали и окрасили в нежно-голубой цвет, приятный глазу, лишь витавший в воздухе запах краски и

свежей деревянной стружки напоминал о том, что совсем недавно это был заброшенный дом. Сейчас в дверях то и дело сновали люди: кто с материалами, кто с краской, кто с тканями. Лаэрта простояла минут десять, оценивая скорость работы, но, вспомнив, что вообще-то опаздывает, не стала входить внутрь и направилась напрямиком к главе города. Всё это время молодой человек ходил за ней тенью, не задавая никаких вопросов, чему она была только рада.

Лаэрта напрасно торопилась, поскольку, когда она пришла, Онагоста не было на месте. Ей любезно сообщили, что тот задержался на одном из объектов, но очень просил её дождаться. Поскольку иных планов на день у Лаэрты не было, она без препирательств согласилась. Только сейчас поняв, что не знает, как зовут того, кого она только что наняла на работу, девушка поспешила восполнить этот пробел:

– Меня, кстати, зовут Лаэрта. Как мне обращаться к тебе?

– Вообще-то я бы хотел оставить при себе тайну своего имени, так что можете называть меня как хотите.

Лаэрта равнодушно пожала плечами, ей, в сущности, было всё равно, кто он.

– Ну тогда я буду звать тебя Мрак, – произнесла она, немного подумав.

– Не имею ничего против, – так же равнодушно пожал плечами он.

– И, да, думаю, мы вполне можем перейти на «ты».

С этим он тоже легко согласился. Дальнейший их диалог

не состоялся, поскольку в кабинет едва ли не вбежал Онагост.

– Прошу прощения, что заставил себя ждать, – тут же извинился он.

– Не стоит извинений, теперь мы квиты, – улыбнулась Лаэрта, вспомнив свой первый визит.

Онагост удивлённо посмотрел на молодого человека, сидевшего за столом.

– Это мой помощник Мрак, – предвосхитив его вопрос, пояснила девушка. – Вы же не против его присутствия?

– Нет, конечно, – мастер Онагост тут же забыл про него.

На этот раз Лаэрта общалась с главой города не так уж и долго. В общей сложности не больше четырёх часов. Мрак слушал их и удивлялся всё больше и больше, но, к его чести, молчал и не вмешивался, хоть и не мог понять, почему глава города советуется с какой-то приезжей девушкой. Впрочем, насчет «какой-то» он уже не был так уверен. Ведь не любая же попадёт в темноте в ладонь забравшегося к ней вора, а потом ещё и предложит ему работу.

Закончив беседу, Лаэрта решила ещё раз уже более обстоятельно осмотреть меняющийся город. И он нравился ей всё больше и больше. Однако по мере осмотра у Лаэрты всё сильнее нарастало ощущение нехватки какой-то маленькой, но очень важной детали. И с радостью открывшийся ей до этого город сейчас хранил загадочное молчание, не желая давать ей подсказку. Она всё острее чувствовала, что чего-то

не хватает, и это что-то совсем рядом, стоит только протянуть руку, но... Всё же она никак не могла понять, за чем именно эту самую руку надо протягивать.

Так она промаялась весь день и всю ночь. Лаэрта прекрасно понимала, что, заикливаясь, не найдёт решения, но ничего не могла с собой поделать. К обеду следующего дня она окончательно измотала себя. Заметив, что с девушкой что-то не так, Весея предложила ей сходить на пикник. Не имея других планов и не зная, чем себя занять, девушка с радостью ухватилась за эту идею.

Прошел всего час, и Лаэрта, Горизонт и Мрак были за стеной города. Не зная, куда именно идти, Лаэрта пошла «куда глаза глядят», то есть прямо. Недалеко от стен города расстилалось огромное поле золотой пшеницы, которое резко пересекалось сельской дорогой, с другой стороны дороги так же нескончаемо простирались зелёные луга. Дорога так и манила к себе и, не думая сопротивляться, Лаэрта пошла по ней. Стараясь выкинуть из головы все мысли, девушка шла, наслаждаясь свежим воздухом, лёгким ветерком, доносившим тяжёлые ароматы полевых цветов, и шелестом колосьев пшеницы.

Однако, когда они поднялись на пригорок, девушка всё же вновь обернулась к городу, который теперь был как на ладони. До рези в глазах она всматривалась в городские стены и крыши зданий, поднимавшиеся над ними, отчаянно прося избавить её от этого надоедливого, нудного, изматывающего

ощущения нехватки чего-то. Девушка готова была умолять, чтобы хоть кто-то подсказал ей решение.

Видя её крайне озабоченное лицо, Мрак осторожно спросил:

– Вас что-то беспокоит?

– Тебя, – не глядя на него, поправила она: – Мы уже перешли на «ты».

Так ничего и не поняв, Лаэрта раздражённо отвернулась от города и огляделась вокруг. Немного севернее, среди золотого поля пшеницы, она заметила забор. Чтобы как-то отвлечь саму себя от идущих по бесконечному кругу мыслей, она поинтересовалась у Горизонта, что там.

– Там живёт сумасшедшая старуха. Дважды в год она приходит в город, но ничего не покупает. В другое время её никто не видит, и к себе она никого не пускает, – подробно объяснил словоохотливый мальчишка.

– Да? – удивилась девушка. – Значит, надо сходить к ней в гости.

И не дожидаясь реакции своих спутников, пошла к забору прямо через поле пшеницы.

– Постой! – воскликнул Мрак, но поскольку она и бровью не повела, быстро догнал её и взял за руку.

Лаэрта резко остановилась и обернулась к нему, так глянув, что он немедленно отпустил руку.

– Что? – несколько злее, чем следовало, поинтересовалась она.

– Мальчишка сказал, что она никого не пускает, – слегка растерявшись, ответил он.

– И что? – искренне не понимая, к чему он клонит, переспросила девушка.

– Я не думаю, что нам там будут рады, – совсем запутавшись, пояснил Мрак.

– Ах, это! – девушка облегчённо рассмеялась. – Не бери в голову. Мне вообще, как правило, не рады. Но я же не сижу дома.

– Оно и видно, – чуть слышно заметил Мрак вслед удаляющейся девушке.

Лаэрта сделала вид, что не услышала.

Ворота у дома были основательные, сколоченные из дубовых досок. Даже удивительно, что у простой старухи были такие хорошие, не сгнившие и не покосившиеся ворота. Сначала Лаэрта постучала довольно-таки скромно, но, не дождавшись никакого ответа, заколотила что есть мочи. Так продолжалось минут пять. Не скажи Горизонт, что старуха никуда не выходит, девушка бы решила, что никого нет дома. Однако её старания не прошли даром – боковая дверь чуть левее того места, куда колотила Лаэрта, слегка приоткрылась, и в щёлочке показалось сморщенное, как печеное яблоко, и потемневшее от солнца лицо старухи.

– Я никого не жду в гости, проваливайте, или я спущу собак, – зло бросила она и, не дожидаясь ответа, поспешила захлопнуть дверь.

– Я же говорил, – заметил Мрак, не скрывая довольства собой.

Но Лаэрта его не слышала, она восторженно смотрела на запёртую дверь. Но видела не её, а лишь то, что за ней. А за дверью было решение её проблемы.

Девушка едва удержалась от громкого «Йоху!», потому что в слегка приоткрытой двери Лаэрта успела увидеть великолепный розарий и тут же поняла, что цветы – это тот маленький штрих, которого не хватало лишённому растительности городу. Посадить деревья она не могла, разбить парк тоже, а вот заполнить город цветами – пожалуйста.

– Я что-то пропустил? – заметив выражение её лица, спросил Мрак.

Лаэрта облегчённо рассмеялась и пояснила:

– Это называется озарение.

И она вновь начала отчаянно колотить, только уже не в ворота, а в боковую дверь.

Долго ждать на этот раз не пришлось, так как почти сразу дверь вновь отворилась, и в небольшом проёме появилось лицо старухи:

– Я же сказала, проваливайте! – и она вновь попыталась захлопнуть дверь, но не тут-то было. Лаэрта успела поставить в приоткрытую щель ногу и весело защebetала:

– Мы совершенно случайно проходили мимо и решили, что вы не откажетесь отобедать с нами.

Девушка кивнула на корзину в руках Мрака, и прежде

чем старушка успела что-либо сообразить, Лаэрта, слегка приобняв её за плечи, уже шла с ней вглубь сада. Не давая ей времени опомниться, девушка продолжила проникновенным голосом:

– Я знала, что вы не станете возражать.

Понятливый Мрак тут же достал всё, что было в их корзине, и расставил на столе, стоявшем на веранде домика. Так что старушке уже ничего не оставалось, кроме как позволить усадить себя за стол и начать есть. Какое-то время они сидели и молча ели. Старуха, впрочем, как и юноши, была слишком ошеломлена их молниеносным вторжением. Лаэрта же просто не могла оторвать взгляд от роз. Их, казалось, были тысячи, романтично розовые соседствовали с кроваво-красными. Глаз никак не мог остановиться на одном из множества оттенков и то и дело перескакивал с одного куста на другой.

Не выдержав, Лаэрта встала и медленно пошла по тропинке меж кустами прекрасных роз. От запаха начинала кружиться голова, возникло ощущение эйфории и некоторой нереальности происходящего. Едва касаясь нежных лепестков, Лаэрта двигалась всё дальше и дальше вглубь сада. Остановилась она, лишь когда оказалась у большого куста с множеством маленьких белых розочек.

Всё это время старушка шла за девушкой по пятам, пристально наблюдая за ней. Когда Лаэрта обернулась, в руках старушка держала венок из этих самых розочек.

– Он вам пойдёт, – улыбнувшись и удивительным образом похорошев, заметила старушка.

– Да, вероятно, – Лаэрта искренне улыбнулась в ответ и, сняв с головы шляпку, распустила свои серебряные волосы. Слегка наклонившись, она позволила старушке надеть на себя венок. – У меня есть к вам предложение, – выпрямившись, заметила она.

За последующие полчаса Лаэрта смогла убедить старушку, которую звали, естественно, Розалинда, что людям просто необходимы её розы и она должна позволить Лаэрте организовать их продажу. Когда они вернулись к сидевшим за столом Горизонту и Мраку, Лаэрта и Розалинда уже условились, что завтра в сад придут несколько девушек помогать по хозяйству, а послезавтра заберут первую партию цветов.

Горизонт, взглянув на неё, теперь пребывал в немом удивлении, да и Мрак, который уже видел её без головного убора, всё же не мог отвести глаз. Впрочем, сейчас их восторженные взгляды не раздражали Лаэрту, как обычно, она была слишком спокойна и умиротворена.

Попрощавшись с Розалиндой и пообещав, что обязательно навестит её в ближайшее время, девушка вернулась в город.

Последующие две недели пролетели мгновенно. Город отстраивался и обновлялся. Цветы Розалинды пользовались бешеной популярностью, и вместо первоначально запланированной лавочки Лаэрте пришлось организовать продажу едва ли не на каждой улочке. Впрочем, это оказалось весьма прибыльным предприятием, так что она не только успешно расплачивалась со всеми продавцами и Розалиндой, но и зарабатывала сама. Получив дополнительные руки, Розалинда, в свою очередь, достаточно быстро расширила сад.

Привлекаемые слухами о нововведениях в городе, туда желали попасть все, кто жил неподалёку. А новые люди подталкивали торговцев расширять ассортимент, рынок ширился, а город развивался, благодаря этому.

Когда всё наладилось настолько, что можно стало пустить дела на самотёк, Лаэрта наконец перестала целыми днями носиться по городу. И только сейчас, когда у неё освободилось немного времени, она вновь вспомнила о Радиме. А вспомнив, забеспокоилась. Как-то случайно взвалив на себя проблемы всего города, она попросту позабыла, что здесь оказалась просто, чтобы переждать, пока Радим закончит со своими делами.

Подумав, Лаэрта подсчитала, что находится в городе уже три недели – время, вполне достаточное для любого дела.

Прошла ещё пара дней, и Лаэрта успешно накрутила себя до состояния лёгкой паранойи. Ей было жутко интересно, неужели же так сложно было найти отца Рады или Радим в своём путешествии нашел что-то поважнее, чем ждущая его она, Лаэрта. Не то чтобы Лаэрта ревновала или что-то в таком роде, она уже поняла, что чем дальше от Радима, тем меньше чувств к нему испытывает, как бы странно это ни было. Но вот чувство уязвлённой гордости успокаиваться не желало. Лаэрта просто поверить не могла, что про неё могли всего-навсего забыть. Иногда, правда, в своих размышлениях она допускала, что он мог просто оступиться на горной тропе, увязнуть в болоте или опять что-то не поделить с разбойниками. Но почему-то казалось, что этого просто не могло быть.

В очередной раз прокручивая подобного рода рассуждения и бродя из угла в угол своей спальни, девушка села на ближайший стул, поражённая своим тугодумием. А потом расхохоталась. Она же могла оказаться рядом с Радимом или узнать, что он сейчас делает, просто пожелав этого. Она абсолютно не привыкла к магии и постоянно забывала, что может практически всё.

Подумав немного, Лаэрта торжественно произнесла оговорённую формулу:

– Желаю увидеть, что делает Радим.

И тут же на противоположной стене, словно в большом окне, открылась сцена. Радим сидел на каком-то постылом

дворе и на первый взгляд ел. Лаэрта невольно поморщилась, разглядывая его: измождённый, запылённый, прожжённый солнцем. Явно нелегко ему даётся путешествие в одиночестве. Внезапно, словно что-то почувствовав, Радим оторвал взгляд от тарелки и посмотрел прямо на неё. Лаэрта, будучи уверенной, что он её не видит, всё же поспешила убрать картинку, поскольку почувствовала себя крайне неловко. Словно её застали за подглядыванием. В общем-то, так и было. Пожелав для успокоения нервов перенестись к Радиму, как только ему будет угрожать опасность, Лаэрта позволила ему гулять там, где он хочет. Успокоившись на этом, она благополучно забыла о Радиме ещё на какое-то время.

На следующее утро Лаэрта проснулась в необычайно хорошем расположении духа. Одевшись, она спустилась вниз, весело мурлыча полузабытый мотивчик. Поприветствовав Мрака, который, как и было оговорено, поселился здесь же, и Горизонта, который пришёл к завтраку с одной из своих сестёр, что работала теперь продавщицей цветов, девушка прошла на кухню. Как-то само собой получилось, что их совместные, почти семейные завтраки стали традицией.

– Лаэрта, – немного смущаясь, всё же спросил Горизонт, – мы с сестрой будем тебе нужны завтра?

– Точно не знаю, а что?

– Нас пригласила тётушка, которая живёт в соседнем городе, к ним приезжает цирк и завтра будет давать представление.

– Конечно, поезжайте, – без раздумий восторженно ответила Лаэрта и мечтательно добавила: – Цирк – это всегда хорошо.

А потом её посетило очередное озарение. Они уже не раз обсуждали с Онагостом, что городу нужна достопримечательность.

Быстро доев, она отправила Горизонта с сестрой домой – «собираться в дорогу». Сама же с Мраком направилась к главе города.

– Я нашла нам достопримечательность, – заявила она, практически ворвавшись в его палату.

Онагосту хватило беглого взгляда на неё, чтобы заочно со всем согласиться. Такое же выражение у неё было, когда она объясняла план города или рассказывала о переустройстве старого заброшенного здания в гостиницу, которая, к слову, почти не имела сейчас свободных номеров. Или когда заполонила цветами город. На этот раз оказалось, что она хочет пригласить в город цирк.

– Ведь все любят цирк и съезжаются со всех окрестностей, когда даётся представление. У нас же он будет работать постоянно, скажем, давать представление каждую субботу, – убеждая главу города, горячо говорила Лаэрта.

– Но где мы возьмём цирк? – удивился мастер Онагост. Он никогда о таком не слышал и слабо представлял как цирк может работать на постоянной основе.

– Дайте денег на постройку арены, а цирк – моя забота, –

улыбнулась девушка, поняв, что он не против этой идеи.

– Хорошо, – согласился Онагост, за последний месяц привыкший доверять этой странной девушке.

– Я вас обожаю! – обрадованно воскликнула Лаэрта и поспешила попрощаться.

За ней захлопнулась дверь, прежде чем Онагост успел что-либо сказать. Он лишь покачал головой. Девушка всё время носилась, как ветер или, пожалуй, даже небольшой ураган. Благо что пользы от неё пока что было гораздо больше, чем вреда.

Лаэрта же, сообщив Мраку, что вечером они едут в соседний город, где должно было быть представление, прошлась по магазинам прикупить кое-какие подарки. Она, конечно, понимала, что вероятность того, что это будет цирк именно Марганы, была невелика, но всё же так хотелось в это верить.

У верховых дорога до города заняла всего пару часов. Однако учитывая, что выехали они достаточно поздно, то подъехали к городским стенам уже в сумерках. Против ожиданий Мрака Лаэрта не поехала в город, а направила коня к ближайшей роще. Оттуда, привязав лошадей к дереву и надев тёмный плащ, Лаэрта, крадучись, пошла к расположившемуся неподалёку лагерю.

Мрак из странного любопытства, несмотря на приказ остаться с лошадьми, решил проследить за девушкой. Некоторое время Лаэрта просто стояла, издали наблюдая за лагерьем. Вскоре Мрак увидел, что к Лаэрте сбоку подкрадывает-

ся человек. Но не успел он ничего предпринять, как Лаэрта, которая, казалось, и не видела приближающегося к ней человека, вдруг обернулась прямо к нему и откинула капюшон плаща. Какое-то время обе фигуры просто стояли друг напротив друга, а затем, Мрак не поверил своим глазам, бросились обниматься. Чуть погодя они направились к лагерю.

– Я даже не буду спрашивать, откуда ты, – пряча ухмылку, заметил Избор по дороге.

– И правильно сделаешь, – так же улыбаясь, ответила Лаэрта.

– И опять ночью, – неодобрительно покачал головой он.

Лаэрта лишь пожала плечами: «ну, вот такая, как есть».

Впрочем, ответить она бы всё равно не успела, так как в это время их приближение заметили в лагере. И началась непрерывная череда объятий, поцелуев и вопросов. К концу Лаэрта уже толком не понимала, кого в данный момент обнимает. Наконец, она вспомнила об оставленном ею Мраке и попросила Млада сходить за ним.

– Ищешь работу? – первым делом спросила Маргана, когда все уселись у костра.

– Нет, как раз наоборот, – не приняв её шуточного тона, серьёзно начала Лаэрта: – Я хотела предложить работу тебе.

– Мне? Безногий хромоту помогает? У меня есть работа, – почти обиделась Маргана.

– Не тебе, а твоему цирку, – поправилась Лаэрта и как могла доходчиво принялась объяснять Маргане и остальным

свою идею.

– Никогда не слышала, чтоб цирк давал постоянные представления в одном городе, – неуверенно заметила Маргана, после того как они внимательно выслушали Лаэрту. – Мы неспроста называемся «бродячим цирком».

– Никто не будет мешать вам гастролировать, скажем, 4—5 месяцев в году. Просто в остальное время люди всегда будут знать, где проходит представление. Как мне кажется, идея вполне жизнеспособна. К тому же, – Лаэрта сменила свой официальный тон и улыбнулась, – я буду рада, если вы будете поближе ко мне. Я скучала.

Какое-то время все молчали, ожидая решения Марганы. Идея была новой, интересной и нравилась большинству, но последнее слово всегда было за ней.

– Как у тебя это получается? – после долгого молчания наконец подала голос Маргана.

– Что именно? – не поняла Лаэрта.

– Появляешься среди ночи с кучей удивительных идей в голове, которые претворяешь в жизнь, как правило, не глядя на мнение окружающих на этот счёт. Впрочем, ладно, это не имеет значения. Думаю, с моей стороны будет глупостью отказать от этого предложения, ведь именно благодаря тебе мой цирк теперь так популярен.

– Спасибо, Маргана, – Лаэрта на радостях обняла её, но, вспомнив, что в первую очередь здесь по делу, спросила: – Когда вы сможете приехать?

– Завтра мы даём представление, а сразу после него можем выехать.

– Отлично, – не смогла не порадоваться Лаэрта.

В этот момент, наконец, появились Млад и Мрак. Не став спрашивать, где они были так долго, а точнее, просто не подумав про это, Лаэрта с сожалением простилась, сказав, что ей ещё нужно приготовить для них комнаты.

Когда они с Мраком вновь оседлали лошадей, чтобы отправиться обратно, восточный край неба уже начал сереть в преддверии рассвета.

– А в какой город ты нас приглашаешь? – вспомнив, что Лаэрта этого так и не сказала, спросила Маргана.

Лаэрта растерянно оглянулась на своего спутника.

– Дэнэб, – поняв, подсказал он.

– Ты приглашаешь нас в город, названия которого не знаешь? – в очередной раз удивилась Маргана.

– Я знала, просто забыла, – стала оправдываться Лаэрта, вспомнив, что Лана и правда говорила ей название города. Но вскоре, махнув рукой на это дело, попрощалась и, тронув поводья, двинулась в путь.

К рассвету они добрались до города. Отправив Мрака спать, она занялась поиском дома для своих цирковых друзей. На удачу Лаэрты, соседи из дома через улицу месяц назад съехали, и их дом сдавался. Двухэтажный коттедж вполне подходил для размещения всех обитателей цирка. Изначально дом не хотели продавать, но Лаэрта сделала очень

щедрое предложение, от которого было просто невозможно отказаться, и уже к вечеру стала счастливой обладательницей дома. С помощью пары десятков нанятых слуг уже через несколько часов дом был полностью прибран и готов к приёму новых жильцов.

Между делами по дому Лаэрта выкроила пару часов, чтобы навестить мастера Онагоста и узнать, как идут дела с подготовкой арены. Город не переставал удивлять её скоростью исполнения задач: всего за один вечер успели утвердить план, найти средства на его реализацию, и уже подвезли материалы на площадь, откуда весь день доносились перестуки молотков плотников.

Как и обещала Маргана, цирк прибыл сразу после выступления, несмотря на то что на дворе была уже ночь. Встретив их и устроив в новом доме, Лаэрта нашла в себе силы проболтать с друзьями до трёх ночи. Но поняв, что ещё немного, и уснёт прямо за столом, она попрощалась, пообещав, что завтра они непременно увидятся и она познакомит их с главой города.

Так Дэнэб приобрёл свой цирк, который, став местной достопримечательностью, привёл наконец в город достаточное количество приезжих. Ни Онагост, ни даже Лаэрта не ожидали, что идея окажется столь успешной. И как-то само собой получилось, что все собирались за ужином в столовой Весей. Она и её муж Данко, не имея своих детей, с радостью приняли такое пополнение за своим столом.

Ещё полмесяца жизни Лаэрти пролетели незаметно. Девушка впервые чувствовала себя настолько на месте, настолько спокойно, что могла почти с уверенностью сказать, что счастлива.

Всё закончилось мгновенно и, как это обычно бывает, внезапно.

Исполняя её желание, звезда перенесла Лаэрту к Радиму из-за общего обеденного стола. Не успев прийти в себя, девушка с изумлением озиралась. Она находилась теперь в до боли знакомом месте, но далеко не сразу поняла, что это обеденный зал замка Озара. Именно тот зал, из окна которого она так неблагоразумно выпрыгнула, оставив свои волосы в руках Рады.

И сама Рада была здесь. Она стояла на другом конце зала, в парике из волос Лаэрты. Радим стоял напротив неё, держа чашу у рта. Оказавшись так близко от Радима, Лаэрта в который раз поразились его красоте и, сама не заметив, замечталась. При всём при этом она помнила, что почти месяц жила, даже не думая о нём. Пока Лаэрта пыталась разобраться в непостоянстве своих чувств, Радим отхлебнул густой тёмно-красной жидкости из чаши. Подняв взгляд от чаши, он первым заметил девушку.

– Лаэрта! – воскликнул он, удивившись, что она вновь появилась так внезапно.

Но это было всё, что он успел сказать, потому что уже в следующую секунду её Принц, неожиданно обмякнув, упал.

Рада, стоявшая спиной к ней, обернулась:

– Снова ты! – со всей возможной злобой выкрикнула она, увидев Лаэрту.

– Опять, – не смогла не передразнить её девушка, подходя к лежавшему на полу Радиму.

Поняв, что он дышит, Лаэрта встала и, придав строгости своему голосу, с расстановкой спросила:

– Что ты сделала?

– Всё просто, – уже придя в себя, самоуверенно заявила Рада, – приворотное зелье.

Лаэрта, не сдержавшись, закатила глаза. Ну конечно, приворотное зелье! Долгие разговоры с девчонками из цирка очень кстати включали пространную лекцию о приворотной магии, из которой она уяснила, что отменить её может только наложивший заклятие.

Рада же самодовольно продолжала:

– И кому, как не тебе, знать, что если ему не дать вот это, – она показала ей маленький флакончик с серебряной жидкостью, – он так и будет спать вечно. Так что оставь нас наедине!

Лаэрта оценила ситуацию и поняла, что сейчас, похоже, ей действительно лучше уйти. Однако она кое-что вспомнила и на всякий случай спросила, не ожидая, впрочем, что ей ответят:

– С чего ты решила, что я должна знать о последствиях приворотного зелья?

Рада посмотрела на неё с некоторым удивлением, но в ответ лишь съязвила:

– Уж как-нибудь сама разбирайся со своими провалами в

памяти.

Прозвучавшая реплика весьма озадачила Лаэрту. Уж о чём, а о своих проблемах с памятью она Раде не сообщала. Так и не найдя, что ответить, Лаэрта весьма театрально щёлкнула пальцами, отчего парик на голове Рады задымился. Заметив это, Рада резко скинула его и бросила посреди пола.

– Вот и правильно, тебе совсем не идёт блонд, – с наслаждением дожигая парик из своих волос, заметила Лаэрта.

– А я всегда говорила, что ты ведьма, – процедила Рада.

Лаэрта, которая только сейчас поняла, что Рада, похоже, неплохо её знает, взмахнула рукой и поспешила к двери. Сейчас ей было нужно немного больше времени на обдумывание.

Рада тут же бросилась к всё так же лежавшему на полу Радиму и влила ему в рот жидкость из флакона. Лаэрта, не сдержавшись, обернулась в дверях и молча наблюдала за происходящим.

Ещё не открыв глаза, Радим выдохнул: «Лаэрта!», отчего девушка едва не бросилась обратно. Но уже в следующее мгновение он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Раду.

– Кто ты, чудное создание? – в полном восторге воскликнул он и, встав, начал рассыпаться в комплиментах: – Весь этот мир ничто по сравнению с твоей улыбкой. Всё, чему меня учили, так ничтожно и никчёмно. Как я жил до тебя?

Ты так прекрасна, что не надо ни солнца, ни звёзд. Ты сама звезда.

Рада слушала всё это, скромно потупив глазки и мило улыбаясь. Лаэрта же уверилась, что Радим заранее репетировал речь, посвящённую встрече любви всей его жизни, поскольку практически слово в слово повторял то, что говорил ей при первой встрече. Не сдержавшись, она громко фыркнула, но когда привлечённые шумом Радим и Рада повернули голову к двери, там уже никого не было.

Лаэрта вновь сидела за столом в своём доме в Дэнэбе. За столом, где за секунду до этого стоял невообразимый гвалт, вызванный её внезапным исчезновением, теперь повисла гробовая тишина. Не имея ни сил, ни желания пускаться в долгие объяснения, Лаэрта, извинившись, сказала, что очень устала, и поднялась в свою комнату. Зная, что долго их молчание, обусловленное лишь удивлением, не продлится, она закрыла дверь на ключ.

Сев на кровать, девушка стала думать. И с удивлением констатировала, что сейчас ей абсолютно наплевать на то, что Радим влюбился в Раду. Совершенно безразлично. Хотя ещё две минуты назад она готова была поджечь Раду за то, что та посягнула на её Принца.

– Я желаю знать, откуда Рада меня знает, – не будучи уверенной в том, что действительно желает этого, всё же попросила Лаэрта, и это желание тут же исполнилось. Она узнала, что Рада – сестра Мерцаны, девушки, которой она была до

того, как потеряла память. По правде, она могла бы задаться этим вопросом раньше, но её настолько перестало волновать то, что она не помнила, кто она, что она, и не хотела вспомнить. Что ж, это хоть что-то объясняло. Похоже, Мерцана и Рада не были примером сестринской любви. Ведь не каждая сестра держит другую на цепи в обеденном зале. Хотя вот парня увести – это да, вполне по-сестрински. И ещё она теперь знала, что Мерцана была «звездой» Радима.

Лаэрта с ногами забралась на кровать и обняла подушку. Она не знала, что теперь делать, что думать и как жить дальше с этой информацией. Девушка даже не думала, что заснёт, но неожиданно для себя почти сразу провалилась в сон. И она не слышала, как в дверь с криками барабанили её друзья. Организм нашёл лучший выход из стрессовой ситуации – сон.

Проснувшись она так же неожиданно, как заснула. Как-то мгновенно, без обычной сонливости поняла, что не спит. Открыв глаза, Лаэрта наткнулась взглядом на немного напряжённое лицо Мрака в оконном проёме. Не сразу заметив, что девушка не спит, он осторожно влез в комнату и теперь, встретившись с ней взглядом, замер в несколько нелепой позе.

– Я тут решил старое вспомнить, – виновато улыбнувшись, отшутился он, всё же залезая в комнату.

– Нью-ню, – хмыкнула Лаэрта, поигрывая молниеносно появившимся в её руках кинжалом.

– Кстати, давно хотел спросить: ты что, спишь с ними? – уже придя в себя, поинтересовался Мрак.

– Отвечу, если скажешь, как тебя зовут, – хитро улыбнулась девушка и, как и ожидала, получила отрицательный ответ.

Какое-то время в комнате висело неловкое молчание, наконец, Мрак нерешительно кивнул на дверь:

– Я открою?

– Давай, – безразлично махнула рукой Лаэрта, поудобнее усаживаясь на кровати.

Как она и ожидала, за дверью плотной стеной собрались все циркачи.

– Что?! – встретив их осуждающие взгляды, невинно воскликнула девушка.

– Что ты делаешь? – первой спросила Маргана.

– Что? – ещё более невинно, чем раньше, заметила Лаэрта. – Спала, по крайней мере до того, как вы решили коллективно меня посетить.

– Два дня?! – вызывающе поинтересовалась Маргана.

– Два дня? – эхом повторила девушка.

Она и не думала, что могла проспать два дня. Быстро приспособившись к справочному бюро в виде звезды, девушка узнала, что свадьба Радима и Рады состоится уже сегодня. Эта новость заставила Лаэрту невольно поёжиться. Она по-прежнему спокойно относилась к тому, что Радим теперь влюблён в Раду, но перспектива их скорой свадьбы вызывала

в ней лёгкое, но осязаемое чувство дискомфорта. Как следует покопавшись в себе, но так и не найдя причину этого дискомфорта, девушка решила, что ей просто-напросто не нравится, когда кто-то принуждает кого бы то ни было к браку. На то, что этот «кто-то» – её предполагаемая сестра, а «кто бы то ни был» – её предполагаемая судьба, Лаэрта предпочла закрыть глаза. Успокоив себя подобного рода умозаключением, девушка стала раздумывать, как за полдня можно расстроить свадьбу.

– Что происходит? – почти просительно спросила Маргана, которой надоело следить за ежеминутно меняющимся выражением лица Лаэрти.

– О! – воскликнула та, взглянув на Маргану, будто только что заметив. И пояснила: – Какая же свадьба без развлечения?

– Какая свадьба? – устало переспросила Маргана, которая абсолютно не понимала девушку.

– На которую я хочу пригласить вас с выступлением, – весело улыбнувшись, заметила Лаэрта.

Придумав, что делать, она почувствовала себя гораздо уверенней и ощутила прилив сил и желание начать действовать. Девушка вскочила с кровати и, активно жестикулируя, попыталась объяснить с присутствующими.

– Я бы хотела попросить вас всех помочь мне и выступить сегодня на одной свадьбе.

– Что за спешка? – удивилась Маргана. – В нашем городе

никто не женится, мы бы знали, будь это так.

– Это не в нашем городе, это немного дальше, – уклончиво заметила девушка, – но доставить вас туда вовремя – моя проблема.

Лаэрта, видя, что Маргана не сильно настроена поддерживать её, обратилась к Избору, беззастенчиво играя на его чувствах:

– Радим женится, и, как ты понимаешь, не на мне, – в общем-то, она даже ни в чем не солгала.

Избору потребовалось лишь несколько секунд, чтобы осознать и проникнуться происходящим, вспомнив их давешний разговор.

– Ладно, мы идём собираться, сейчас десять утра, к двенадцати мы будем готовы и ждём тебя внизу, – решительно заметил он, едва ли не выталкивая всех за дверь.

– Что происходит? – в который раз удивилась Маргана и возмутилась: – Я никуда не собираюсь!

– Пойдём, я по дороге тебе всё объясню, – Избор взял Маргану на себя, чему Лаэрта безмерно обрадовалась.

Когда комната полностью освободилась, Лаэрта вдруг почувствовала пустоту, словно из неё выдавили весь воздух. Но усилием воли она не позволила себе впасть в хандру, а принялась за обдумывание деталей своего плана.

Как и было обещано, все собрались к полудню в гостининой дома, где жила Лаэрта. Будучи верна своему принципу «никогда не приходит раньше и по возможности опоздать», Лаэрта спустилась ровно в двенадцать. Не став объяснять, почему она в плаще, и даже не скинув капюшона, девушка обвела всех хмурым взглядом. Ей совсем не хотелось рассказывать кому-то про звезду, очень уж много странных легенд было про её силу. Поэтому девушка придумала небольшую ложь, в которую, как она надеялась, они должны поверить.

– Свадьба проходит недалеко от Баско. Вам не хуже меня известно, что туда добираться несколько недель на верховых. Я не ведьма, но у меня есть вещица, которая поможет нам оказаться там уже сегодня, – девушка помолчала, усиливая драматический эффект, и, вдоволь насладившись вытянутыми лицами, продолжила: – Ну, раз никто не передумал... Поехали!

Как только она произнесла последнюю фразу, мир вокруг разительно изменился: вместо знакомой всем и уже ставшей почти родной гостиной они оказались в чистом поле у подножия какого-то замка.

– Как-то резко, – заметил Мрак, не отойдя от удивления.

– Да? – переспросила Лаэрта и тотчас вернула всех в гостиную.

– Ты что, с дуба рухнула головой вперёд? – воскликнула Маргана, у которой от столь резких перемещений закружилась голова.

– Простите, – искренне заметила Лаэрта и честно добавила: – Не удержалась.

И вновь все они оказались в поле под стенами замка.

– Не надо больше! – тут же воскликнул Избор.

– Я и не собиралась, – вновь с подкупающей искренностью улыбнулась девушка и, обернувшись к замку, спросила: – Мы так и будем здесь стоять?

Не дожидаясь их ответа, Лаэрта пошла вперёд, будучи уверенной, что остальные последуют за ней. Они едва успели подойти к замку, как к ним почти подбежал довольно пожилой мужчина с удивительно живым и подвижным лицом.

– Вы артисты? – радостно провозгласил он.

– Да, я полагаю, – ответила за всех Лаэрта.

– Какое счастье! Вас само Небо послало сюда.

– Отчего же? Вроде сами пришли, – девушка огляделась, чтобы лишний раз убедиться, что заметить их перемещение не могли.

– Конечно, конечно, – залезбизил старичок: – Понимаете ли, у нас сегодня свадьба, а приглашённые артисты придут только завтра. А мастер Озар очень богат и не поскупится на вознаграждение, – попытался он завлечь их.

– Мастер Озар тоже будет на свадьбе? – на всякий случай решила уточнить Лаэрта, хотя почти не сомневалась, что Ра-

дим не вернулся бы, не выполнив задание.

– Конечно, он же выдаёт замуж свою дочь.

Лаэрта хмыкнула – ещё непонятно, кто кого выдаёт, но промолчала.

Старичок представился распорядителем и, получив их согласие на выступление, предложил всем пройти в отведённые им апартаменты. Также он сообщил, что торжество уже началось и они могут приступить к выступлению, как только будут готовы.

Наскоро обговорив с Избором детали номера, Лаэрта покинула циркачей, отправившись на небольшую разведку. Ничего нового она, вопреки своим надеждам, всё же не узнала. Свадьба была до приторности традиционна, поэтому расписание её было всем известно заранее, вплоть до минуты. В полдень начинался обед с выступлением приглашённых артистов и дальнейшее застолье. В семь – снятие фаты с невесты. А к девяти вечера, после заката, – непосредственно венчание и дальнейшее застолье, которое должно было продлиться до полуночи.

Один раз она видела Радима, о чём-то беседовавшего с распорядителем. Лаэрта понаблюдала за ним издали, но даже не подумала подойти, только ещё глубже надвинула капюшон, боясь быть узнанной. Ведь, как оказалось, она выросла в этом замке.

Циркачи довольно быстро переоделись и начали своё выступление. Как и в обычный день, Маргана решила начать

с гимнасток Хубавы и Упавы, затем шли тяжеловесы, пара шутовских номеров, Избор и Лаэрта, а дальше – сплошная импровизация. К этому времени труппа разрослась и теперь могла предложить развлечение на любой вкус.

Первые выступления прошли гладко, встреченные бурными аплодисментами гостей. Пир протекал своим чередом. Радим и Рада сидели во главе п-образного стола. Лицо Рады закрывала плотная вуаль, как и подлежало невесте в этот период свадебных торжеств.

Лаэрта невольно прикусила губу, с нетерпением ожидая, когда наступит их очередь. Но, заметив это, сама себя одёрнула и продолжила стоять абсолютно неподвижно. Как ни тянется время, а всё же оно неизменно проходит, и вскоре началось их с Избором выступление.

Даже на сцене Лаэрта не сняла ни плаща, ни капюшона. Первоначально выступая в роли простой помощницы, девушка вынесла Избору на чёрном лакированном подносе ножи. Остро заточенные лезвия ловили пламя светильников, отчего временами казалось, что она несёт на подносе сгустки огня. Избор, взяв пару ножей с подноса за лезвия, начал жонглировать ими, постепенно прибавляя по кинжалу и ускоряя темп, пока на подносе не стало пусто. Теперь перед ним непрерывным кругом мелькали ножи, завораживая отблесками огней и опасностью. Лаэрта же тем временем вынесла ещё один точно такой же поднос с ножами и, встав в паре метров от Избора, также начала ими жонглировать. Ко-

гда на подносе больше не осталось ножей, они заволаживающе медленно повернулись лицом друг к другу и какое-то время работали синхронно, завоевав бурные аплодисменты. Затем неожиданно для зрителей они начали перекидывать ножи друг другу, так что уже спустя какое-то время струйка ножей перетекала из рук в руки, образуя своеобразную арку между ними, что вызвало новые восторженные восклицания зрителей.

Чуть погодя они перешли к ещё более животрепещущему номеру. Лаэрта, встав у стены из досок, распростёрла руки, при этом плащ её распахнулся, что впервые за вечер позволило разглядеть её платье. Избор едва не поперхнулся, но, всё же не подал виду, что удивлён, и было из-за чего – платье Лаэрты было в точности таким же, в каком она пришла к ним однажды ночью. Впрочем, долго удивляться у него времени не было – зрители ждали продолжения. Под интригующую тревожную музыку Избор замедленно поднял один из ножей и неожиданно, даже не прицелившись, бросил его в сторону Лаэрты, вызвав тем самым общее «ах!», пронесшееся по залу. Надо отдать должное ловкости и навыкам Избора и актёрскому мастерству и спокойствию Лаэрты – он попал точно возле талии Лаэрты на два сантиметра левее её тела, она же и глазом не повела, оттого что так близко от неё только что пролетел нож. Следующий нож вонзился справа – симметрично предыдущему. Ещё два выпущенных одновременно ножа – возле самой шеи девушки, которая вновь и бро-

вью не повела. Следующие два вонзились рядом с головой. Последний нож Избор метнул, отвернувшись от нее, и всё равно попал ровно в центр на те же два сантиметра выше её головы.

Подождав, пока аплодисменты стихнут, Избор взял ещё два ножа и вновь без какой-либо подготовки метнул из-за спины в сторону Лаэрти. На этот раз они были направлены прямо в голову. Но в последний момент девушка, резко взмахнув левой рукой, отбила один из ножей, а второй поймала правой рукой, когда тот был уже в паре сантиметров от её глаза. Первые несколько мгновений публика ошарашенно молчала, затем же раздались несмелые хлопки, которые очень быстро переросли в бурную овацию.

Избор привычно раскланялся. Лаэрта же, отойдя от стены, на которой остался прищипленный ножами плащ, вышла в центр. Впервые за время представления она позволила себе взглянуть на Радима и неожиданно встретила удивительно цепкий взгляд. Брови его при этом сошлись на переносице, сделав его несколько похожим на коршуна. «Что ж, по крайней мере я его заинтриговала», – удовлетворенно подумала Лаэрта, переводя взгляд на Раду, и очень пожалела, что на той плотная вуаль, за которой невозможно было разобрать выражение её лица.

За разглядыванием жениха и невесты Лаэрта не забывала о номере и, прихватив с подноса ещё пару ножей, вышла в центр и медленно обвела глазами ряды зрителей.

Чувства Радима находились в некотором смятении. Он, не отрываясь, смотрел за девушкой, не понимая, что именно его привлекает. У него возникло странное ощущение узнавания, которое только усилилось, когда она сняла плащ. Но он никак не мог вспомнить, где он видел её и видел ли вообще. Рада что-то говорила ему, но он не мог заставить себя вслушаться в её речь и продолжал замороженно наблюдать за девушкой на сцене.

Лаэрта между тем, небрежно взвесив ножи в руках, неожиданно резко метнула их в сторону Радима. И тут же, сама не сознавая почему, резко присела. Она мельком успела заметить, как над её головой промелькнуло что-то опасное. Ничего не понимая, Лаэрта замедленно поднялась и оглянулась. Позади неё, в доске с пришпиленным ножами плащом, был воткнут кинжал, а только что его бросивший юноша, сидевший слева от Радима, уже стоял с мечом в руке. Инстинкты Лаэрты сработали раньше, чем та что-то поняла, но сейчас она наконец осознала, что едва не лишилась головы.

– Ты что, совсем с ума сошёл!? – закричала Лаэрта на юношу, не видя причин сдерживаться.

Схватив с лежащего рядом подноса несколько ножей, она спустилась со сцены и направилась к нему.

– Это, – она с яростью метнула нож, и тот воткнулся в спинку кресла, в пяти сантиметрах от шеи севшего от удивления юноши, – было лишь частью, – ещё один нож с другой стороны, – цирковой программы! – И ещё пара ножей

прямо над головой. – Я вовсе не собиралась убивать вашего ненаглядного жениха, – немного успокоившись, саркастиче-ски закончила она, подойдя вплотную к их столу.

Юноша после её выкрика понял, что погорячился, и сидел недвижно, полный смущения, да и вонзавшиеся в спинку его кресла ножи отнюдь не добавляли спокойствия.

Лаэрта же, внезапно сообразив, что находится на пересечении взглядов всего зала, заставила себя обворожительно улыбнуться и, не забыв бросить злой взгляд на юношу, раскланялась во все стороны. Ошарашенные зрители не нашли ничего лучше, чем бурно зааплодировать, приняв разыгравшуюся сцену за часть программы.

Откланявшись, девушка была вынуждена попросить юношу подать ей ножи – самой ей через стол было не дотянуться. После того, как она их получила, девушка обернулась к Радиму:

– Кажется, вы мне тоже кое-что должны.

Радим поспешно передал ей ножи, но всё же не смог избавиться от ощущения, что она имела в виду совсем не их.

– Послушай, – неожиданно подала голос Рада, окликая уже повернувшуюся уйти Лаэрту.

Та замедленно повернулась и, склонив голову набок, с некоторым злорадством уточнила:

– Что? Вы тоже желаете мне что-то вернуть? – даже через плотную вуаль было заметно, насколько разозлилась Рада, отчего Лаэрта не смогла не улыбнуться.

– Ты же не думаешь, что у меня может быть что-то твоё? – зло бросила она, вызвав удивлённый взгляд Радима.

– Тебе виднее, – без улыбки ответила Лаэрта и, поиграв с полминуты в гляделки, поспешила ретироваться, понимая, что не время и не место для выяснения отношений.

У двери Лаэрта обернулась и с удовлетворением заметила, что Радим поднялся. Однако, к её огорчению, Рада тут же его остановила, заговорив с ним. Не желая привлекать ещё больше внимания, Лаэрта не стала наблюдать, чем дело кончится, и покинула зал. Оказавшись одна, она несколько нервно принялась измерять комнату, наворачивая круги. Теперь ей оставалось только ждать. Если Радим ничего не вспомнил после её выступления, то, пожалуй, шансов у неё не осталось.

Девушка стояла у окна спиной к двери, когда та, чуть скрипнув, отворилась. Услышав это, Лаэрта едва уловимым движением руки вынула из причёски удерживающие её заколки, позволив волосам рассыпаться по спине под собственной тяжестью. Нити жемчуга, что были вплетены в волосы, также рассыпались, и жемчужинки, весело стуча, раскатились по всей комнате. Этот трюк с причёской Лаэрта оставила как последнее напоминание Радиму. Замедленно обернувшись к двери, девушка, не сдержавшись, воскликнула:

– Вот ведь!.. – в последнее мгновение она всё же остановила себя от ругательств. Разочарованию её не было предела

– вместо ожидаемого ею Радима в дверях стоял юноша, который бросил в неё кинжал.

– Не стоит так переживать, это всего лишь причёска, а бусы можно собрать, – заметил он на её излишне эмоциональное восклицание.

– Что? – Лаэрта не сразу поняла, что он имел в виду, но, несколько отойдя от разочарования, нашла в себе силы для поддержания беседы. – Да, конечно, вы правы. Просто это было несколько неожиданно.

– Позвольте вам помочь, – юноша наклонился за жемчужинкой, которая через весь зал докатилась до него.

– Что вы, что вы, – поспешила остановить его Лаэрта, представив, сколько времени это может занять. – Я потом попрошу кого-нибудь из служанок собрать их.

– Как вам будет угодно, – легко согласился юноша, тоже поняв, насколько это может затянуться. Подойдя ближе, поскольку кричать через весь зал было не очень удобно, он заметил: – Я, собственно, хотел попросить у вас прощения за... свою несдержанность.

Брови Лаэрты невольно поползли вверх:

– Несдержанность?! Если бы не моя реакция, мы бы сейчас не разговаривали.

– Да уж, реакция у вас отменная, – заметил он.

– Ну, профессия обязывает, – зардевшись от похвалы, ответила Лаэрта.

Услышав, что дверь вновь отворяется, девушка, не разду-

мывая, почти силой потащила юношу к окну.

– Что происходит?! – спросил юноша, но был настолько ошеломлён, что, не сопротивляясь, дал затащить себя за занавеску.

А Лаэрта, не найдя ничего лучше, сделала вид, что увлечённо рассматривает в окно окрестности.

– Извините, – послышалось несколько робкое обращение Радима от двери. – Возможно, вам покажется странным мой вопрос, но, мне кажется, мы знакомы?

Лаэрта состроила рожицу, что не скрылось от стоявшего сбоку от неё юноши. Однако, когда она повернулась к Радиму, лицо её выражало лишь вежливое спокойствие, омрачённое лёгкой тенью недоумения.

– Вы правы, мне кажется странным ваш вопрос.

– Да, я понимаю, что выгляжу несколько глупо. Но вы мне кого-то очень сильно напоминаете, а я никак не могу вспомнить, кого именно. Довольно неприятное ощущение, – чувствуя себя неловко, начал путано объясняться Радим.

– Настолько неприятное, что вы покинули свою невесту на свадебном пиру? – не сумев сдержать сарказм, заметила Лаэрта.

– Да, вы правы, извините, – ещё более смутившись, Радим всё же вновь остро взглянул на неё и, резко развернувшись, вышел.

– Ну, не совсем по плану, – раздосадовано буркнула девушка, совершенно позабыв про топтавшегося за портьерой

юношу. Действительно, что дальше? Он ничего не вспомнил, несмотря на все её старания. А другим способом разрушить приворотную магию просто невозможно.

– По какому плану? – напомнил о себе юноша, выйдя из-за портьеры.

Лаэрта вздрогнула от неожиданности и честно призналась:

– Вы меня напугали, я позабыла о вас.

– Так что вы хотели сказать ему? – продолжал настаивать он.

– Кому? – почти искренне удивилась девушка.

– Радиму, – спокойно пояснил юноша, не ведясь на её удивление.

– С чего вы взяли, что я хотела ему что-то сказать?

– Ну знаете, для чего же вы заставили меня прятаться за этой пыльной портьерой?

– Да кто вы собственно такой? – решила наконец возмутиться бесцеремонности расспросов Лаэрта.

– Я друг Радима, и мне бы не хотелось, чтобы кто бы то ни было что-то замышлял против него, – воинственно заметил на этот выпад юноша.

– Кто бы то ни было? – передразнила его Лаэрта, невольно переходя на повышенные тона. – Где ж была твоя забота, когда он предложение Раде делал?

Юноша невольно потупил глаза, вызвав удивлённый взгляд Лаэрти. Неужели он знает о привороте?

– Сам не могу понять, как это произошло. Мы путешествовали с совсем иной целью. И вдруг Радим очень уж скоропостижно решает жениться, – неожиданно для себя разоткровенничался он.

– Ну, скоропалительные помолвки, похоже, его конёк, – вновь съязвила Лаэрта, но, кое-что вспомнив, добавила: – Постой, говоришь, вы путешествовали вместе, но пару месяцев назад я встречалась с ним, и он точно был один.

– Так вы всё-таки знакомы, почему же не сказали ему? – удивился юноша.

– А у меня развлечение такое – голову морочить молоденьким юношам, – отшутилась девушка. – Вы не ответили на мой вопрос.

– Дело в том, что пару месяцев назад мы впервые оказались здесь, и Рада, что тогда была блондинкой, кстати, попросила помочь ей в поисках отца. Но он пропал в Тёмном лесу, куда...

– Нельзя ехать вдвоём, – закончила за него девушка, уже несколько знакомая с местным фольклором.

Лаэрта задумалась, складывая воедино всё, что узнала. Мир оказался столь тесен, что она, сама того не подозревая, попала в семью Мерцаны, девушки, которой она, по сути, была, хоть и не помнила этого, где её радушно приняли, по крайней мере до тех пор, пока не пропал весьма загадочным образом Озар. Потом Рада слегка перегнула палку, и Лаэрта, не отставая от неё, выпрыгнула в окно, попутно теряя воло-

сы. Радим, который всё это время шёл за ней с маниакальным упорством, доходит и до этого замка, где его уже поджидает Рада в парике из волос Лаэрты, просит спасти её отца, от чего Радим, как истинный рыцарь, не может отказаться. По окончании поисков Радим выпивает приворотное зелье, и все они приходят к сегодняшнему дню – Рада и Радим играют свадьбу, а Лаэрта фиглярствует перед ними со своими цирковыми друзьями.

Её довольно путанные раздумья были прерваны решившим вернуться Радимом:

– И всё же я хотел спросить, – начал он, едва отворив дверь, но заметив юношу рядом с Лаэрттой, остановился и весьма удивлённо поинтересовался: – Камил?! Что ты здесь делаешь?

– Я?! – в свою очередь, удивился юноша. – Это не я жених, который должен сидеть за праздничным столом.

Не дав им возможности выяснить отношения, Лаэрта вмешалась:

– Вы, кажется, хотели что-то спросить, – преувеличенно вежливо обратилась она к Радиму.

– Да, – Радим перевёл неуверенный взгляд на юношу и пошёл на попятную: – А впрочем, нет, неважно. Мне действительно должно сидеть за праздничным столом, – и развернулся, чтобы уйти.

– Радим! – окрикнула его девушка, совершенно не представляя, что сказать, но не желая дать ему вот так уйти вновь.

– Да? – с удивительной поспешностью обернулся тот и, сделав шаг в её сторону, распростёрся на полу, поскользнувшись на рассыпанном по всему залу жемчуге.

Лаэрта честно пыталась сдержаться, но её хватило ровно на пять секунд. Затем она всё же звонко рассмеялась, ничуть не заботясь об уязвлённом самолюбии Радима. Она едва не согнулась пополам и, чтобы удержаться, схватилась за стоявшего рядом в полном недоумении юношу.

– Ты как всегда тактична, – неожиданно серьёзно заявил Радим, вставая.

Это падение и смех произвели на него необычное действие. Все недомолвки и странности этого дня слились воедино: и смутное ощущение узнавания, и чувство дежавю на выступлении, и даже этот рассыпавшийся жемчуг. Он вспомнил всё. Всё, что с ним происходило ровно до того момента, как он выпил зелье.

– А ты, как и прежде, неуклюж, – внезапно успокоившись, ответила девушка с лёгкой улыбкой, не в силах поверить, что её план удался и Радим вернулся.

– Я всё же нашёл тебя, Лаэрта, – так же серьёзно заметил он, не отрывая глаз от её лица.

– Ха, это ещё кто кого нашёл, – удивлённо изогнув бровь, ответила девушка. – Стоит оставить тебя на чуть-чуть, и ты то в лесу с разбойниками развлекаешься, то жениться решаешь, меня не пригласив.

– Что? – Радим перевёл недоумевающий взгляд на юно-

шу, оказавшегося его другом Камиллом, ища объяснений. Последние три дня помнились ему едва-едва, словно почти забытый сон.

– Да, – подтвердил тот, радуясь, что его друг, похоже, пришёл в себя. – И ты едва не убил меня, когда я пытался тебя вразумить, – Камил слегка отодвинул ворот и показал белеющий край повязки.

– Ничего не понимаю, – ещё более растерялся Радим.

Дверь в который раз за вечер, едва слышно скрипнув, отворилась, и в комнату зашла заскучавшая в одиночестве невеста. Увидев состав присутствующих, она не на шутку рассердилась:

– Что здесь происходит?!

– Расстройство свадьбы, я полагаю, – не смогла отказать себе в удовольствии ответить Лаэрта.

– Ненавижу тебя! – словно не замечая остальных, накинулась Рада на Лаэрту. – Но я больше не позволю тебе портить мою жизнь, сестрёнка, – будучи в шаге от Лаэрты, Рада вдруг замахнулась спрятанным до этого момента в подоле платья ножом.

– Ты серьёзно? – возмутилась Лаэрта, успевая вовремя уклониться от ножа.

В этот момент дверь вновь отворилась, и вошёл Озар.

– Семейство в сборе, – пытаясь отобрать у Рады нож, всё же не преминула съязвить Лаэрта.

– Что здесь происходит? – вновь прозвучал вполне логич-

ный вопрос. Оглядев дерущихся девушек, хозяин строго заметил: – Рада, Мерцана, прекратите!

– Да не Мерцана я! – взвыла девушка, но продолжить не успела, так как не унимающаяся Рада вновь кинулась на неё. На этот раз, не успевая увернуться, Лаэрта поспешно выкрикнула: – Желаю: «Остановись!»

Нож остановился у самого её лица. Осторожно ткнув его пальцем, Лаэрта тут же отдернула руку – нож оказался на удивление острым.

– Спасибо, звёздочка, – слегка передернув плечами от запоздалого испуга, поблагодарила девушка свою спасительницу.

Оглядев зал, в котором, повинувшись её желанию, застыли все, девушка вздохнула, размышляя, как выпутываться из того, что получилось. Осторожно вынимая нож из онемевших рук Рады, девушка приняла важное решение, о котором очень надеялась потом не пожалеть.

– Ладно, – наконец решилась она, – я, конечно, не очень хотела этого, но, похоже, выбора мне не оставили. Я желаю вернуть воспоминания Мерцаны.

Девушка на секунду задохнулась, словно её сбросили в ледяную воду, а уже спустя мгновение поняла, что просто знает о том, что было с её телом до того, как она всё забыла. Но что странно, она по-прежнему не ощущала себя Мерцаной, она знала всё о ней, обо всех её чувствах, но себя с ней не сопоставляла. У них была счастливая семья, но, когда Мер-

цане было пять, родилась Рада. Мать, к великому огорчению Озара и самой Мерцаны, роды не пережила, оставив только что рождённую дочь сиротой. Мерцана с самого младенчества опекала свою сестру, дабы девочка не чувствовала себя ущемлённой, её всячески баловали и позволяли любые шалости. Немудрено, что с таким воспитанием Рада выросла эгоистичной и избалованной молодой леди. Чем старше становилась Рада, тем невыносимее становилось с ней жить. Видя, что младшая дочь всячески терроризирует Мерцану, которая из непонятного чувства вины позволяла Раде всё, исполняя любые её желания, отец почти силком отправил Мерцану путешествовать под предлогом того, что ей пора посмотреть мир, на самом же деле надеясь без попустительства старшей сестры перевоспитать младшую дочь.

Путешествуя, девушка впервые поняла, как обширен их мир, и что она совершенно напрасно посвятила всю себя служению своей сестре, которой это в общем то было не нужно. И Мерцана заново училась жить свободным человеком. И, чего и следовало ожидать от юного девического сердца, в скором времени она влюбилась. Вот только что-то у них с её возлюбленным пошло не так и закончилось тем, что, обманул её надежды, и они расстались. Впечатлительная юная Мерцана не смогла вынести такого предательства и решила, что не в силах жить с этим. И она не придумала ничего лучше, чем пойти к Стоумам – самым сильным магам этого мира. За определённую плату те согласились помочь ей забыть

возлюбленного, но, похоже, что-то сделали не так. В итоге всё закончилось тем, что она очнулась, не помня себя, в лесу Славы.

– Так, – вновь задумалась Лаэрта. – Почему я забыла себя, более или менее понятно. Но вот хотела бы я знать: почему вдруг моя сестра меня так сильно ненавидит?

А раз она озвучила своё желание, тут же получила ответ. Рада возненавидела её, потому что Лаэрта сама так пожелала. В первый вечер в их замке, после ужина, она, пусть случайно, пусть просто размышляя, пожелала, чтобы Рада не так слабо её ненавидела и развила деятельность поактивней, и чтобы Озар, их отец, исчез. Тогда, только-только найдя звезду, Лаэрта ещё не знала, что все её желания исполняются. И получалось, что всё, что случилось, было результатом её неосторожных желаний.

Девушка глубоко вздохнула, примеряясь с новой реальностью, и, оглядев застывшую комнату, философски заметила:

– Что ж, будем решать проблемы по мере их поступления: Рада с Озаром, Радим, ну а потом уж Стоумы. Желаю: «Оживайте».

И тут же в комнате вновь поднялся шум – крик Рады, возглас Радима и окрик Озара. Лаэрта, будучи готовой, резко отступила, и Рада по инерции пролетела мимо неё и упала на колени.

– Значит так! – членораздельно и громко произнесла Лаэрта. – Вы двое, – обратилась она к Раде, которая чуть

остыла после падения, и Озару, стоявшему совершенно ошарашенным, – я не Мерцана, не совсем она. Уж кто-то, а вы-то можете понять, что я не ваша Мерцана.

Прочитав в глазах хозяина замка немой вопрос, Лаэрта лишь пожалала плечами.

– Да, конечно, – проглотив какие-то другие слова, не решился настаивать Озар.

Какое-то время все стояли молча, обдумывая каждый своё, пока Лаэрта нерешительно не заметила:

– Возникло некоторое недоразумение, но сейчас, когда всё разъяснилось, мы с Радимом лучше пойдём. Ах да, – она обратила внимание хозяина замка на состояние его младшей дочери, – думаю, ей нужна будет ваша помощь.

– Что? – не понял он и только сейчас посмотрел на Раду, которая за время всего диалога так и не удосужилась встать с пола и сидела, уставившись прямо перед собой. Впрочем, для той, чья приворотная магия только что распалась, она выглядела неплохо.

И пользуясь моментом, пока Озар был занят, а Рада ещё не пришла в себя, Лаэрта, прихватив под руку обоих юношей, поспешила ретироваться. Как только за ними закрылась дверь, отрезая их от семейства, девушка невольно перевела дух и, беспечно улыбнувшись юношам, заметила:

– Ну, вот всё и закончилось. Пора по домам!

– А что это было? – не отойдя от удивления, спросил Камил.

– Одно большое недоразумение, которое, к счастью, разрешилось.

Какое-то время они молча шли к выходу, пока Радим, спохватившись, не представил их друг другу.

– Камил, это Лаэрта, я тебе о ней говорил. А это мой лучший друг Камил.

– Ты – Лаэрта? – в который раз за вечер удивился Камил.

– Ты очень догадлив, – вернувшись к своему любимому сарказму, заметила девушка.

– Ты – Лаэрта, – вновь потрясённо произнёс Камил, похоже, совсем не так он себе представлял невесту своего друга.

– Я – Лаэрта, – открыто насмехаясь, согласилась девушка. – Раз с этим мы разобрались, может, всё же пойдём? А то не ручаюсь, что Озар и тем более Рада неожиданно не передумают.

– В таком случае нам действительно не стоит задерживаться, – поспешно согласился Камил, с ужасом вспоминая, как пытался отговорить Радима жениться на Раде, и справедливо полагая, что такого лучше не повторять.

– Если поспешим, то уже к вечеру доберёмся до постоянного двора. А завтра-послезавтра, возможно, вы уже будете дома.

Сказав это, Лаэрта последовала к дверям, ничуть не сомневаясь, что юноши последуют за ней. Собственно, так и произошло. Однако у самых дверей Лаэрта абсолютно невозможно заметила:

– Мне ещё нужно предупредить цирковых артистов о нашем поспешном отъезде, так что вы же не против встретиться через двадцать минут у ворот?

Не дожидаясь их ответа, Лаэрта ушла, скрывшись в недрах огромного замка, понимая, что выбора у юношей, кроме как согласиться с ней, всё равно нет.

Радим и Камил переглянулись, и единственное, что смог сказать Камил по поводу выбора своего друга, – короткое и совершенно неопределённое:

– Да уж...

Радим, однако, не заметил двусмысленности ни тона, ни высказывания, поскольку был полностью поглощён переполнявшим его ликованием, которым не преминул поделиться с Камилем, пока они ожидали подачи лошадей.

– Не правда ли, она прекрасна?

– Ты прав, она очень хороша собой, – осторожно заметил Камил, думая, как бы намекнуть другу, что, помимо внешности, у неё есть и другие, более спорные качества.

Но, одержимый своим преклонением перед Лаэртой, Радим попросту не замечал намёков.

– Хороша собой?! Нет, она прекрасна, божественна, великолепна, чарующа... – Радим остановился, только чтобы набрать воздуха в грудь, но Камил успел воспользоваться моментом и вставить:

– И сильная.

– Да, сильная, – согласился Радим. И хотел было продол-

жить восхваление Лаэрти, но на этот раз почувствовал, что Камил на что-то намекает, и настороженно спросил: – Что ты имеешь в виду?

– Ничего такого, – поспешил успокоить его Камил. Раз измерив горячность друга на собственной шкуре, он не хотел повторять этого без особой необходимости.

Надо отдать должное Радиму, он не стал злиться без разбору, последние полгода его кое-чему научили, поэтому, всё обдумав, он спокойно спросил:

– Если ты хочешь мне что-то сказать, говори сейчас.

Камил помялся некоторое время, но по праву считал себя лучшим другом Радима, а кому, как не лучшему другу, открывать глаза:

– Тебе не кажется, что для столь юной и хрупкой девушки она чересчур... решительна?

Радим ещё раз хорошо задумался, то так ничего и не понял, кроме того, что, похоже, Камилу не нравилась Лаэрта, поэтому решил уточнить:

– Ты можешь говорить прямо?

– Подумай сам. Ещё с утра ты собирался жениться на Раде. И тут появляется Лаэрта. Вот уж действительно спорный вопрос: кто из вас кого нашёл?

Этого Радим игнорировать не мог. Он вспомнил свои, в общем-то, не столь долгие отношения с Лаэртой и понял, что она словно присматривала за ним, появляясь в самых патовых ситуациях и вновь исчезая, когда заблагорассудится.

Появившаяся в окружении небольшой группы людей Лаэрта не позволила им закончить этот разговор.

– Это Радим и Камил, – подойдя ближе, бегло представила она их остальным и, не став представлять всех артистов, поторопила: – Пойдёмте, чем скорее мы уедем, тем лучше.

Маргана, окинув юношей цепким изучающим взглядом, поспешила за Лаэртой, за ней и все остальные артисты. Юношам ничего не оставалось, как пойти следом к стоявшим невдалеке от замка повозкам.

– Мне кажется, или один из них – жених? – тихо спросила Маргана, уже ничему не удивляясь.

– Очень долгая история, – заметила Лаэрта и не стала более пояснять.

Если у Марганы и были вопросы, времени их задавать не нашлось: в последующие полчаса они поспешно сбирались.

Когда они, в конце концов, покинули замок Озара, Радим и Камил остались в хвосте колонны, а Маргана, вооружившись помощью Избора, вновь пристала с расспросами к ехавшей впереди их импровизированной колонны Лаэрте.

– Что ты собираешься делать дальше?

Лаэрта только над этим и думала после выхода из замка и потому ответила как могла честно:

– Точно не знаю. Сначала заброшу вас обратно в Дэнэб. Потом отведу этих двоих домой, дальше... пока не знаю.

В это самое время «эти двое» разговаривали о Лаэрте. Брошенное Камилем зерно сомнений за последние полчаса

разрослось и дало свои всходы. Радим по-прежнему боготворил Лаэрту, но, возможно, впервые он осознал, что за внешней неземной красотой скрывается обычный земной человек со своим характером, внутренним миром, достоинствами и недостатками. Видя появившиеся сомнения друга, Камил поспешил развить тему, поскольку не считал, что внезапная свадьба с Радой намного хуже пусть спланированной, но не более продуманной свадьбы с Лаэртой. Лаэрта сбежала с их помолвки и вообще странно вела себя для той, кто должна стать Звездой его друга.

– Расскажи подробнее о ней. Ты не подумай, я согласен с тем, что она необычайно красива, я даже не отрицаю возможности, что она твоя Звезда, но ты не хотел бы для начала узнать, что она за человек, откуда она, чем занималась с момента вашей встречи? Что ты знаешь о ней? – вновь спросил Камил.

– Её зовут Лаэрта, – начал было Радим и замолчал. Всё, что он знал о ней, это её имя и то, что он нашёл её в лесу.

Камил не просил его продолжить, так как предполагал, что тот больше ничего о ней не знает. Важно было, чтобы его друг хотя бы задумался об этом.

– Она стоит того, чтобы, даже не зная о ней ничего, отправиться на её поиски хоть на край света. А для того чтобы узнать друг друга, у нас будет целая жизнь, – после некоторого раздумья ответил Радим, чем ошарашил друга.

– Может, попытаешься хоть что-нибудь о ней узнать? –

после продолжительного молчания осторожно спросил Камил. – Может, она замужем?

Последние слова друга чересчур сильно совпадали с мыслями самого Радима, чтобы он мог поспорить с ними или проигнорировать.

– Вероятно, в чём-то ты прав, – нехотя согласился Радим, но, немного подумав, добавил: – Я понимаю твоё недоверие. Но поверь, когда дело касается Звезды, всё иначе. Это выше сомнений, выше всего прочего. Выше меня и тебя, я ничего не могу с этим поделать. Но, если тебя это успокоит, я поговорю с ней.

Довольно споро переместившись из конца колонны в начало, он поравнялся с Лаэртой. Избор, заметив его манёвр, заблаговременно ретировался, не забыв прихватить с собой Маргану.

– Здравствуй, – после пары минут молчаливого разглядывания профиля Лаэрты начал Радим. При одном взгляде на неё улетучились все вопросы и сомнения.

– Здравствуй, Радим, – мягко отозвалась Лаэрта, наконец повернув к нему голову.

Радим сразу утонул в её взгляде и окончательно забыл то, о чём хотел поговорить. Видя, что он, похоже, говорить не собирается, Лаэрта подсказала:

– Ты, вероятно, хотел о чём-то поговорить со мной?

Радим ещё какое-то время ехал молча. Сейчас его вопросы и сомнения казались унижительными. Но, поскольку мол-

чание затягивалось, он спросил, чтобы что-то спросить:

– Где ты выросла? – и добавил, оправдываясь: – Я, по сути, знаю только твоё имя.

Лаэрта продолжительное время молчала. Сам того не зная, Радим ввёл её в ступор. Она не планировала рассказывать ему о себе то, что сама узнала лишь пару часов назад. Однако поняв, что молчит больше, чем следует, она произнесла, так ничего другого и не придумав:

– Я выросла в замке Озара.

– Озара? Отца Рады? – переспросил Радим.

– Да, – коря себя за непредусмотрительность, согласилась Лаэрта и тут же добавила: – Во многом это и послужило основой всех недоразумений. Ещё вопросы? – стараясь скорее закрыть эту тему, поинтересовалась она.

– У тебя есть муж? – скороговоркой произнёс он, одновременно чувствуя себя неловко и боясь положительного ответа.

– Нет, и я рада, что не замужем, поскольку не надо беспокоиться ни о ком, кроме себя, и в ближайшем будущем менять ничего не собираюсь.

Радим от удивления даже остановил коня. Он был настолько ошарашен её заявлением, что не нашёл что сказать. Он-то полагал, что сейчас они направляются в его замок, дабы пожениться и жить долго и счастливо.

Сделав вид, что не замечает его удивления, девушка посмотрела на начавший алеть край неба и пожелала создать за

следующим поворотом небольшой постоялый двор:

– Скоро постоялый двор, там и остановимся, – громко заметила она.

Камил, который ехал достаточно далеко, чтобы не слышать их разговора, но в то же время довольно близко, чтобы услышать её окрик, подъехал ближе.

– Да? – высказал сомнение он: – Я проезжал здесь недавно и не помню ничего такого.

– Возможно, ты был занят или просто не обратил внимания, – легкомысленно пожала плечами Лаэрта. И пожелала внести коррективы, отодвинув постоялый двор чуть дальше от дороги и скрыв небольшой рощей.

Несмотря на сомнения Камилы, они, немного свернув с главной дороги, действительно в скором времени оказались на постоялом дворе. Он оказался небольшим, но пустующим, поэтому для всех нашлись комнаты.

Убедившись, что Камил и Радим скрылись в своих комнатах, Лаэрта собрала труппу и, пообещав, что в скором времени непременно их навестит, отправила всех в Дэнэб. Несмотря на возражения Мрака, который очень настаивал, что он, как её телохранитель, должен остаться с ней, Лаэрта заявила, что сама вполне в силах за себя постоять, и отправила и его в дом, в котором они жили в Дэнэбе.

Пока Радим и Камил спали, Лаэрта решила не откладывать в долгий ящик посещение Стоумов, как-никак именно они были повинны в её сегодняшнем положении. Девушка решила не утруждать себя ожиданием приглашения и попросту перенеслась в их замок. Она застала достопочтенное семейство за ужином. Надо отдать им должное, никто и бровью не повёл на внезапное появление девушки в их гостиной.

Самый молодой из троих присутствующих, а из воспоминаний Мерцаны она знала, что его зовут Искрен и он сын хозяина замка, узнав её всё же, с некоторым недовольством и не утруждая себя проявлением любезностей, спросил:

– Ты?

– Хм... – девушка, ничего не говоря, перевела взгляд на Вида – мужчину, что выглядел едва ли на 40 лет, хотя был уже много старше. Она знала, что Вид самый могущественный из Стоумов – хранитель силы. И уж кто, если не он, мог понять, что в прошлый раз у них что-то пошло не так.

– Надо же, как интересно получилось! – почти по-детски восторженно воскликнул Вид, когда поднял на неё глаза и всё понял.

– Довольно спорное утверждение, – недовольно пробурчала девушка: – Вы что со мной сделали?

– Самому интересно, – подходя к ней, Вид небрежно

взмахнул рукой.

Очевидно, того, что должно было произойти, не произошло, потому что, пробурчав пару слов и исполнив рукой ещё несколько замысловатых движений, он, наконец, нахмурился и задумчиво повторил за девушкой:

– Хм...

– О, как всё печально, – почему-то огорчилась девушка. Она почти уверовала в то, что вот так просто всё может разрешиться, а сейчас прямо на глазах её надежды рассыпались в прах и развеивались по ветру.

– Это довольно странно, – подал голос старец – третий из Стоумов. Он не обладал силой Вида, но был хранителем знаний многих поколений. И уж если он полагал, что это странно, не было никаких оснований не верить ему.

Трое Стоумов переглянулись, и Вид пояснил:

– Нам нужно время, чтобы понять, что это значит и что с этим делать. Скажем, неделю, так что возвращайся в следующую субботу, – и он пренебрежительно мотнул головой, заканчивая аудиенцию.

После его кивка слегка ошарашенная девушка оказалась за воротами замка.

– Даже не думайте, что я не вернусь через неделю, – зачем-то пригрозила она закрытым воротам.

Попереминавшись с ноги на ногу, она запоздало вспомнила об оставленном на постоялом дворе Радиме. Вот уж действительно с глаз долой – из сердца вон, она в который

раз убедилась, что, не находясь поблизости от Радима, совершенно равнодушна к нему, настолько равнодушна, что и не вспоминает. От этого ей стало несколько не по себе, к тому же откуда-то взялось навязчивое чувство вины.

Оглядевшись по сторонам, дабы убедиться в отсутствии любопытных глаз, девушка пожелала перенестись на постоянный двор. Теперь ещё предстояло разобраться с Радимом.

Пока Радим и Камил спали, Лаэрта решила: колдовать так колдовать – и перенесла постоянный двор на пару дней пути, так что к вечеру следующего дня они должны были добраться до замка Радима, надеясь, что юноши не обратят внимания на такую мелочь.

Утром она сообщила, что циркачи уехали на рассвете. Даже если юноши и удивились этому, то не подали виду. Радим, всю ночь до мельчайших подробностей прокручивавший их разговор с Лаэртгой, всё никак не мог поверить в очевидное – Лаэрта считает замужество бременем, ненужной обязанностью. Он хотел было продолжить разговор, но, раз подъехав к ней и увидев её хмурый, даже немного злой взгляд, растерялся и, так ничего и не сказав, ускакал вперёд. Лаэрта, ещё больше рассердившись, смотрела ему вслед: она рассталась со своими друзьями, оставила уже налаженную жизнь из-за него, а он ещё и не хочет с ней разговаривать. Утро явно не задалось.

Наблюдавший за всем этим издали Камил решил немного разрядить обстановку и подъехал к Лаэрте:

– Доброе утро.

Добрее видали, – чуть было зло не ответила Лаэрта, но сдержалась. Она прекрасно понимала, что Камил ни в чём не виноват. В конце концов, пересилив себя, Лаэрта улыбнулась и почти искренне ответила:

– Доброе утро, Камил. Как спалось?

– Спасибо, довольно хорошо, – вежливо ответил он и замолчал, не зная, как начать довольно деликатный разговор.

– Ты хотел о чём-то спросить? – спустя минуту молчания подсказала Лаэрта.

– Да. Только не подумай, что я пытаюсь лезть не в своё дело. Радим – мой лучший друг, и я полагаю, что имею на это право.

– Может, ты просто задашь свой вопрос, – видя, что Камил запутался в своих оправданиях, подсказала ему девушка.

– Да, конечно, ты права, – почувствовав себя глупо от своих же метаний, Камил на одном дыхании выпалил: – Почему ты хочешь выйти замуж за Радима?

Лаэрта, не удержавшись, расхохоталась. Она пыталась держать себя в руках, но не смогла, так что вскоре ей пришлось остановить лошадь, чтобы успокоиться, потому что та начала на неё странно коситься.

– Прости, наверное, это нервное, – утирая слёзы и видя, как смотрит на неё Камил, заметила она: – Просто я даже не знаю, как ответить на этот вопрос. Дело в том, что для начала

нужно было узнать, а хочу ли я замуж за Радима?

Они не смогли продолжить разговор, поскольку вернулся Радим, ускакавший вперёд, и сообщил, что через пару часов они будут в замке. Остаток пути они провели в молчании. Их встретил сам будущий король – Далебор – отец Радима. Он, казалось, ничуть не удивился, что Радим и Камил привезли Лаэрту (хотя вопрос, кто кого привёз, оставался открытым). Однако за день все трое так устали от своего молчания, что поспешили разойтись по разным комнатам.

Несмотря на то что Радим и Лаэрта так ни до чего и не договорились, свадьбу, которую поспешно организовывал отец Радима, никто из них не отменял. Лаэрта не могла поверить, что вновь оказалась на пороге замужества, и не понимала, как отменить свадьбу, на которую не соглашалась. А Радим никак не мог осознать, что Лаэрта не хочет за него замуж.

Не зная об их разногласиях, Далебор поспешно отдавал последние распоряжения. Основные приготовления начались ещё в момент первого появления Лаэрты, поэтому в этот раз к свадьбе было почти всё готово. Так что, несмотря на обстоятельства, на полдень следующего дня была назначена свадьба Радима и Лаэрты.

Поздно вечером к Лаэрте пришли портнихи с почти готовым платьем для окончательной подгонки. Они не зря потратили несколько месяцев, потому что это было не платье, а произведение искусства из кружева и жемчуга. Сфокусировав взгляд на своём отражении, девушка завистливо вздох-

нула – она так и не смогла привыкнуть к неоспоримой красоте своего тела. И ещё она наконец поняла, что если не хочет завтра стать женой человека, с которым разговаривала от силы два часа, а она не хотела, то предпринимать что-то нужно именно сейчас.

– Я пройду по саду, так сказать, проверю платье на удобство, – заметила она и, оставив недоумевающих портних, покинула комнату.

Доверившись интуиции, она ушла вглубь сада и вскоре наткнулась на небольшой искусственный водопад и кружевные качели подле него, так и манящие присесть. Лаэрта не посмела им отказать и, присев на качели, подняла глаза к небу. И задохнулась от восторга: полная луна уже поднялась достаточно высоко надо кромкой деревьев, и миллиарды звёзд смотрели, казалось, только на неё, отчего она чувствовала себя в центре мира. И ей показалось, что от неё чего-то ждут.

Уже давно стемнело, и пение цикад, разносившееся над парком, гармонично вписывалось в тишину ночного леса. Поэтому Лаэрта сразу поняла, что здесь есть кто-то ещё, когда они неожиданно затихли. Она обернулась и почти сразу нашла взглядом тёмный силуэт.

– Камил? – узнала она.

– Извини, – заметно смутившись, начал он: – Я тут ходил...

– Ночью, – насмешливо подняла бровь Лаэрта, параллельно пожелав узнать, что он тут забыл. Оказалось, что портни-

хи, удивлённые её уходом, сообщили об этом Радиму, а тот, прихватив друга, отправился на поиски, поскольку опасался, что она снова сбежит. Узнав всё это, Лаэрта, не сдержавшись, громко хмыкнула, отчего Камил смутился и покраснел.

Однако ей в любом случае пора было поговорить с Радимом, так что, прихватив Камила, она отправилась на его поиски и почти сразу нашла.

– Камил, ты не оставишь нас?

Дождавшись, пока тот скроется, Лаэрта недолго думая прислонилась к Радиму, который, надо отдать ему должное, тут же всё понял и обнял её настолько крепко, насколько это было возможно.

Девушка очень усердно рассмотрела и разложила по полочкам все свои ощущения. Ей было комфортно рядом с ним, а его объятия приятны, но она знала, что стоит ему отойти, и она тут же забудет об этом. Вполне возможно, что Мерцана должна была стать Звездой Радима, но она себя Мерцаной совсем не чувствовала. И Звездой Радима не была.

С неожиданным даже для себя хладнокровием Лаэрта подняла глаза и констатировала то, что для неё было вполне очевидно:

– Я не та, что тебе нужна. И я точно не твоя Звезда.

Для Радима это прозвучало довольно странно, учитывая, что она сейчас стояла в свадебном платье в его объятиях.

И прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он осознал услышанное. А когда осознал, так и остался стоять, безвольно опустив руки и глядя на неё, не в силах принять её слова.

Девушка, видя его состояние, нахмурившись, заметила:

– Мне совсем не нравится сообщать тебе такие новости.

И уж точно мне совсем не хочется, чтобы ты страдал. Но это отнюдь не меняет того, что наши с тобой пути не могут сойтись так, как того желаешь ты.

Поскольку Радим никак не отреагировал на её высказывание, Лаэрта пожалала плечами и отвернулась, чтобы уйти. Что ж, здесь она уже ничего не могла поделать.

Впрочем, далеко ей уйти не дали, поскольку после пары шагов она была остановлена репликой Радима:

– Я могу понять, что ты не хочешь замуж. Но зачем обманывать себя?

Девушка обернулась и удивлённо вскинула бровь, всем своим видом показывая, что не понимает, о чём речь.

– Я не безразличен тебе, – вынужден был пояснить Радим. – Зачем было рисковать жизнью, спасая меня от разбойников в лесу, или расстраивать мою свадьбу с Радой? Будь всё так, как ты говоришь, ты могла бы просто оставить всё как есть. Я был бы вполне счастлив, по крайней мере пока чары не рассеются, – тихо закончил он, почти веря в свои слова.

– Я не говорила, что ты мне безразличен, – взвешивая

каждое слово, чтобы случайно не вселить в него излишних надежд, ответила девушка. – Если говорить откровенно, ты мне даже симпатичен.

– Из-за простой симпатии не расстраивают свадьбы и не бросаются под нож, – упрямо повторил он.

– Ну, предположим, под нож я вовсе не бросалась, ты слегка преувеличиваешь моё участие, – легко заметила Лаэрта, пожимая плечами.

– А свадьба? – решив стоять до конца, переспросил Радим.

Девушка вздохнула, но всё же пояснила:

– Извини, но по большей части я сделала это для Рады. Она ещё слишком молода, чтобы понимать, насколько опасна приворотная магия. А так получилось, что за Раду я в ответе, мне пришлось вмешаться.

– Я не понимаю, – наконец, выдал Радим, тяжело сядясь на ближайшую скамейку.

Лаэрта осторожно присела рядом и тихонько добавила:

– Я и сама многого, очень многого не понимаю.

– Откуда тогда в тебе такая уверенность, что мы не можем быть вместе? – удивился Радим. – Я не знаю, как объяснить тебе, но как только я встретил тебя, я осознал, наконец, зачем живу. Даже когда я сплю, я знаю, что ты где-то есть, и это единственное, из-за чего я просыпаюсь. Это даже не любовь, это что-то выше, что-то, что заставляет меня быть счастливым от одной мысли, что ты где-то есть, обязательно ря-

дом со мной, а просто есть в этом мире.

Девушка, не сдержавшись, взвыла. Как же хорошо, наверное, быть настолько уверенным в том, чего даже потрогать нельзя.

– Я есть в этом мире, – наконец взяв себя в руки, повторила она, – но я теперь сама по себе. Я не для тебя.

И, глядя на его удручённое лицо, добавила то, что вовсе не собиралась говорить:

– Раньше всё было именно так – я была твоей судьбой, и я в действительности была для тебя. Нам бы встретиться раньше, и не было бы ни метаний, ни скитаний. Всё было бы ровно так, как задумано. Но... – девушка поймала его взгляд, чтобы донести, наконец, до его разума, – мы встретились, когда встретились, и к тому моменту всё уже изменилось. Я не знаю, зачем этот мир настолько жесток, что ты до сих пор связан со мной, в то время как я с тобой не связана. Не связана! Моя судьба изменилась до нашей встречи.

– Это говорит твой разум, а сердце?

– Сердце – это всего лишь большая мышца, – вновь повторила она. Но, чтобы смягчить, добавила: – Моё сердце, почки и прочий ливер не предназначены для любви. Ну, по крайней мере с уверенностью могу сказать, что тебя оно не любит, уж извини. Не знаю, может ли любить кого бы то ни было.

Девушка поняла, что уже в десятый раз повторяет одно и то же, облачая в разные слова, и решила, что пора этот

разговор заканчивать. Она и так сказала уже гораздо больше, чем следовало.

– Прости, Радим. Но мне действительно пора уходить. Из твоего замка. И из твоей жизни.

– Пообещай, что мы увидимся. Хоть когда-нибудь увидимся, – преграждая ей путь, попросил Радим. Ему было невыносимо от осознания, что она вот так просто покидает его. И ещё более невыносимо оттого, что она покидает его навсегда.

– Наш мир слишком мал, чтобы мы могли вечно избегать друг друга, я уверена, мы встретимся, рано или поздно, так или иначе. Но не думаю, что эта встреча обрадует нас обоих...

Девушка предпочла не заканчивать предложение и быстро ретировалась, но, не сдержавшись, оглянулась и тут же пожалела об этом. Радим не смотрел ей вслед. Он стоял, опустив глаза в пол, стоял абсолютно неподвижно, поникнув всем своим существом. Даже воздух вокруг него, казалось, был пропитан его горечью и, несмотря на яркий лунный свет, освещавший всё вокруг, струился едва уловимым блеклым серым маревом. Зная, что пожалеет об этом, девушка всё же попросила звезду показать ей чувства Радима. И, конечно же, пожалела.

Она не знала, с чем сравнить это, ибо никогда ничего подобного не испытывала. Боль от смерти родных, тоска по дому, в который никогда не вернёшься, разочарование от пре-

дательства друзей, понимание, что мир, в котором живёшь, не тот, каким всегда казался, – всё это, усиленное многократно, не могло сравниться с потерей человеком Звезды. Она всем существом прочувствовала, как рассыпается ткань мироздания вблизи Радима, и впервые всерьёз восприняла слова Избора, да и всех остальных, о непрерывной взаимности любви, о существовании судьбы и Звезды, от которой нельзя отказаться, от которой не хочется отказываться, от которой и в голову никому бы не пришло отказываться.

Прошла всего секунда между вдохом и выдохом, и девушка вновь стала собой. Но за это мгновение, в которое она поделила чувства с Радимом, она, казалось, постарела лет на десять. У неё не хватило сил ещё раз взглянуть на Радима. И не зная, к чему это приведёт, какие будут последствия, она пожелала, чтобы он забыл обо всем, что с ней связано. Стёрла из его жизни все упоминания о себе. Ибо даже воспоминание о его боли было непереносимо. Не давало дышать, думать, существовать. Просто невыносимо, чтобы такое мог вместить один человек. Просто невероятно, что такую боль один человек мог причинить другому.

Стерев ему память и отправив туда, где всё и началось – на поляну в лесу Славы, девушка запоздало испугалась и пожелала узнать, что с ним будет теперь: «Он будет искать, сам не зная что. Ему будет сложно подпустить к себе кого бы ни было настолько близко, чтобы полюбить, и потому он может остаться одиноким до конца жизни».

Лаэрта глубоко вздохнула, прочищая разум. Посмотрела на то место, где только что стоял Радим, и почти увидела, как ткань бытия спешно затягивается, забывая, уничтожая ту боль, что она причинила.

Радим никогда не будет счастлив, но он сможет жить. Пусть даже его жизнь будет жалким подобием того, что он мог иметь, пусть он будет всего лишь существовать. И она всегда будет знать, что по крайней мере один человек в этом мире глубоко несчастлив из-за нее. С этим она сможет жить. Возможно.

Она вернулась в свой дом в Дэнэбе. В доме стояла тишина, что было вполне естественно: едва перевалило за три ночи. Сна не было, и девушка села за большой деревянный отполированный временем стол. Она знала: едва встанет солнце, на кухню спустится Весея и выверенными за долгие годы движениями возьмётся за с вечера поставленное тесто, а ещё через несколько минут подойдёт Данко, поставит на плиту чайник и кофе, и пока Лаэрта отвлечётся на его хождение по кухне, Весея уже поставит в духовку аппетитные булочки. Бодрящий аромат кофе и булочки, что поползёт довольно быстро, соберёт и остальных обитателей дома на купающейся в лучах утреннего солнца кухне. Кто-то удивится её появлению, кто-то примет как должное, но никто не будет задавать вопросов. Она уже слышала смех и разговоры, что разольются по кухне через несколько часов.

Лаэрта сидела и ждала рассвета, потому что не знала, чего

ещё ей ждать.

Часть 2

14

Ей нравилось в Дэнэбе – она чувствовала себя здесь как дома. Данко и Весея, в доме которых она жила, заботились о ней и опекали её, как собственную дочь, но делали это так деликатно и ненавязчиво, что даже она не противилась.

История со свадьбой не могла пройти незамеченной, и Лаэрта рассказала своим друзьям из цирка, как познакомилась с Радимом и почему расстроила его свадьбу, упомянув также, что Рада – несостоявшаяся невеста – была её младшей сестрой. В конце концов, если не друзьям, то кому ещё говорить правду? Впрочем, о звезде и некоторых других фактах своей биографии, таких как, например, потеря памяти, она всё же умолчала.

– Вот почему ты умеешь готовить блюда, о которых я и слыхом не слыхивала, видом не видывала. Уж я представляю, как в вашем замке заморские повара и не такое готовили, – пробурчала Маргана после довольно длинного рассказа Лаэргы.

– Серьёзно?! Это всё, что ты вынесла из моего рассказа? – расхохоталась девушка.

Маргана была неисправима: больше всего её интересовала

стряпня. Интересно, как с такой страстью к кулинарии она стала хозяйкой преуспевающего цирка, а не великой поварихой?

Дэнэб меж тем расцветал день ото дня, словно пробудившись. Их усилия не прошли даром: о городе заговорили, его узнали, торговцы перестали проезжать мимо, а с новыми людьми в город вернулась жизнь. Он стал шумным, живым, дерзким, молодым и приносящим прибыль. Неудивительно, что вскоре мастер Онагост пригласил Лаэрту и, вспомнив об обещании, компенсировал потраченное ею время, заплатив за её услуги. Приятно удивившись, а также посчитав, сколько денег ей стали приносить цветочные лавки, девушка с радостным изумлением осознала, что теперь может сама себя обеспечивать.

Однако несмотря на то, насколько ей становилось спокойно и хорошо в Дэнэбе, она ни на секунду не забывала о встрече, обещанной Стоумами. Теперь, когда она вспомнила, кем была, Лаэрте как никогда раньше хотелось узнать, кто она. Потому что Мерцаной из Баско она точно не была, она была Лаэртой: самостоятельной, независимой, взбалмошной, эгоистичной, сильной. И такой ей быть нравилось. А потому она непременно должна была узнать, что именно сделали Стоумы, потому что быть Мерцаной она уже не хотела и должна была убедиться, что та не вернется и она, Лаэрта, не канет в небытие. Неделя прошла быстро, и Лаэрта, верная своему слову, вернулась в замок Стоумов.

Девушка сама отворила двери, наплевав на предательски напавшую дрожь. Она не спеша вошла в роскошный зал, своды которого утопали во мраке, и, оглядевшись по сторонам, поняла, что её опасения были небезосновательны: в замке никого не было. Абсолютно никого: ни слуг, ни охраны, ни тем более радушных хозяев. Девушка устало опустилась в центре зала на колени. События не спешили развиваться, и она со вздохом легла на спину и уставилась в темноту потолка.

– Однако это уже совсем перестает быть интересным, – пробурчала девушка в пустоту, совершенно не понимая, что же делать дальше. Вместе с хозяевами замка ушли ответы на мучавшие её вопросы. – И долго мне здесь сидеть?

Девушка села и еще раз огляделась. Хозяева даже записки не оставили. По всему выходило, что сидеть ей здесь предстояло действительно долго.

Впрочем, уже через несколько мгновений все трое Стоумов спокойно вошли в зал и, казалось, несколько удивились, увидев девушку. Запоздало подумав, что она бы тоже удивилась лежавшей посреди своей гостиной девушке, юноше, да даже собаке, девушка почти грациозно встала и, сделав вид, что ничего предосудительного в её поведение не было, вместо приветствия заметила:

– Неделя прошла.

– Ты не рассказала про звезду, – недовольно пробурчал Вид, так, словно они и не прерывали разговор на неделю.

– А что я должна была вам рассказать про звезду? – Лаэрте не нравилось, когда её обвиняли в чём бы то ни было, и она сразу ошетибилась.

– Ты слышала о пророчестве Чародея? – гораздо более миролюбиво спросил Искрен.

– Нет, а должна была? – в свою очередь сменила тон девушка.

После долгих пяти минут молчания самый старший из них – хранитель знаний – заметил:

– Есть пророчество, согласно которому во время, когда магии нельзя станет доверять, появится то, что поможет вернуть равновесие, вот только... – Он задумчиво замолчал.

Еще после долгих трёх минут молчания у девушки не выдержали нервы, и она переспросила:

– Вот только что?

– В пророчестве говорится о носителе со звездой, вот только у нас не было таких уже лет сто пятьдесят.

– Ну и не факт же, что он уже появился? – с надеждой спросила девушка, отводя глаза, ей совсем не нравилось, куда они клонят, а становиться участницей какого-то древнего пророчества хотелось меньше всего.

– Хочешь сказать, что звезды у тебя нет? – с усмешкой заметил Вид.

– Я вообще не хочу говорить про свою звезду, – буркнула Лаэрта и прикусила язык, а Искрен рассмеялся: даже если она хотела скрыть от них что-либо, то этой фразой выдала

себя с головой. Недовольно поморщившись, она поспешила сменить тему: – Так что там с пророчеством?

– Пророчество говорит о трёх признаках, по которым мы узнаем ЭТО, – размеренно произнес Вид. И не дожидаясь вопросов, продолжил: – Первый – ЭТО не будет знать себя, второй – ЭТО соединится со звездой. Как видишь, тыходишь под оба.

– Третий? – спросила девушка, не ожидая ничего хорошего, поскольку не желала ответственности.

– Третий, самый непростой, – ЭТО принесет в наш мир нелюбовь.

Девушка невольно усмехнулась, поражаясь тому, что даже столь могущественные люди верят в непоколебимость любви. Но прежде чем её рот открылся для очередной насмешки, она вспомнила то, что её память услужливо скрывала от неё. Она вспомнила, каким оставила своего принца накануне.

Что ж, она действительно принесла в этот мир НЕЛЮБОВЬ.

– И как я дошла до жизни такой? – вымученно простонала Лаэрта и поинтересовалась, с удивлением услышав в своем голосе жалобные нотки: – А мне-то что делать?

– Исполнить предназначение, – как само собой разумеющееся заметил Всеумдр – старший из Стоумов.

– Я не о том, – раздраженно отмахнулась Лаэрта, она любила сарказм, только когда он был направлен не на неё.

Но, как она ни билась, больше ничего вразумительного от

них она не услышала. И до того им в итоге надоела, что её вновь самым бесцеремонным образом выставили за ворота, пообещав перед этим всё же поискать в рукописях что-нибудь, что могло бы ей помочь в исполнении её предназначения.

– Замечательно, – пробурчала девушка и, уже привычно вздохнув, произнесла: – Желаю оказаться дома.

Не в пример обычного несколько долгих мгновений ничего не происходило, а затем она обнаружила себя в уютном кабинете, по обстановке которого она не сразу, но всё же признала замок Озара.

– Единорожком мне в бок, – выругалась она, поняв, чем вызвано промедление: звезда просто не знала, что именно она считает домом.

– Что, прости? – привлекая её внимание, переспросил Озар, не сильно удивившись её появлению.

Лаэрта обернулась и покраснела, общение с Марганой не пошло на пользу её лексикону, и хоть она и не считала Озара своим отцом, по сути, он таковым являлся.

– Извините, я не хотела Вас беспокоить, это случайность, – поспешно затараторила она, скрывая смущение.

– Ничего, ничего, – так же поспешно успокоил он её, опасаясь, что девушка вновь исчезнет. – Ты же знаешь, что, несмотря ни на что, это твой дом и ты можешь вернуться, когда пожелаешь?

Лаэрта задумалась, об этом она не думала, но осознавать,

что есть место, куда она может прийти, было приятно. Что она ему и озвучила.

– Лаэрта – странное имя, почему оно? – после некоторого молчания спросил Озар.

Девушка пожалала плечами и уселась в одно из кресел, как бы то ни было, ей здесь нравилось, а общаться с ним было приятно.

– Просто первое, что пришло в голову, я тогда не помнила ничего иного.

– А теперь?

– Теперь я помню, помню всё. Помню, как росла здесь, помню, как была Мерцаной. Но я всё равно не она, я – Лаэрта, не знаю, как это объяснить.

– Если уж Стоумы не знают, куда там нам понять это, – прервал её путанные объяснения Озар и на её удивленный взгляд пояснил: – Я разговаривал с ними. Когда моя дочь приходит домой и называет себя другим именем, я обычно не сижу сложа руки.

Лаэрта кивнула, да, это было на него похоже.

– А что насчёт звезды?

Озар удивленно поднял бровь, похоже, про это он не знал, и как ни хотелось ей доверять ему, она всё же не стала рассказывать ему всей правды:

– Стоумы говорили про пророчество Чародея и что-то про звёзды, но напустили такого тумана, что я ничего не поняла.

Озар пожал плечами, про это он действительно ничего не

знал. Но обведя глазами библиотеку, предложил:

– Может, в книгах что-то есть? Хочешь, я поищу?

– Да, было бы неплохо, – отбросив ложную скромность, согласилась Лаэрта. Обведя глазами длинную череду книжных полок, она задумчиво пробормотала: – Хотела бы я знать, что в них есть что-то, что могло бы помочь.

И тут же прикусила язык. Когда же она наконец научится быть аккуратней в своих желаниях? Она едва могла дышать, казалось, любое неаккуратное движение – и её вырвет. В голове была полная каша из обрывков фраз и цитат. Она одновременно узнала столько, сколько не вмещалось в её голове, и просто не могла сконцентрироваться ни на чём конкретном. Лаэрта хотела было пожелать отмену последнего желания, но тут же поняла, что знает, что не может этого сделать. Потому что вон в той книге с зеленой обложкой, третьей слева на крайнем правом стеллаже, говорится о том, что желание, исполненное звездой, невозможно отменить, ибо нет ничего сильнее звезды, даже она сама. И на любую её мысль, тень мысли в голове тут же всплывали тысячи строк. Да, у Озара была поистине огромная библиотека.

– С тобой всё в порядке? – обеспокоенно спросил он, заметив изменения в ней.

– Простите, просто устала, – аккуратно, стараясь больше ни о чём не думать, солгала Лаэрта. Если сидеть, не шевелиться, у неё это почти получалось. – Можно я тут посижу немного?

– Конечно, что за вопрос. Ты же останешься на ночь?

– Нет, моя домовладелица полгорода на ноги поднимет, если я не явлюсь ночевать, – ухмыльнулась Лаэрта, и Озар в очередной раз понял, что у неё теперь совершенно другая жизнь, никак с ними не связанная.

– Ты же ещё придешь? Потом? – всё же не смог не спросить он.

Столько надежды было в его голосе, что Лаэрта не смогла ответить иначе, чувствуя очередную порцию вины за то, что не может участвовать в жизни других людей так, как они этого желают:

– Да, конечно, потом.

– Я оставлю тебя, отдыхай, – видя, что ей с трудом стал даваться этот разговор, деликатно решил покинуть её Озар. Но уходя, уже в дверях не выдержал и обернулся. – Как ты в целом? Счастлива?

– Я не несчастна, – честно ответила девушка, и, удовлетворившись таким ответом, Озар оставил её одну в кабинете.

Посидев ещё пару минут, кое-как примирившись с обилием новых знаний в своей голове, Лаэрта пожелала оказаться в своей комнате в Дэнэбе. На этот раз пространства для манёвра в исполнении своего желания она не оставила, будучи предельно внимательна к мелочам.

Все выходные она просидела у себя, пытаясь хоть как-то сжиться с вечно не к месту всплывающими знаниями в своей голове. Но как бы плохо Лаэрта себя ни чувствовала, дол-

го сидеть взаперти было выше её сил – слишком деятельной она была. А потому, сначала совершив небольшую вылазку до соседнего дома и проведя вечер с циркачами, она поняла, что вполне может общаться с людьми. Иногда она, правда, замолкала посреди разговора, но друзья деликатно не обращали на это внимания.

А к началу новой недели девушке настолько надоело сидеть в четырёх стенах, что она осмелилась, как это стало уже привычно, прогуляться к Главе города. На удивление общение с ним прошло гладко: они обсудили возможность постройки нового квартала, так как в Дэнэбе становилось тесно, а западная стена вполне позволяла перенести себя на несколько десятков метров, тем самым расширив город. Также она напомнила, что цирк Марганы в городе уже почти месяц и ещё через несколько недель они планируют пуститься в гастроли: циркачи не привыкли сидеть на месте, и пары месяцев в одном городе для начала было вполне достаточно. Девушка успокоила взволновавшегося было Онагоста тем, что первые гастроли не продлятся больше месяца и цирк вновь вернется в Дэнэб раньше, чем он успеет по ним соскучиться.

За разговорами Лаэрта не заметила, что стемнело. Отказавшись от провожатого и успокоив Онагоста тем, что на улице её дожидается Мрак, девушка уже по темноте отправилась домой. Мрака на удивление нигде не оказалось, но, не став сильно переживать по этому поводу, Лаэрта одна на-

правилась домой. В конце концов, их город был довольно спокоен, а дом, в котором она снимала комнаты, располагался не более чем в пятнадцати минутах пешего шага от палат мастера Онагоста.

До дома она в этот вечер так и не добралась. Девушка успела заметить, как от здания впереди отделилась тень и быстро развернулась, чтоб уйти, но тут же столкнулась с другим мужчиной. Прежде чем она успела даже подумать о том, чтобы что-то пожелать, ей заткнули рот и, связав, потащили к лошадям.

Всю ночь они провели в дороге, и на этот раз на её мычания не обращали ни малейшего внимания, и, получив один раз ощутимый удар по рёбрам, Лаэрта перестала елозить. Остаток ночи она провела, всячески ругая себя: она пожелала узнать целую библиотеку, а вот узнать, кто пытался её похитить ещё со свадьбы с Говеном, как-то не додумалась.

На рассвете двое похитивших её мужчин остановились на поляне в лесу, по-прежнему полностью игнорируя сам факт присутствия Лаэрты. А ещё спустя полчаса к ним присоединился новый отряд, и девушка наконец узнала, по чьему приказу она оказалась в столь незавидном положении. Уже знакомый ей старик, что перенёс её из леса в замок Озара сразу после падения звезды, вновь был здесь. И она ещё раз отругала себя за то, что пустила всё на самотёк. Это же надо было быть настолько безалаберной, чтобы закрыть глаза на собственное похищение.

За последующие несколько дней пути девушке так ни разу и не развязали ни руки, ни рот. Ей лишь иногда давали немного воды, выливая на лицо несколько кружек, так что повязка, закрывавшая рот девушки, намокала, но этого едва хватало на пару глотков, так что напиться Лаэрте не удалось ни разу. Поэтому, когда почти через неделю они прибыли в замок, Лаэрта могла думать только о жажде, обуревавшей её. Если бы не это, она, конечно, оценила бы красоту замка, ибо он не походил ни на одни из ранее виденных ею: строгий и основательный, он так органично вписывался в окружающий лес, словно был частью его. Возможно, такое впечатление складывалось и благодаря тому, что кладку красного кирпича местами весело обвивал зелёный плющ. Когда они прошли сквозь ворота внешней стены, перед ними предстал широкий и чистый внутренний двор, усыпанный золотым песком, а дальше было ещё более красивое главное здание: высокие узкие окна отливали разноцветьем витражей, а остроконечные пики крыши строго и торжественно возвышались на фоне голубого неба.

Лаэрту спустили с лошади, поскольку сама она уже едва держалась на ногах, и подвели к колодцу, что стоял посреди внутреннего двора.

– Я развяжу тебе рот и дам воды, даже не пытайся ничего произнести, ты не успеешь, поверь, и это будет последняя вода, что ты выпьешь, – без особой деликатности заметил старик и, когда она утвердительно кивнула, подал знак, чтоб

её развязали.

Лаэрта, даже если бы очень хотела, не смогла бы ничего произнести: во рту пересохло, как на сельской дороге в жаркий полдень, а язык наждачной бумагой царапал пересохшее небо и не слушался. Девушка с жаждой выпила предложенную воду и, покачнувшись, едва не упала, но удержалась, зацепившись за кладку колодца. И прежде чем она успела вздохнуть, ей вновь заткнули рот.

Надо отдать им должное – они отлично научились на её прошлом побеге и подобной ошибки не повторили. Крепко держа девушку под руки, её завели в замок так быстро, что она едва успела печальным взглядом проводить оставленный за спиной колодец. Рассмотреть интерьер замка ей тоже не представилось возможности, поскольку они без задержек пересекли холл, дойдя до непримечательной лестницы в дальнем его конце. Так же быстро они спустились по ней на несколько пролётов. Остановились они, лишь когда подошли к небольшому каменному мешку. В темнице Лаэрте наконец развязали руки и рот и, всё так же ни слова не говоря, оставили одну.

Она провела в темнице неделю, никто не приходил, а еду подавали через небольшое окошко, так что, когда дверь отворилась и она впервые за семь дней увидела другого человека, Лаэрта обрадовалась, даже несмотря на то что это был всё тот же старик, уже дважды похитивший её.

– Мармагон хочет поговорить с тобой, – буркнул он и жестом приказал следовать за собой.

Перспектива покинуть изученные вдоль и поперёк стены темницы была настолько заманчивой, что Лаэрта и не подумала препираться и безропотно последовала за ним.

Они пришли в богато обставленный зал, где в Мармагоне она узнала темноволосого мужчину из замка Озара – собирателя звёзд.

– Присаживайся. Мы не были представлены должным образом, позволь это исправить. Я Мармагон.

Девушка, не понимая, чего ожидать, осталась невозмутима и, заняв предложенное место у стола, ответно представилась:

– Лаэрта.

– Тебе, вероятно, интересно, что ты здесь делаешь? – продолжил мужчина их неторопливую беседу.

Девушка почти равнодушно пожала плечами и, так как он ждал поддержания диалога, добавила:

– Разве что немного.

– Не люблю ходить вокруг да около. Мне нужна твоя звезда. Дай мне то, что я хочу, и мы разойдемся мирно, – не отрывая от неё глаз, холодно заметил он.

– Что? – искренне удивилась Лаэрта.

– Ну, ладно, очевидно, я зря надеялся на твоё благоразумие, – несколько устало заметил её собеседник. – Мы можем пойти и другим путём.

По едва заметному кивку в зал вошли стражники и увели девушку. На этот раз её повели в другую темницу, что была несколько просторней каменного мешка, в котором она провела почти неделю, но также не имела окон. Там Лаэрту приковали к стене, а она была настолько потрясена этим, что даже не сопротивлялась.

– Я не сторонник подобного рода методов, так что спрошу ещё раз, – войдя в темницу после того, как её приковали, продолжил Мармагон. – Где твоя звезда?

– Но я действительно не понимаю, о чём вы, – всё так же искренне ответила Лаэрта.

Мармагон, как ей показалось, немного печально вздохнул и покинул помещение. А спустя несколько минут вошёл другой мужчина: очень обычный, с блеклыми волосами и непримечательным лицом. Он отстранённо, как-то даже равнодушно подошёл к столу и поставил на него свою сумку. Так же не спеша он достал из неё и разложил на столе по размеру разного рода ножи. «Какой педант», – подумала было Лаэр-

та, а уже в следующую секунду перестала думать, потому что мужчина, быстро выбрав один из ножей, деловито подошёл к ней и медленно провёл по тыльной стороне ладони девушки. Девушка в первое мгновение не поверила в происходящее и какое-то время даже не кричала, но мужчина хорошо знал своё дело и, деловито нанося новые и новые раны, довольно скоро добился от неё крика и мольбы о помощи.

Никакие мольбы, конечно, не помогли. Лаэрта не знала, сколько прошло времени, ей казалось, что целая вечность, но девушка понимала, что, скорее, лишь несколько часов. Закончив резать её руки, мужчина так же деловито удалился и вернулся вновь с ведром. Лишь когда он начал поочерёдно каждую рану промачивать тряпкой, смоченной в воде из принесённого ведра, девушка поняла, что там соляной раствор. В конце концов она всё же потеряла сознание от боли. А когда очнулась, руки её были заботливо перебинтованы, а она снова была в уже знакомой ей темнице, ставшей ей почти родной. Лаэрта немного поплакала от бессилия, злобы и боли, но вскоре усталость взяла своё и она забылась беспокойным сном.

Несколько дней к ней вновь никто не приходил, а когда на пороге открывшейся двери вновь появился старик, она так же безропотно пошла за ним. Лаэрту привели всё в тот же зал, где за накрытым обеденным столом вновь сидел Мармагон. Пригласив девушку отобедать с ним, он пространно и долго говорил о погоде, политике и предстоящей коронации

Говена Ломыги, абсолютно не обращая внимания на состояние девушки. Лаэрта, которую не баловали едой, пока она была в темнице, слушала его лишь краем уха, с аппетитом поглощая обед. А когда обед подошёл к концу, Мармагон наконец спросил:

– Итак, я знаю, что сейчас у тебя звезды нет, а потому повторяю вопрос: где твоя звезда?

– Но я действительно не понимаю, о чём вы, – со слезами на глазах ответила Лаэрта, ожидая, что её ответ ему не понравится.

А потом её пытали, и она кричала и теряла сознание, и её вновь приводили в чувство и вновь пытали. Затем давали передохнуть несколько дней или недель, зависело от того, насколько плохо ей было, и начинали всё сначала. Она рассказывала всё, о чём её спрашивали, и то, о чём не спрашивали, тоже. Обо всём, кроме звезды, потому что не могла о ней заговорить, даже если бы хотела, ибо в разговоре со Стоумами пожелала не говорить о своей звезде. Но Мармагон этого не знал, и девушку пытали снова и снова.

Иногда, очевидно, для разнообразия её существования, Мармагон «приглашал» её на ужин. Её умывали, одевали в чистое платье, и они чинно ужинали, сопровождая приём пищи долгими беседами. И как ни ненавистны были Лаэрте эти беседы, она всеми силами их поддерживала, потому что знала, что по окончании ужина её не ждёт ничего, кроме сырой темницы и новых пыток.

– Чародей был великим человеком, – пространно рассуждал Мармагон за одним из подобных ужинов. – Он сделал то, о чём и помыслить не могли до него: он не просто заставил звёзды служить ему, но и нашёл способ оставлять их в нашем мире. Но и он не был идеален. О том, что магия звезды конечна, он не подумал. И теперь нам... мне приходится быть в постоянном поиске, чтобы поддерживать то, что мне удалось создать. Поверь, я ни за что не стал бы тебя вынуждать отдать мне звезду, не будь она мне жизненно необходима.

– А что если Чародей не знал о том, что магия звёзд конечна? – пытаюсь хоть как-то собрать разбегающиеся мысли, силилась поддержать диалог Лаэрта. – Возможно, когда звёзды произвольно появлялись и исчезали из мира, их магия не была конечна?

– Интересная мысль, – воодушевился её собеседник.

А Лаэрта продолжила, лишь бы что-то сказать:

– Возможно, когда звезда даёт свою магию добровольно, как это было с Чародеем, ведь он был носителем, то эта магия не имеет конца. А когда магию забирают силой, звезда погибает и её сила угасает с её смертью.

Мармагон надолго задумался, но в конце концов потрянул головой и пожурил девушку:

– Не могу не отметить неправильно использованные тобой выражения: «произвольно», «добровольно», в то время как у звёзд нет воли.

«А соответственно, желания», – чуть не выпалила девуш-

ка вбитую ей в голову неоднократным повторением фразу, но вовремя промолчала. Они ещё немного поговорили, и после того как Мармагон покинул зал, её вновь увели в темницу. Вообще при общении с ней он делал вид, что она его гостя, а никак не пленница, что, впрочем, совершенно не отменяло того, что её пытали раз за разом.

Она потеряла всякий счёт времени, пока однажды ночью в дверях своей темницы не увидела Мрака. Лаэрта даже не удивилась тому факту, что он как-то узнал, что она здесь, и позволила ему вывести себя из замка. Была ночь, и девушка пыталась было настоять на том, что им надо пройти через центральный двор. Звучи её просьба хоть сколь-нибудь убедительно, возможно, они так бы и сделали, но Лаэрта была слишком слаба, чтобы спорить, и они покинули замок через другой вход.

Они всю ночь шли через лес, но большую часть пути Лаэрта не запомнила, потому что часто проваливалась в беспмятство. Мрак, который планировал без остановок добраться до безопасного места, понял, что девушка слишком слаба и его план неосуществим. Так что им пришлось остановиться в ближайшей деревне уже к следующему вечеру. Мрак выбрал дом на окраине, так как знал, что Мармагон первым делом начнёт поиск с ближайших деревень, которых было в этих глухих лесах не так уж и много.

Угрюмые хозяева, что без особой радости разрешили им остаться, заметив, в каком состоянии девушка, посоветовали

Мраку отвезти её к знахарке, что жила в лесу в паре дней пути от их деревни. Заручившись их уверениями в том, что они никому не расскажут ни о нём, ни о девушке, Мрак так и поступил. Он не мог быть уверенным, что они не выдадут их при первой же возможности, но иного пути всё равно не было: Лаэрта к этому времени почти перестала приходить в себя.

До знахарки между тем они добрались благополучно. Оставив у себя девушку, Мрака старуха на порог непустила. Так что он устроился лагерем недалеко от землянки знахарки, временами пытаясь справиться о здоровье привезённой им девушки, но не получая никакого ответа. Что радовало, Мармагон так и не появился, а значит, жители деревни сдержали слово и не рассказали о них.

Лаэрта очнулась лишь спустя неделю, то ли благодаря настояям и травам знахарки, то ли благодаря своему крепкому организму. Ещё спустя неделю она пришла в себя настолько, что смогла встать и выйти из землянки, где почти сразу нашла Мрака. Он обрадовался, увидев её на ногах, но с беспокойством заметил, что они не могут оставаться так близко к замку Мармагона. Девушка не могла не согласиться, и ещё через пару дней, несмотря на её слабость, они вновь двинулись в путь.

Через пару дней пути, когда лес перестал быть таким густым, а Лаэрта за весь день почти ни разу не потеряла сознание, она наконец окрепла настолько, чтобы начать думать и

разговаривать. А потому едва ли не первой её репликой был вполне закономерный вопрос:

– Как ты нашёл меня?

Мрак оглянулся на неё, но не ответил. Вместо этого он указал на появившуюся среди деревьев дорогу, что пока была едва заметна, но он знал, что очень скоро она выведет их из леса.

– В Дэнэб тебе нельзя, Мармагон знает о твоём доме там, у меня есть одно безопасное место, – обеспокоенно заметил Мрак. – Эта дорога скоро выйдет к поселениям, боюсь, нас могут там ждать, так что будем держаться маленьких деревень в стороне от тракта.

Лаэрта мысленно согласилась, Мармагон знал теперь о ней всё – о Дэнэбе, о цирке, даже об Озаре и Раде, он легко найдет её и там.

– Откуда ты узнал, что я у него? – вновь спросила девушка, поскольку его молчание лишь подтвердило её догадку. Но она всё же хотела услышать это от него.

Мрак отвёл глаза, но понял, что придётся ответить, и спустя долгих две минуты молчания выдавил из себя:

– Прости, я не знал тебя, когда соглашался на эту работу, я не знал, что я...

– Оставь себе свои извинения! – яростно бросила Лаэрта.

Она не помнила, чтоб хоть когда-нибудь была так зла на кого бы то ни было. Это же именно он рассказал Мармагону, где её найти, когда её будет легче схватить, это из-за него

её держали в темнице и пытали. А теперь он вдруг почувствовал вину и решил спасти её, такой себе рыцарь на белом коне. Она была слишком зла, чтобы здраво мыслить, и, ожесточенно бросив: «Оставь меня!» – пришпорила коня и умчалась так быстро, как могла, по петлявшей меж деревьев дороге.

Впрочем, сбежала она от него вполне удачно: его сумки были на её лошади. обстоятельно осмотрев их, она заключила, что ей вполне хватит средств добраться, куда бы она ни пожелала. Оставалось лишь решить, куда именно. Мрак был прав: в Дэнэб ей нельзя, и к семье Мерцаны Мармагона она привести тоже не хотела, поэтому отправилась в единственное место, где ей могли помочь, – к Стоумам.

В ближайшей же деревне она узнала, что, наняв лодку, она может спуститься по реке до моря, а уже там из непрерывно курсирующих вдоль побережья кораблей наверняка найдётся хоть один, что будет плыть в нужном ей направлении. Слезть с коня она была рада, потому что, несмотря на почти двухнедельный отдых в доме знахарки, чувствовала она себя неважно. К тому же раны, что едва успели затянуться, в дороге вновь открылись и начали гноиться. Ей везло, потому как она смогла быстро найти лодку, затем так же быстро – корабль и так и осталась незамеченной. Однако даже с везением ей потребовалось ещё две недели, чтоб преодолеть водную часть своего пути.

Время, проведённое у Мармагона, не было заполнено

лишь болью. Ведь они разговаривали: говорила не только Лаэрта, но и он. А ночи без сна дали ей время уложить в голове знания из библиотеки Озара, там по-прежнему было множество ненужной информации, но она научилась прятать её от себя, так чтобы не впадать в полуобморочное состояние при каждой фразе. Кроме кучи этой ненужной информации, в книгах была интересная теория о предельности магии звёзд для мира.

Звёзды падали всегда, некоторые находили носителя, привязывались к нему и покидали мир с его смертью, другие исчезали рано или поздно, так или иначе. Но некогда Чародей, бывший последним носителем звезды, собрал воедино всю магию и прекратил войны, разделив власть между семью людьми, будущими основателями правящих по сей день семей. И чтобы со смертью Чародея и уходом его звезды войны не начались снова, он научился запира́ть звёзды так, чтобы они не покинули мир. И именно это привело к появлению собирателей – они не были носителями звёзд и не обладали их силой, но само наличие звезды давало магию.

Чародей понимал, что это неизбежно, и предсказал, что однажды звёзд в мире останется слишком много и их магия начнёт давать сбой. И Стоумы об этом знали, не могли не знать, и поэтому поначалу не хотели помогать Мерцане, уже перестав слепо доверять магии, но та умела уговаривать и взяла риски на себя. И поплатилась за это, навсегда потеряв себя и став Лаэртой.

Звёзды падали редко, и за каждую велась ожесточенная борьба, пока Мармагон не смог устранить всех конкурентов. Лаэрта не была уверена, но из его слов, брошенных в разговоре, заключила, что у него осталась одна или две звезды, ибо он сам неосторожно признал, насколько отчаянно нуждался в звезде.

Лаэрта слабела с каждым днём, но вновь пересела на коня, ведь Стоумы поселились далеко в горах, как раз с тем, чтоб им не досаждали докучливые посетители с просьбами. Но Лаэрту питала злость, наверное, именно поэтому ей всё же хватило сил добраться до Стоумов. Когда она наконец подъехала к их замку, была глубокая ночь, но, наплевав на этикет, девушка подняла такой шум, что Искрен был вынужден появиться, чтобы узнать, в чём дело.

Он был молод, а потому не смог сдержать удивленного возгласа при взгляде на неё. Лаэрта если и хотела что-то сказать, то не смогла, позволила себе сползти с лошади в его руки и тут же забылась тяжелым сном.

Проснувшись, она обнаружила себя в кровати, раны были перевязаны, а боль, ставшая её неотступной спутницей в последнее время, затаилась.

– Лежи, не вставай, – едва увидев, что она очнулась, заметил Искрен, что сидел рядом. – Дай время своим ранам затянуться.

За неделю она окрепла настолько, что начала самостоятельно совершать небольшие прогулки и смогла наконец по-

говорить со Всемудром.

– Ты права, предел магии звёзд уже очень близко. С год назад магия начала давать сбои, но совсем плохо стало в последние несколько месяцев. Так что сами мы уже полностью отказались от использования магии, – легче, чем она думала, согласился с ней старец.

Они сидели на небольшом балкончике в отведённой Лаэрте спальне. Ей нравилось здесь: свежий воздух приносил легкость голове, а красота гор напоминала, насколько она любит этот мир и себя в нём.

– Магия перестала работать? – удивилась девушка.

Магия её звезды всегда работала в точности так, как она желала, и это лишь её беда, что желать правильно она так и не научилась.

– Нет, работает она отменно, просто результат всегда отличается от того, на что мы рассчитываем. Вот был случай: Искрен уже за полночь приехал с прогулки и, как обычно, хотел почистить коня, но простое заклинание усилилось десятикратно, так что от его любимца остался лишь голый скелет. Перепугался он тогда знатно, надо сказать, – с усмешкой закончил Всемудр.

Ему было почти 100 лет, выглядел он на 50, ещё столько же предстояло прожить, но, как хранитель знаний, кроме своей жизни он видел и жизни многих своих предков, а потому уже мало чему удивлялся. А что может порадовать старость больше, чем неопытность и растерянность молодости?

– Несколько месяцев? – переспросила девушка, понимая, что это не сходится с тем временем, когда на её несчастную голову свалилась звезда с неба, должная, как оказалось, стать её предназначением, ведь это случилось почти год назад. Её саму чуть не освежали чуть меньше месяца назад, так что история про не знакомого ей скоропостижно скончавшегося коня Лаэрту тоже не сильно тронула.

– Да, я полагаю, именно тогда упала очередная звезда, ставшая последней каплей, что переполнила чашу весов и нарушила неустойчивое равновесие.

Лаэрта ничего не ответила и перевела взгляд на небо. Всеумдр был достаточно опытен и, в отличие от Мармагона, почти сразу понял, что Лаэрта не может говорить о своей звезде, но они и без этого, почти всегда понимали друг друга.

– Чародей пожелал, чтобы звёзды остались и мир длился вечно, – продолжили они беседу за ужином, на котором Лаэрта смогла присутствовать лишь через неделю.

– А желания, исполненные звездой, не может отменить даже она, – добавила Лаэрта уже известную ей истину. – Но... магия нескольких звёзд может стать больше одного исполненного желания?

– Так и есть. Но я встречал в некоторых рукописях упоминание о том, что Чародей собрал корону из семи звёзд, чтобы осуществить задуманное. Где ты возьмешь семь звёзд? Нет, даже восемь, ведь тебе надо превзойти его желание, – резонно заметил Всеумдр, что был раздражающе спокоен, да-

же перед лицом полного исчезновения магии, а возможно, и полного краха мира.

– А что случилось с короной Чародея? – Ей не нравилось, что он так спокойно спихивает всё на неё, но против пророчества она возразить не могла.

– Утеряна. Возможно, его в ней похоронили, а возможно, и нет, но это всё равно ничем не поможет, ибо место его погребения тоже неизвестно.

– Совсем короткий список дел: найти давно утерянную корону Чародея со всеми звёздами, захватить замок Мармагона в надежде найти звезду или звёзды у него и вернуть носителю его звезду. Что позволит отменить желание Чародея и отпустить звёзды, тем самым избежать превышения допустимого предела магии, которое может привести в случае моей неудачи к исчезновению не только всей магии, но и самого мира, – уныло констатировала Лаэрта.

Видя её уныние, Вид, что сидел тут же, накрыл её руку своей и заметил успокаивающе:

– Ты избрана для этого, возможно, ты рождена только для этого, ты найдешь решение, не можешь не найти.

Лаэрта едва не взвыла: они попросту переложили на неё ответственность, а теперь ещё и подбадривают, – но сдержалась. Она прекрасно понимала, что они помогли ей чем могли и помогут ещё, если она попросит, но исправить всё нужно было только ей. А её плохое настроение и вспыльчивость в большей степени объяснялись тем, что у неё всё ещё

болели раны, и их магия уже не могла помочь. А ещё именно сегодня, собираясь к ужину, она впервые увидела себя в зеркале: синяки на лице прошли, раны начали затягиваться вновь, изрезанные руки можно было скрыть под перчатками, но вот отрезанные почти под корень волосы было уже не вернуть. Лаэрту, конечно, раздражало временами, когда люди, восторгаясь её серебряными волосами, не замечали за ними саму девушку, но в действительности она искренне любила свои волосы. Теперь же от них осталось едва ли больше пяти сантиметров, и уже ни у кого не возникло бы желания сравнить их с лунной дорожкой на тихой глади ночного озера.

Поэтому она лишь слабо улыбнулась и, накрыв его руку своей, поблагодарила.

А затем, задумчиво потеряв перстень с кроваво-красным рубином на его руке, спросила:

– Красивый перстень, откуда он у Вас?

– Это наш фамильный перстень, ещё от моего деда, – не без гордости ответил Вид, всё же не понимая, откуда вдруг у неё возник к нему интерес.

– А тому его дал Чародей? – улыбаясь, заметила Лаэрта и на их растерянные взгляды пояснила: – Вы же знаете, что это не рубин, а звезда?

Всемудру потребовалось лишь мгновение на то, чтобы понять, о чём она, и он недоверчиво переспросил:

– Ты уверена?

Лаэрта немного растерялась и попросила перстень. Полу-

чив его, она ещё раз погладила камень и уверилась в том, что не ошиблась: от рубина исходило точно такое же живое тепло, как и от её звезды.

– Разве вы не чувствуете? Она откликается, когда к ней прикасаешься, – удивилась она.

– Это твоё предназначение, твоя судьба, возможно, ты не могла бы её исполнить, не чувствуешь ты звёзды, – заключил Всеумдр. – Но если Чародей отдал звезду моему отцу, то, возможно, и остальные...

– Похоже, мы нашли корону Чародея, – закончила за него девушка.

И эта хорошая новость в свете последних безрадостных для Лаэрти месяцев не могла не радовать. Теперь можно было начать хоть что-то предпринимать, потому что сидеть без дела для девушки было равносильно пыткам. А что-то хоть отдалённо похожее на план вселяло пусть и призрачную, но надежду на то, что предназначенная ей пророчеством Чародея миссия не так безнадежна и осуществима.

Стоумы засели в огромных подвалах, где располагалась библиотека, заполненная тысячами старинных манускриптов, сотнями книг и несколькими десятками килограммов пыли и паутины. И пока они поднимали пыль и забирались в уголки, десятилетиями не видевшие людей, Лаэрте оставалась только одна почётная обязанность – выздоравливать.

Их старания принесли свои плоды: в книгах и рукописях нашлось подробное описание ещё пяти украшений, принадлежащих членам правящих семейств того же периода, что и кольцо Вида. Почти во всех семьях были украшения, что передавались из поколения в поколение и которые некогда могли быть получены их предками – основателями семей – от Чародея. Стоумы полагали, и Лаэрта не могла с ними не согласиться, что и седьмая звезда должна была где-то быть, но им так и не удалось найти ни одного упоминания о фамильных ценностях семейства Ломыга. Зато им было доподлинно известно, что браслет, принадлежавший Миловее Вепрь, восемь раз прабабушке семейства Вепрь, что погибло при пожаре поколение назад и сократило число семей-правителей до пяти, теперь находится у Годимира Ломыги и передаётся раз в семь лет вместе с короной как один из атрибутов власти.

Помимо этого, они узнали, что Хорты передают из по-

колениа в поколение Бармы – золотое оплечье. Из-за его массивности и неудобства в обращении оно использовалось лишь по особо важным государственным поводам, как то: передача короны между семьями или коронация. В иное время не то что потрогать, но даже увидеть древние Бармы Хортов не представлялось возможным.

С брошью Тарпанов было проще: Лана, внучка Полевы, главы семейства Тарпан, практически не снимала её и мало когда отказывалась от предложения приехать в гости, а значит, стоило лишь пригласить её – и можно было быть уверенными в том, что она сама привезёт брошь.

Неплохо дело обстояло и с кулоном семейства Урма. Лесьяр и Руда – брат с сестрой – хоть и не так охотно путешествовали, но присутствовали на любых значимых государственных сборах. Таким образом, можно было ожидать, что четыре из пяти нужных им украшений окажутся в одном месте – на предстоящей коронации Говена Ломыги. Встречаться с последним Лаэрта хотела меньше всего, после того как лишь волею случая смогла сбежать с их скоропостижной свадьбы, но судьба магии и мира мало согласовывалась с личными желаниями, и если уж ей придется ради исполнения своего предназначения встретиться со своим несостоявшимся женихом, что ж, она это переживёт.

Сложнее всего всё оказалось с диадемой Русаков: уже более 50 лет никто из их семейства не покидал Падер. Даже во время их прошлого правления Мороз Русак ни разу не

покинул пределы своих земель. А учитывая, что следующий виток престолонаследия дойдёт до их семьи лишь через двадцать с лишним лет, покидать Падер у них не будет необходимости ещё долго.

– В конце концов, не такая уж я и гордая, если никто из Русаков не желает покидать свою вотчину, могу сама наведаться к ним в гости, – задумчиво пробормотала Лаэрта во время очередного обсуждения.

– И как ты намереваешься это сделать? – не без некоторой издёвки поинтересовался Вид. – Наша магия не действует так, как должно, а своей у тебя нет.

Девушка не отказала себе в удовольствии ухмыльнуться в ответ.

– Ножками! Вот этими длинными и красивыми ножками, – и, с удовлетворением отметив, как Стоумы перевели взгляды на её ноги, добавила: – Да ладно, шучу. Не своими ножками, конечно. Но вы же не пожалеете бедной несчастной избраннице судьбы для осуществления её великой миссии пару лошадок?

– Ты не можешь одна путешествовать через горы, – попытался вразумить её Искрен. – Падер – одна из самых труднодоступных территорий. Мы поселились в горах, чтобы люди не докучали нам, но до них добраться ещё сложнее. Нужно преодолеть горы по всего одному перевалу. Дорога только в одну сторону займет не меньше двух недель, и это если повезёт с погодой.

– Ну и отлично, – легкомысленно согласилась Лаэрта. – Коронация Говена лишь через три месяца, у нас будет достаточно времени в запасе.

– У нас? – заикнувшись, переспросил Искрен, подозревая, что именно для него это «у нас» ничем хорошим не обернётся.

– Ты же сам сказал, что я не могу путешествовать одна, – обезоруживающе улыбаясь, заметила девушка в ответ.

Что бы он ни думал, она была уверена в его согласии. Он почти месяц выхаживал её, и теперь, как бы порой не ругался, и он, и она понимали, что он свыкся с необходимостью опекать её. «Мы в ответе за тех, кого спасли», – как-то заметила ему Лаэрта, ибо у неё осталось не так много козырей, и она не собиралась разбрасываться могущественными магами, что, чувствуя ответственность, опекали её как котёнка. И она была совсем не против стать подобранным под дождём, едва живым, жалким котёнком, от которого не ждут никакой пользы, лишь бы они продолжили опекать её. Что же касается того факта, что их магия пока не работала, а точнее, работала совсем не так, как от неё ожидается, так это дело, как говорится в пророчестве Чародея, поправимое, и пока они будут верить в то, что у неё получится это исправить, они продолжат ей помогать.

Несколько дней ушло на сборы – путь предстоял неблизкий, а на магию рассчитывать не приходилось. Сопроводить Лаэрту пришлось Искрену, что и неудивительно – ко-

го, как не молодежь, посылать на безрассудные поступки? А совершать длительное путешествие обычным человеческим способом для некогда могущественных магов было именно безрассудством. Несмотря на пессимистичный настрой Стоумов, первая неделя их пути прошла довольно легко и спокойно. В это время их маршрут пролегал по довольно густонаселённым местам, так что каждую ночь они находили более-менее приличный постоялый двор, а возможность поесть домашней еды, принять горячую ванну и выспаться в условно мягкой постели скрасит любое путешествие.

В начале второй недели они вышли к перевалу. Погода обещала быть хорошей, так что они планировали преодолеть его за несколько дней, что не отменяло необходимости провести пару ночей под открытым небом в горах. Лаэрту подобного рода вероятность пугала не сильно – путешествуя с цирком, она часто ночевала с ними в поле, и самое неприятное, что в таких случалось, – небольшой дождь. На этот случай у них с Искреном имелась отличная влагостойкая палатка, ведь не напрасно ж каждый из них вёл по две запасные лошади с поклажей. Искрен же, напротив, мало представлял прелести ночёвки под открытым небом. Он часто путешествовал, но это были путешествия совсем иного толка, когда он по одному своему желанию мог оказаться сколь угодно далеко, так что ему не приходилось недели проводить в дороге, чтобы добраться из одной точки в другую. Да и что должно было произойти, чтоб маг, одной силой воли спо-

способный создать дом, постоянный двор, а то и небольшой городишко и имеющий возможность спокойно переместиться практически в любую точку мира, вдруг решил ночевать под открытым небом? Подобного рода обстоятельств на его веку ещё не случилось, и порой, недобро глядя на Лаэрту, он думал, что и не случилось бы впредь, не открой он в ту злополучную ночь ворота.

– То есть духа авантюризма в тебе нет совсем? – рассмеялась Лаэрта в ответ на долгие и пространные рассуждения Искрена на тему «Почему он ни разу в жизни не ночевал в палатке?».

– Я просто не представляю, что человек по своей доброй воле и в здравом уме полезет в горы или забредёт подальше в лес исключительно ради удовольствия поспать под открытым небом, – в свою очередь удивился Искрен.

– Возможно, ты прав, – не смогла не согласиться Лаэрта на это.

Утром они покинули последний постоянный двор на этой стороне перевала. За несколько утренних часов, пока солнце не обжигало голову, они успели преодолеть большую часть запланированного на сегодня пути.

– Остановимся на обед? – оглядевшись, спросила Лаэрта. – Дальше начнется подъем в гору, пусть лошади отдохнут.

С этим Искрен не стал спорить. Они обустроились на поляне рядом с дорогой: ожидать других путников, способных помешать их трапезе, не приходилось – дорогой не так ча-

сто пользовались. Неспешно съев прихваченный с постоялого двора обед и немного отдохнув, они отправились дальше.

– Сейчас подъем вверх метров на двести, за ним плато, на котором есть вода, лучше будет там и остановиться, чтобы потом не пришлось устраивать лагерь в темноте, – вновь взбираясь на коня, заметила Лаэрта.

– Ты здесь бывала? – удивился Искрен её знанию дороги.

– Нет, книжек много читала, – ухмыльнулась девушка, в который раз поражаясь обширности библиотеки Озара, в которой нашёлся и путеводитель по землям Русаков.

Так они и поступили. Довольно легко и неторопливо преодолев последний подъем, по прошествии всего нескольких часов после обеда они остановились на ночлег.

– Почему мы не наняли слуг? – запоздало посетовала Лаэрта, когда они два часа спустя наконец закончили ставить лагерь.

У Искрена не было никакого опыта в полевой жизни, лишь чистый, незапятнанный энтузиазм, а она, хоть и путешествовала с цирком больше двух месяцев, всё же большей частью лишь посильно помогала в их обустройстве на ночлег и, столкнувшись с необходимостью всё организовывать самой, поняла, насколько это не просто.

– Я как-то и не подумал об этом, – стыдливо ответил юный маг.

И Лаэрта вновь поняла, что виновата во всём только она: действительно, ему слуги никогда не были нужны, а вот ей

можно было и подумать об облегчении жизни. Но что поделать, и её избаловало обладание звездой, что хоть и не имела воли, а соответственно, желания, её, Лаэрты, желания исполняла ещё до того, как она сама их осознавала.

– Назовём это опытом, – вздохнула Лаэрта, ибо теперь-то уж что поделать? Придётся им как-нибудь самим.

Спать в горах в палатке без магии оказалось делом малоприятным: к утру так похолодало, что они проснулись от клецанья собственных зубов, а потому, едва начало светать, Искрен и Лаэрта начали собирать лагерь, чтоб хоть как-то согреться. Делали они это, конечно, в два раза дольше, чем планировали, потому что вещи, прекрасно помещавшиеся в поклажу накануне, за ночь словно размножились и увеличились в размере по крайней мере вдвое. Кое-как распахав всё своё имущество по дорожным сумкам, к полудню они всё же вновь тронулись в путь.

В этот день каждый подъем перемежался спуском, так что временами им приходилось сходить с лошадей и вести их под уздцы на особо крутых тропинках. Уже спустя пару часов такого пути они изрядно вымотались и, поднявшись на очередной перевал, встали на обед. Но вскоре начавшийся ливень, то и дело сменяемый градом, заставил их быстро собраться, дабы спуститься в следующую долину.

Едва Искрен и Лаэрта начали спуск, как вышло солнце: такова уж погода в горах, за час могут смениться все времена года. Однако открывшаяся перед ними долина стёрла из па-

мяти все невзгоды предыдущего пути: умытая прошедшим дождём зелень ярко переливалась на солнце, отчего природа казалась радостной, словно заигрывающей с ними. Человеческий глаз не в силах был полностью объять расстилающуюся красоту, но путешественники всё равно во все глаза смотрели на серо-зелёные склоны и сверкающую внизу долину. Долго наслаждаться видом им всё же не удалось – на их глазах поднялось облако и заволокло всё, что было дальше двух метров от них, словно норму роскошных видов они сегодня уже исчерпали.

К вечеру они спустились к кедровой роще и, вспомнив как много времени у них ушло на обустройство лагеря накануне, решили остановиться на ночлег пораньше. Как оказалось, поступили совершенно правильно: вскоре после их ужина снова начался дождь, так что они, совершенно вымотавшись за день, с радостью спрятались от дождя в палатке и с чистой совестью пораньше легли спать.

Шедшая всю ночь гроза ничуть не помешала им выспаться, хоть вспышки молнии и были такими яркими и частыми, что при желании можно было, не выходя из палатки, заштопать носок. Усталость и недосып прошлой ночи сделали своё дело, и Искрен и Лаэрта спали как младенцы, невзирая на непогоду.

Путешественникам оставалось сделать последний рывок, ибо за день они должны были наконец преодолеть перевал и начать спуск в долину Падер. Опыт – страшная сила, и в этот

раз Искрен и Лаэрта собрали лагерь вдвое быстрее, а когда, выйдя из роши на открытый участок, они позволили солнцу и ветру просушить их намокшие за ночь вещи, день и вовсе показался чудесным. И Лаэрта, несмотря даже на ноющие от постоянной смены погоды раны, не могла не оглядываться восхищенно по сторонам.

– Может, и стоило совершать такие прогулки раньше, виды просто потрясающие, – вторил её настроению Искрен, не забывая вертеть головой и стараясь вобрать в себя как можно больше окружающей их красоты.

– Скажем, что мы помолвлены, – неожиданно для него заметила Лаэрта.

– Что? – слегка заикнувшись, переспросил Искрен, поскольку был совершенно не готов к тому, что услышит подобное.

– Дай хоть один шанс моей репутации, – рассмеялась над его удивлением девушка. И пояснила: – Мы путешествуем вдвоем уже две недели и не являемся родственниками.

– А, в этом смысле, – наконец понял он. – Да, конечно, давай скажем, что мы помолвлены. Почему нет?

– Ну ладно, жених, – ухмыльнулась Лаэрта: её так давно никто не звал замуж, что она успела заскучать.

Искрен поёжился, но ничего не сказал. Женитьба не входила в его планы, и даже став лишь формальным женихом, он почувствовал себя некомфортно.

Вскоре в очередной раз поднявшийся туман заволок всё

кругом, и на последний перевал путешественники поднялись в молоке. Наверху вновь начался град, сменившийся снежной бурей, словно настоящая зима пришла в горы.

– Падер встречает нас! – прокричал сквозь ветер Искрен.

– Что? – не поняла Лаэрта.

– Падер – снегопад в переводе с одного из древних языков¹, – пояснил юноша, закрываясь от ветра.

Лаэрта лишь кивнула, клацая зубами, мог бы и внизу об этом сказать – она бы оделась потеплее.

Всё так же под снегопадом, который оказался местным приветствием, они спустились вниз к озеру. Начало темнеть, и хоть им и оставалось не так далеко до замка Русаков, они решили не рисковать, путешествуя в темноте, и остановились у озера на ночь. Здесь не было ветра, а снег, покрывший всё вокруг ровным белым одеялом, был совсем не глубок. Наскоро расчистив место под лагерь, они первым делом развели костёр и согрелись.

– На самом деле нам везёт, мы могли застрять в горах на несколько дней, будь снегопад сильнее.

Лаэрта, глядя на редкие уже снежинки, согласилась с Искреном. Небо прояснялось, а тонкий слой выпавшего уже снега растает завтра с первыми лучами солнца.

Ранним утром, с восходом, они обогнули озеро и вышли на утоптанную дорогу. Ещё пара часов пути – и от пройденной ими вчера зимы не осталось и следа. Перед ними рас-

¹ Здесь и далее перевод с коми-пермяцкого.

кинулась долина, окружённая со всех сторон горами, где белыми от снега, где радужно разноцветными от природных минералов в почве, а где изумрудно-зелёными от проросшего хвойного леса. В центре долины располагался довольно большой город – Падер – столица земель Русаков традиционно носила то же название, что и их земли. А сам замок Русаков был несколько в стороне от города. Туда путешественники и направились.

Это был довольно мрачный снаружи замок. Ни ухоженных газонов, ни посыпанных белым камнем дорожек, ни даже плюща, мягко ползущего по каменным стенам и скрывающего их мрачную сырость. С первого взгляда, брошенного на это место, возникало непреодолимое желание развернуться и уйти, с тем чтобы никогда сюда не возвращаться. Наибольшую неприязнь вызывали пустые, какие-то неуместно голые глазницы окон. Мало кто мог представить, что этот замок может быть обитаем. Но это действительно было так. Хозяева нисколько не обращали внимания на мрачность окружающей обстановки. У них было всё, что необходимо, а внешность слишком часто бывает обманчива.

Стоило лишь пересилить себя и перешагнуть порог замка, чтобы неожиданно оказаться в совершенно другом мире. В холле – первом помещении замка – был расстелен мягкий ковер неброских тонов зеленого цвета. Ярким пятном на стене выделялась столь искусно написанная картина, что казалось, что играющие на ней в чехарду дети вот-вот сойдут

с полотна и с весёлым гоготом умчатся вглубь замка. При переходе в следующую комнату из головы напрочь вылетала неказистая наружность замка. Большой зал с камином в человеческий рост был роскошным и в то же время неброским. Вещи столь органично вписывались в интерьер, что и помыслить было нельзя о необходимости перестановки или переделки.

За рассматриванием обстановки Искрен и Лаэрта не успели заскучать – довольно скоро к ним вышел сам хозяин замка, которому сообщили о появлении незваных гостей. Мороз Русак, под стать своему имени, был мужчина за 70 с копной густых, белых от седины волос.

– Рад приветствовать вас в своём доме, нечасто у нас бывают гости, – радушно встретил их он. – Вы, верно, желаете отдохнуть с дороги, путь был неблизкий, я полагаю.

Искрен и Лаэрта согласились и позволили проводить себя в отведенные им покои, где их ждала горячая ванна. И Искрен нашёл ещё один повод совершать столь безумные утомительные путешествия, помимо любования красивыми видами: возвращение к комфорту после нелёгкой походной жизни было сродни блаженству. Каждое столь привычное в обычной жизни действие, как то горячая ванна или сон на мягкой перине, воспринималось с совершенно новой стороны, принося маленькое, но такое осязаемое счастье.

Гостям отвели две смежные комнаты, которые выходили в небольшую гостиную между ними. И времени, что оставалось у них до ужина, было вполне достаточно, чтобы привести себя в порядок после нескольких дней в пути.

Теперь, когда волосы шикарной серебряной волной не стекали с головы Лаэргты, вводя в легкий транс даже самых неромантичных людей, она смогла себе позволить не носить головной убор, как делала это всё время, пока жила в Дэнэбе. Отсутствию длинных волос девушка порадоваться не могла, но этому радовалась, замысловато закрутив немного отросшие за время, проведённое у Стоумов, волосы в элегантную корзинку. Чему она не сильно порадовалась, так это необходимости надеть длинные, почти до плеч, перчатки, ибо объяснять радушным хозяевам, почему у неё изрезаны все руки, в планы девушки совершенно не входило. Зато на белом кружеве перчаток отлично смотрелся браслет, купленный ей Искреном.

Лаэргта невольно улыбнулась, вспомнив, как они отоварились в первом же крупном городе на их пути, и она, будучи истинной девушкой, просто не смогла пройти мимо ювелирной лавки. Едва увидев на витрине интересный плетёный браслет в виде змеи, она, не раздумывая, зашла внутрь, даже не сомневаясь, что Искрен последует за ней.

В помещении было ещё более душно, чем на улице. За прилавком сидел загорелый мужчина средних лет, среднего телосложения, и вообще весь какой-то средненезапоминающийся. При виде покупателей губы его растянулись в радостной улыбке, показавшей ряд золотых зубов.

– Я хочу это, – произнесла Лаэрта, указывая на браслет.

Мужчина легко вышел из-за прилавка и достал требуемое. Молниеносным движением он защёлкнул браслет на её руке, что-то при этом восторженно вещая. Девушка отошла к окну, предоставив право расплачиваться Искрену. Она покрутила рукой, ловя солнечные зайчики на искусно отлитую чешую, отчего показалось, что змея легко скользит вдоль её запястья. По крайней мере, понятно, чем её привлек этот браслет.

Из воспоминания её выдернул шум за спиной. Обернувшись, она увидела, что Искрен, вышедший из смежной комнаты, уже вполне готов к ужину в приличном обществе. Лаэрта покрутила перед ним рукой с браслетом.

– Я ж говорила, что он будет хорошо на мне смотреться.

– Да за такие деньги он на ком угодно бы смотрелся, – буркнул было юноша. Но, заметив её приподнятую бровь, тут же исправился: – Ты замечательно выглядишь.

– Надеюсь, достаточно замечательно для того, чтобы очаровать наших радушных хозяев настолько, что они согласятся отдать нам свою семейную реликвию без всех этих вопросов: «зачем», «почему она», «да кто вы такие» и «как вы сме-

ете»?

– Боюсь, что не настолько. Даже не представляю, как можно просить о таком, – с сомнением заметил Искрен.

– Для начала всё же надо посмотреть на их диадему, – уже выходя из комнаты, продолжила Лаэрта. – Возможно, мы ошиблись и звезда была только у вашей семьи.

Если Искрен и хотел что-то добавить к этому, то не успел, так как навстречу им шёл слуга, вызвавшийся проводить их в зал для ужина.

Когда они вошли в зал, Мороз Русак и его жена Горана уже были там, а с ними и их молодая дочь – Белавя. Горана была статной женщиной, которой едва исполнилось пятьдесят лет, но, несмотря на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте между ней и Морозом, при одном взгляде на них было понятно, что они созданы друг для друга. Едва взглянув на них, Лаэрта вдруг поняла, почему они не покидают Падер, – им было достаточно друг друга для счастья.

Горана была очень красива, она была одной из тех женщин, раз посмотрев на которых, невольно останавливаешь взгляд и, удивленно разглядывая, завистливо вздыхаешь, ибо такая естественная и подкупающая красота дана далеко не всем. Черноволосая, кареглазая, обескураживающе прекрасная, она при этом так тепло и приветливо улыбалась, что складывалось ощущение, что она ждала именно их долгие годы. Лаэрте показалось смутно знакомым её лицо, но, понимая, что нигде не могла с ней встретиться, она тут же от-

махнулась от этой мысли.

Когда гости подошли к хозяевам поближе, Мороз представил им свою жену:

– Прошу познакомиться с моей драгоценной супругой Гораной.

Они раскланялись друг другу, при этом каждый делал это настолько тепло и радостно, насколько мог, давая понять, что дальнейшее общение должно всем сторонам доставить лишь удовольствие.

А Мороз меж тем поспешил представить и свою дочь:

– И прошу любить и жаловать мою дражайшую дочь – Белаву.

– Очень рада знакомству. – Улыбнулась девушка, приседая в реверансе.

Глядя на миниатюрную черноволосую девушку, на милостивом, возможно, излишне бледном лице которой завораживающе ярко светились нежно-голубые доверчивые глаза, делавшие её похожей на молодого оленёнка, невозможно было не улыбнуться в ответ. Впрочем, гостей больше впечатлила даже не внешность девушки, а то, что на голове её была диадема, которая представляла собой широкий обруч, украшенный двумя нитями голубого жемчуга и одним рядом прозрачных драгоценных камней между ними.

– Я тоже невероятно рада нашему знакомству! – с неожиданной бурной реакцией воскликнула Лаэрта и крепко обняла Белаву.

Та, если и удивилась подобному излишне радостному приветствию от незнакомой девушки, виду не подала, не менее радостно приняв объятия. Повисла небольшая неловкая пауза, которую на правах хозяина нарушил Мороз:

– Прошу к столу.

За ужином они продолжили неспешную беседу. И Мороз первым делом поинтересовался:

– У нас редко бывают гости, что и неудивительно, добраться до Падера – почти авантюра. А потому позвольте спросить: какими судьбами вас занесло так далеко и как вы решились на столь непростое путешествие?

Искрен охотно ответил, глядя исключительно честными глазами:

– Мой отец просил узнать, не сочтёте ли вы возможным присутствовать на коронации Говена Ломыги?

– Сожалею, но это исключено, мы не намерены покидать замок, и тем более Падер, – быстро переглянувшись с женой, благодушно заметил Мороз на это. И счёл нужным объяснить: – Я, знаете ли, уже не в том возрасте, чтобы совершать такие длительные путешествия.

– К тому же мы не очень не любим все эти мероприятия, – поддержала его Горана.

– Но если вы передадите Говену наши искренние поздравления, мы будем весьма признательны, – миролюбиво добавил Мороз. – Помню, он был ещё нескладным подростком, когда они с отцом приезжали сюда во время передачи коро-

ны Урма, а сейчас, значит, ему уже 25. Как быстро растут чужие дети.

Глаза хозяина замка подёрнулись дымкой воспоминаний, и хоть он и утверждал, что ему не по душе разного рода мероприятий, принимать гостей у себя он, по-видимому, очень любил.

– Чудесное у вас украшение, – обратилась Лаэрта к Белаве, кивая на диадему.

– О, благодарю. Это наша семейная реликвия. – Зарумянилась от комплимента та. – А мне очень нравится ваш браслет, он словно живой!

– Спасибо, это Искрен так меня балует. – Небрежно махнула рукой Лаэрта, не обращая никакого внимания на едва не подавившегося от этих слов юношу.

– Неужели же вы предприняли столь длительное и, прямо скажем, непростое путешествие лишь для того, чтобы передать нам приглашение? – в свою очередь весьма оправданно удивилась Горана.

Гости переглянулись, и Искрен заметил:

– На самом деле мы просто любим путешествовать, а тут представился такой повод побывать у вас. К тому же путешествие доставило нам массу удовольствия, переходу через горы, как оказалось, сопутствуют ошеломляющей красоты виды.

– Мы такие, какими стали... – благодушно начал Мороз.

– По дорогам пройдя и далям, – закончила за него Лаэрта

всплывшее в памяти стихотворение.

– Вы знаете эту песнь?! – несказанно удивился хозяин замка.

– Да, конечно. – Улыбнулась девушка в ответ, копаясь в надежно упрятанных воспоминаниях о библиотеке Озара, и, найдя наконец нужную книгу, продолжила: – Мой отец был большим поклонником и привил мне любовь к стихам Выма.

– Ни за что не поверю, что современная молодежь знает Выма, – продолжал удивляться Мороз. – Вы же знаете, что он был моим прапрадедом?

– Нет, этого я не знала, – в свою очередь изумилась Лаэрта. – Что же касается вашего недоверия, могу вас заверить: я знаю много стихов Выма и очень уважаю его талант.

– Не поверю, пока не услышу! – радостно воскликнул он и предложил: – Раз так, не окажете мне честь продекламировать что-нибудь?

– Дорогой, – мягко вмешалась его супруга с улыбкой, – не стоит утруждать гостей.

– Да нет, что вы, я с удовольствием. – Расплылась в ответной улыбке девушка, благодушное настроение хозяев ей нравилось. – Более того, чтоб полностью развеять ваше недоверие, я прошу вас самого выбрать, что вы хотите услышать.

Русак задумался ненадолго, а затем, слегка прищурившись и едва скрывая усмешку, попросил:

– Что ж, раз вы позволяете мне выбрать, замечу, что меня безмерно осчастливит декламация «Оды конца».

Лаэрта улыбнулась и кивнула, давая ему понять, что прекрасно осознаёт причину его выбора – он остановился на одном из самых длинных и неоднозначных творений Выма. Мороз, как ей показалось, даже немного смутился от этого. Между тем девушке повезло – эта ода была в книге из библиотеки Озара, кою она волей своего неосторожного желания знала наизусть, так что, прикрыв глаза и воскресив в памяти страницу книги, она прочла:

Мы встречаемся и расходимся,
Забываем, влюбляемся, ссоримся...
В своём будущем так уверены,
Между тем разрастается дерево,
из которого будут впоследствии
доски спилены к нашим гробам.

Мы живём, печали не ведая.
Время вроде идёт так медленно...
Мы счастливы в своём неверии,
Что уж выросли те два дерева,
из которых потом сколочены
будут к нашей могиле мостки.

Мир раскрашен яркими красками.
Друг пред другом сверкаем масками...
Неизменно становимся преданны

Другу, мысли, идее... кем-то...
Но уже было спилено дерево,
что пойдёт на наши гробы.

Обещанья, что мир будет долгим,
Все забыты... Осталась молитва,
Да пожарища, да ристалища...
Всё растоптано злонамеренно.
Понапрасну срублено дерево:
Нас хоронят в холщовых мешках.

Всё семейство Русаков восторженно заплодировало, когда она закончила. А Мороз, смахнув слезу, растроганно проговорил:

– Просто мёд для моих ушей, вы не поверите, насколько я рад, даже не побоюсь этого слова, счастлив, что его дело не забыто! Вы так меня порадовали, что я готов исполнить любое ваше желание.

– Ну что вы, не стоит, мне приятно доставить вам удовольствие, – отмахнулась Лаэрта, игнорируя красноречивый взгляд Искрена. Что бы он ни думал, но чтение какого угодно стиха не перевесит ценность фамильной диадемы.

– Я настаиваю!

Лаэрта задумчиво обвела взглядом комнату и словно случайно остановила взгляд на Белаве.

– Если вы так настаиваете: я совершенно очарована этой

диадемой, и если бы вы позволили мне надеть её за завтрашним ужином, я была бы вполне счастлива.

– Это совершенно не сложно устроить, – вмешалась Горана. – Я уверена, Белава и так не откажет вам в такой маленькой просьбе, правда, родная? – обратилась она к дочери.

– Безусловно. – Расплылась в улыбке та в ответ.

– Оставлю желание за вами, подумайте как следует, – серьезно заметил Мороз и сменил тему: – А что нового на большой земле?

Остаток ужина они провели в приятной дружеской атмосфере. Хозяева, помня о том, что гости проделали долгий путь, не стали увлекать их длинными беседами и рано закончили ужин, с тем чтобы они как следует отдохнули.

Завтрак гостям подали в небольшую гостиную, что располагалась между их смежными комнатами. Искрен и Лаэрта, позавтракав в одиночестве, позже присоединились к Горане и Белаве, что пригласили их на небольшую экскурсию в Падер. Город был невелик, что и не удивительно: земли Русаков ограничивались лишь небольшой высокогорной долиной, в центре которой и стоял Падер. Однако казалось, что на каждую жилую постройку города приходится сразу по несколько мастерских и ювелирных лавок. Белава охотно рассказала гостям, что Падер издавна славится своими мастерами, которые с радостью передают свои знания всем, кто отважится приехать в эту почти затерянную в горах долину.

Они пообедали здесь же, в городе, не став возвращаться в замок, а после ещё немного покатались по долине, наслаждаясь видами гор. Незадолго до ужина все вернулись в замок, где гостям вновь дали немного времени на отдых перед ужином. Радужные хозяева, помня об обещании, прислали к ним в комнату диадему для Лаэрты. Едва дождавшись, пока за слугой закроется дверь, Лаэрта подскочила к диадеме.

– Вчера, обнимая Белаву, я почувствовала присутствие звезды, – пояснила она для Искрена.

Девушка аккуратно, камень за камнем, а затем и жемчужина за жемчужиной ощупала диадему, пока не наткнулась

на жемчужину, что откликнулась на прикосновение почти живым теплом. Подошедшему Искрену она показала на третью от застежки жемчужину.

– Что ж, мы не зря проделали этот путь, это определенно не просто жемчужина.

И они оба замолчали, так как их план не отличался продуманностью. Звезду они нашли, но что делать дальше? Выкрасть украшение и скрыться? После столь радушного приёма это было по меньшей мере некрасиво с их стороны.

– Возможно, мы сможем подменить звезду на обычную жемчужину? – перебирая в руках диадему, заметил Искрен: для него указанная Лаэртой жемчужина ничем не отличалась от десятка других.

– А это хорошая идея, – обрадовалась девушка, перспектива стать воровкой её совсем не прельщала.

– Только где нам взять жемчужину на замену? – поспешил развеять её радость Искрен.

Они вновь замолчали: следовало лучше продумать план действий, прежде чем отправляться в столь длительное путешествие.

Их молчание прервала вошедшая Белавя:

– Я вам не помешаю?

– Что ты, конечно, нет. – Улыбнулась ей Лаэрта. – Мы как раз любовались твоей диадемой, необыкновенной красоты вещь, – забирая украшение из рук застывшего Искрена и кладя его в коробочку, добавила она.

Искрен, что после её слов несколько пришёл в себя, также улыбнувшись вошедшей девушке, отошёл к столу, давая девушкам поговорить.

– Я, собственно, потому и пришла, – удивила их Белава, доставая небольшую коробочку. – Диадема – наша фамильная ценность, и её я предложить не могу, но эти серьги сделали по моему заказу специально к диадеме, и раз она тебе так понравилась, возможно, ты согласишься их принять в подарок. Пусть напоминают тебе обо мне и Падере.

И Белава протянула ей открытую коробочку, в которой лежала пара голубоватых жемчужных серёжек под стать диадеме. Лаэрта на время потеряла дар речи, но, придя в себя, искренне улыбнулась.

– Для меня это будет большой честью, но и ты тогда не откажись принять от меня в подарок этот браслет, – и она сняла с руки золотой браслет-змею, не зря всё-таки выпросила его у Искрена. – И я не приму отказа.

– Хорошо, спасибо, каждый раз, глядя на него, я буду вспоминать о тебе, – несколько смущенно, но радостно заметила Белава.

– Я хотела бы немного прогуляться перед ужином, может, покажешь мне сад? – попросила Лаэрта.

– Конечно, если хочешь, могу показать тебе свой розарий, – тут же вставая, заметила Белава.

– О, у меня есть одна знакомая, раз побывав в саду которой, я окончательно и бесповоротно влюбилась в эти цветы,

так что я с удовольствием пройду с тобой. – Взяв девушку под руку, Лаэрта увела её из комнаты, оставив Искрена наедине с украшениями.

Едва затихли их голоса в коридоре, юноша подскочил и посмотрел на серьги. Что ж, они действительно были сделаны под диадему, и жемчужины были того же цвета и размера. Оставалось надеяться, что он правильно запомнил, какая из жемчужин является звездой, и что он не испортит оба украшения к бешеным единорогам.

Лаэрта выгуливала Белаву до самого ужина, чтобы дать Искрену достаточно времени для замены камня.

– Ну как? – вернувшись, первым делом поинтересовалась она.

Искрен молча протянул ей оба украшения, и Лаэрта, проведя рукой, убедилась, что звезда теперь в серьгах, подаренных ей Белавой.

– Надеюсь, они не будут их пристально рассматривать, мне кажется, я поцарапал несколько жемчужин.

Лаэрта повертела украшение, орехов видно не было.

– Да ты просто мастер, – похвалила его девушка и без перехода добавила: – Надо забрать с собой Белаву, когда поедем обратно.

– Что?!

– Она скучает здесь, это её родители не любят покидать дом, а ей-то за что страдать?

– Мы не можем взять её с собой, – удивился самой воз-

возможности такой мысли Искрен и попробовал переубедить Лаэрту: – У тебя вообще-то предназначение есть, ты собираешься Белаву повсюду возить за собой, пока ищешь недостающие звёзды?

Девушка на секунду закусила губу, об этом она как-то не подумала, но, едва вспомнив доверчивые и такие жалобные глаза дочери хозяина, упрямо заметила:

– Мы можем оставить её у Озара до коронации, там Рада составит ей компанию, а она увидит хоть кого-то, помимо своих родителей и случайных редких гостей.

– Это Белаву попросила тебя взять её с собой? – подозрительно сощурив глаза, уточнил Искрен. Он уже достаточно хорошо узнал девушку, чтоб понять, что, когда той что-то взбредает в голову, остановить её почти невозможно.

Лаэрта отвела глаза, сделав вид, что устыдилась, никто её ни о чём не просил, но, представив себя на месте Белавы, она решила во что бы то ни стало свозить ту хотя бы на коронацию. Уже достаточно хорошо зная девушку, чтобы при одном взгляде на неё, о чём она думает, а это было не так сложно, потому что все мысли Лаэрты отражались на её лице, Искрен вздохнул, но предпринял ещё одну попытку.

– Ты не можешь взять её с собой на коронацию, в конце концов, Русаки не просто так не покидают свои земли.

– Что значит не просто так? – Навострила уши девушка. Тон, которым он это сказал, наводил на мысль о какой-то тайне. А тайны она, как любая девушка, страсть как люби-

ла. – Ну же, если начал, рассказывай! Что за страшная тайна скрывается за их затворничеством?

– Да никакая это не тайна, – вновь вздохнул Искрен, но уже понял, что Лаэрта не отстанет от него. Сам виноват – как будто не знал, с кем связался.

Так что ему пришлось рассказать о событиях двадцатилетней давности, что тайной не являлись, но говорить о которых было не принято. Как не принято было в приличном обществе обсуждать финансы, так и об этой истории среди семей-правителей не вспоминали. Старшее поколение было прекрасно осведомлено об этой истории, ибо большинство из них принимали в ней активное участие. Но по молчаливому уговору тема эта не поднималась, так что почти все, кто был младше тридцати, не знали ничего об истории Русаков из Падера и Хортов из Изкара.

Горана Русак, будучи молодой девушкой, не жила в Падере и даже помыслить не могла, что окажется там. Горана родилась в Изкаре и была дочерью Хортов. Когда предыдущий виток престолонаследия дошёл до их семьи, ей было всего пятнадцать лет. Но её отец и мать были уже в достаточно преклонном возрасте, поскольку судьба подарила им наследницу лишь на склоне лет. Так что, недолго думая, они выдали свою дочь за Далебора, прославленного участника турниров, имевшего, ко всему прочему, красивое мужественное лицо. А что ещё нужно молодой девушке? Горана ничуть не противилась этому браку и была счастлива выйти замуж за

такого завидного жениха.

Далебор, став Хортом, после женитьбы на единственной наследнице был вскоре коронован, и остаток их семилетнего срока правления они с Гораной благополучно правили вместе, будучи при этом счастливы друг с другом и довольны своей судьбой. По окончании правления они передали корону Тарпанам и зажили ещё более счастливой жизнью. Ведь вскоре после передачи короны и почти после десяти лет брака судьба наконец подарила им сына – Радима.

Горана Хорт любила свой дом, любила свою родину – Изкар, любила своего мужа, и ещё больше любила своего сына, и помыслить не могла, что ей придётся в одночасье оставить всё это. Но всё изменилось, когда они, как полагает традиция, поехали в Падер на очередную передачу короны от Тарпанов к Русакам. Её судьба перевернулась в одно мгновение, стоило им с Морозом встретиться взглядом. Она была его Звездой, а он был её судьбой. Они могли не узнать об этом никогда, если бы судьба не свела их, но они встретились и уже не могли быть порознь.

Они встретились, и всё изменилось. Это была основа мироздания. Встреча Звезды своей жизни. Вечная любовь, которая возникает между двумя людьми при первой же встрече, первом взгляде. Никто не мог противостоять ей, неважно, кто ты: король, аристократ или простолюдин. Ибо всякий, кто встает на пути такой любви, обрекает себя и своих потомков на страшное проклятье – он навсегда лишается

права на Любовь, на взаимную любовь. Поэтому никто даже не пытается. Как не пытался и Далебор, что в одночасье лишился жены. Ведь это было сильнее всего в мире, даже сильнее любви матери к ребёнку.

Горана разрывалась на части: она не представляла, как расстаться с сыном, которого отчаянно любила, но знала, что это неизбежно. Она не могла покинуть Мороза и Падер и не могла оставить Изкар без наследника. Так что она осталась в Падере. А Далебор с сыном вернулись в Изкар. Спустя время их отношения наладились, и Радим, став немного старше, часто и надолго приезжал в Падер: погостить у матери, побаловать сестру – Белаву, что вскоре родилась. Но Русаки с тех пор не покидали своих земель и не посещали передачу короны или коронации, чтоб не смущать никого, кто знал их историю.

По мере того как Искрен рассказывал, Лаэрта сначала возмутилась тем, что у Гораны не было выбора – ей пришлось оставить сына, а это мало походило на счастливый конец. И она даже немного злорадно подумала, что этому миру совсем не помешает та нелюбовь, что она принесла в мир, отказав Радиму. Но потом она осознала, что Горане этот выбор не был нужен. Она видела её и Мороза вместе, и что-то такое было в воздухе вокруг них, что не позволяло ни на секунду усомниться в том, что они счастливы друг с другом. Более того, даже ей было приятно находиться рядом с ними. Всё вокруг них было пропитано любовью, что распространялась

на всех, кто оказывался рядом, даря покой, счастье и умиротворение. И Лаэрта поняла, что Русаки не покидают Падервовсе не потому, что не хотят кого-то там смущать, а потому что им достаточно того, что у них есть. Ведь у них было всё.

И Лаэрта наконец сообразила, почему Горана показалась ей смутно знакомой. Теперь, зная, что она мать Радима, она видела, насколько он похож на неё. И становилось понятно, откуда в Радиме такая безоговорочная вера в любовь. Его мать была ему примером, и, глядя на неё и Мороза Русака, выступающих вещественными доказательствами того, что Любовь существует, что Звезда существует, никто уже не мог бы усомниться, что это было единственным, что стоит искать, единственным, ради чего стоило жить.

– Поверить не могу, что ты хотел это скрыть от меня, – вздохнула Лаэрта.

– Да не собирался я ничего скрывать, – отмахнулся Искрен, что был удивлён тем, насколько задумчивой стала девушка после его рассказа.

А Лаэрта всё думала о Радиме и, кажется, теперь больше его понимала. И уж ей ли не понять Искрена? Она тоже ничего не скрывала от него, но о многом просто умалчивала. Даже об их истории с Радимом она Стоумам не рассказывала. Да они и не спрашивали, знания о том, что она принесла в мир нелюбовь, им было достаточно. А кто при этом пострадал, не имело большого значения.

За ужином, ни на секунду не подумав послушать Искрена,

Лаэрта, ничуть не стесняясь, заметила:

– Насколько я помню, вы обещали мне желание вчера.

– Да, конечно, рад буду исполнить его, – не пошёл на пятую Мороз.

– Так вот, я хочу, чтобы вы отпустили Белаву на коронацию Говена Ломыги.

– Что?! – одновременно удивились Белава и Мороз.

А Искрен, лишь вздохнув, закатил глаза.

– Если Белава не против, – добавила Лаэрта, подмигнув последней, что заставило её в смущении опустить глаза.

– Мы не запираем нашу дочь, но не можем мы отпустить девушку её возраста без сопровождения, – пришёл в себя Мороз.

– Отправьте её с нами, – всё так же обезоруживающе улыбаясь, ответила Лаэрта. – До коронации она могла бы пожить в замке моего отца Озара, уверена, моя сестра Рада будет несказанно счастлива познакомиться с ней.

Горана с Морозом обменялись долгим взглядом, и этого, похоже, им было вполне достаточно, чтоб понять друг друга, потому что Мороз обернулся к дочери и спросил:

– Что скажешь, дочка? Мы будем скучать по тебе, но как-нибудь переживём эти несколько месяцев. Ты хочешь поехать на коронацию?

– Очень-очень хочу, – захлопав своим глазами оленёнка, ответила та.

Так и решили. Сборы Белавы отсрочили их отъезд на

несколько дней, но вскоре они покинули Падер и, на этот раз путешествуя со слугами, гораздо легче и веселее преодолели перевал. Искрен с Лаэрттой решили разделить после перевала, так как возвращаться в замок Озара она сама по-прежнему не решилась. Поэтому Искрен отвёз Белаву к Озару, а Лаэрта напрямиком отправилась к Стоумам.

– Нам нужны точные копии всех драгоценностей, раздаренных Чародеем, и надёжный ювелир, – с порога заявила Лаэрта, едва добравшись до Стоумов.

– Что? – не понял Всеумдр.

– А где Искрен? – испугался Вид одновременно с ним.

Девушка закатила глаза: маги без магии такие скучные, но, вздохнув, всё же объяснила им, что Искрен скоро появится, а также рассказала о том, как им удалось заполучить вторую звезду.

Последующие несколько месяцев все, кто хоть как-то относился к правящим семьям, были заняты предстоящей коронацией. Все семьи собирались раз в семь лет для передачи короны, но это было лишь формальным действием. По большей части все были просто рады поводу для праздника и возможности совершить путешествие по стране, на которое обычно не хватало времени. Однако последняя передача власти от семейства Урма к Годимиру Ломыге была целых пять лет назад, и все успели соскучиться по светским мероприятиям. Поэтому все причастные с восторгом ухватились за возможность собраться, пообщаться, пощеголять друг перед другом новыми нарядами и посмотреть, в чём будут щеголять остальные.

Стоумы и Лаэрта тоже не остались в стороне. И пока Лаэрта занималась обновлением своего гардероба, сводя с ума портных своими требованиями, ибо ей хотелось, чтоб платья были красивы и ошеломляющи и одновременно скрывали все её шрамы. Сделать это было непросто, но основательно опустошённый кошелёк Стоумов здорово помог делу. Сами же Стоумы время до коронации посвятили поиску точных описаний украшений древности. Всеумдр подумал, и они решили не делать точные копии всех украшений, что без магии было достаточно трудоёмко, а лишь подобрали различ-

ные камни, чтоб при необходимости можно было заменить практически любой камень из каждой драгоценности.

За это время Лаэрта почувствовала себя в безопасности, не настолько, конечно, чтоб в одиночестве отправиться в путешествие до Дэнэба, но достаточно для того, чтоб осмелиться передать своим друзьям весть о себе. После недолгих размышлений она сообщила, что жива и вполне здорова и что раньше, чем пройдёт коронация, возвращаться не планирует. А также напомнила, что беспокоиться или переживать за неё не имеет никакого смысла.

Лаэрта понимала, что в связи с предстоящими мероприятиями и коронацией не сможет избежать встречи с Говеном, но малодушно откладывала этот момент. О том же, что на коронацию непременно придут и Хорты, девушка и вовсе предпочитала не думать, потому что встречаться с Радимом, которого она заставила себя забыть, хотелось ещё меньше, чем с Говеном, со свадьбы с которым она сбежала. Если с последним девушка ещё могла как-то разобраться, то что делать с любовью Радима, которая непременно появится вновь, стоит им встретиться, она совершенно не представляла.

Точная дата коронации пока не была объявлена, так что гости понемногу начинали прибывать заблаговременно. Как это было принято, до коронации они размещались в близлежащих имениях, с тем чтобы, как только будет объявлена дата церемонии, успеть прибыть в замок семейства Ломыги без опоздания. Это отнюдь не означало, что приехав-

шие праздно скучали в ожидании объявления даты церемонии. Как только прибывали первые гости, повсюду начинали давать балы, а любой мало-мальски уважающий себя город считал своей святой обязанностью организовать карнавал или хотя бы ярмарку. Именно поэтому скучать времени не было, напротив, иногда приходилось отклонять часть приглашений, ибо часов в сутках не хватало, чтобы посетить все мероприятия.

Первыми прибыли Полева и Лана Тарпан. Они приехали заранее, потому что их земли – Мушер – находились едва ли не дальше всех от Суквера, и чтобы не полагаться на дорожные неожиданности, способные задержать их, они предпочли приехать раньше. Дальше Мушера был только Падер, но Мороз и Горана Русаки и не планировал посещать коронацию или какое-либо другое мероприятие, а Белавя, приехавшая парой месяцев ранее, жила в замке Озара, который располагался едва ли не ближе всех к владениям Годимира Ломыги. Замок Стоумов был тоже достаточно далеко от Суквера, что и неудивительно, маги, дабы им не докучали понапрасну, специально выбрали для своего дома труднодоступное и удалённое место. Так что Искрен и Лаэрта за несколько недель до коронации покинули его дом и переселились поближе к месту предстоящей коронации.

Формально они остановились в замке Озара, что несколько усложнялось тем, что младшая дочь Озара – Рада – продолжала ненавидеть Лаэрту. Озар, обрадованный возвраще-

нием в его жизнь старшей дочери, конечно, строго-настрого запретил Раде как бы то ни было проявлять свою нелюбовь к сестре, и хоть его слово кое-что и значило для его младшей дочери, Лаэрта предпочитала не рисковать, и они с Искреном старались появляться в замке как можно реже. Что, учитывая количество различных мероприятий в округе, было сделать совсем не сложно.

Искрен с Лаэртой не пропускали ни единого шанса встречи и общения с другими семьями, всячески втираясь в доверие, поэтому довольно скоро они познакомились с Полевой и Ланой Тарпан. Полева старшая из семейства Тарпан, чьи волосы вследствие довольно преклонного уже возраста отливали серебром, в котором всё же нет-нет да проступали бледно-рыжие пряди, была высокой женщиной с несколько вытянутым, но всё ещё красивым лицом. Двадцать пять лет назад, стоило её семье принять корону, случилось несчастье, и её муж – на тот момент действующий король – и сын с невесткой погибли, так что ей пришлось взять власть в свои руки, даже не имея времени оплакать свою семью. Это наложило свой отпечаток на Полеву – она и сейчас осталась властной, не терпящей возражений, ни от кого, за исключением разве что своей внучки – Ланы, на которую обрушилась вся любовь и внимание, но вместе с тем и весь контроль Полевы.

Лана Тарпан в свою очередь была совсем ещё юной девушкой, чьи волосы в зависимости от освещения были то блед-

но-рыжими, то золотисто-русыми и на открытом, усыпанном весёлыми веснушками лице которой озорными изумрудами сияли ярко-зелёные глаза.

Ходили слухи, что Полева была твёрдо намерена вернуться с коронации с зятем, ибо уже через десять лет виток престолонаследия вновь дойдёт до их семьи, а она помнила, насколько непросто и нелегко было ей, оставшись без мужа, 25 лет назад самой взять на себя бремя власти. И для своей любимой внучки подобной участи она не желала. Именно поэтому они умудрялись побывать на каждом хоть мало-мальски значимом мероприятии и балу, коих в преддверии коронации и по случаю сбора всех семей было предостаточно.

Брошь, некогда подаренную Чародеем прабабке Ланы, Искрен и Лаэрта видели лишь однажды, поэтому, когда на балу, что давал Озар в своём замке в честь гостившей у него Белавы Русак, Лана появилась в удивительно шедшем ей изумрудном платье с приколотой к груди брошью, переливающейся всеми цветами радуги, Лаэрта твёрдо вознамерилась не отступать от неё ни на шаг, пока не удастся подменить звезду в броши Тарпанов на обычный камень. Делать это приходилось крайне аккуратно, ибо она не менее старательно избегала встречи с Радой, которая, помимо того что продолжала ненавидеть Лаэрту, служила той живым напоминанием об ошибке, совершённой благодаря неаккуратно загаданному желанию, которую она исправить была не силах.

Поэтому, едва завидев вошедшую в зал Раду, Лаэрта, что

до этого непринужденно беседовала с Ланой о предстоящей коронации, поспешила предложить ей:

– Ты уже видела, какой потрясающий вид открывается с балкона восточной стороны замка?

Получив от Ланы отрицательный ответ, Лаэрта предложила ей немедленно его оценить, и, так и не замеченные Радой, они покинули зал.

– Ты была права, здесь великолепно! – восторженно воскликнула Лана, когда они пришли.

Лаэрта не зря выбрала именно этот балкон: с трёх сторон он был увит плющом, что создавало приятную, домашнему уютную атмосферу, а с четвертой открывалась полная воздуха панорама близлежащих гор. У стены также имелась небольшая каменная скамья, сев на которую, можно было в должной мере насладиться великолепным видом на горы. Чем девушки и занялись. Было ещё светло, но прохладный воздух с гор уже выдавал скорое приближение сумерек. Несколько помявшись, Лана всё же спросила:

– Можно задать вопрос?

– Да, конечно, – отрываясь от созерцания гор, обернулась к ней Лаэрта, несколько удивлённая её скованностью.

– Ты и Искрен... – Лана вновь замялась и замолчала, так и не сумев подобрать слов. Девушка опустила взгляд в пол и начала медленно заливаться краской.

Лаэрта, заметив это, с подозрением переспросила:

– Я и Искрен – что?

Но Лана, так и не решившись продолжить, спрятала лицо в руках.

– Он тебе нравится! – доверившись интуиции, догадалась Лаэрта, обрадовавшись, словно ребёнок, нашедший спрятанную родителями сладость.

– Прости! – ещё больше раскрасневшись, хоть это казалось уже невозможным, выпалила Лана. – Я ни на что не претендую, если он твой жених, просто забудь об этом. Но я пожалела бы потом, если б не спросила.

– Он мой жених, – задумчиво проговорила Лаэрта. Но, увидев, как вмиг опечалилась девушка, поспешила добавить: – Но это по большому счёту ничего не значит.

Видя совершенно растерявшуюся Лану, Лаэрта вздохнула: это совсем не вписывалось в их план, но, втираясь в доверие к людям и набиваясь к ним в друзья, неожиданно и сама приобретаешь друзей, поэтому расстраивать девушку ей совсем не понравилось. Лаэрта обняла Лану и осторожно заметила:

– Пообещай, что то, что я сейчас скажу, останется только между нами, – и лишь дождавшись несмелого кивка, она продолжила: – Мы помолвлены с Искреном, но это простая формальность. По сути, никто из нас не планирует закончить эту помолвку свадьбой. Это немного сложнее, чем кажется, – в конце концов усмехнулась Лаэрта, потому что к этому моменту ей как раз удалось снять с платья Ланы брошь, и та, будучи занята своими переживаниями, не заметила этого.

– Правда? – с вновь вспыхнувшей надеждой переспросила Лана.

– Правда, поверь: я последняя, кто станет возражать, если Искрен пожелает жениться не на мне.

Лана потупила глаза, но, преодолевая смущение, выдавила:

– Ни о какой женитьбе речи не идёт, мы едва перемолвились с ним парой слов.

– У меня есть отличная идея! – вскакивая, заметила Лаэрта на это. – Жди здесь! Я приведу Искрена, и вы пообщаетесь.

– Нет! – невольно вырвалось у Ланы.

– Да! – не желая слушать отказ, передразнила её Лаэрта. – Ты же сама сказала, что пожалела бы, если б не спросила. И ты уж тем более будешь жалеть, если откажешься от такой возможности. Просто пообщайся с ним, и, возможно, ты узнаешь, что он ест помидоры с сахаром, и вся симпатия вмиг испарится, – закончила она с улыбкой и ушла, дождавшись неуверенного кивка согласия.

Лаэрта очень быстро оббежала замок, надеясь, что Лана будет достаточно занята переживаниями, чтоб не заметить исчезновение броши. На своё счастье Искрена она нашла довольно быстро. И по пути объяснив, что ему придётся как-то отвлечь Лану на время, пока она будет доставать звезду из броши, поспешила на поиски ювелира. Лаэрта совсем не завидовала Искрену, она и сама не любила фальшиво улы-

баться и заискивать перед другими, но и особых мук совести за то, что заставляет его этим заниматься, тоже не испытывала. В конце концов, «мы в ответе за тех, кого спасли», так что, раз взявшись помогать ей, Стоумы были обречены, а ему, как самому молодому, доставалось больше других.

Пока юный маг пытался найти тему для разговора, достаточно интересную, чтоб растянуть его минимум на пятнадцать минут, Лаэрта быстро нашла подобранного Стоумами ювелира. Этого седого уже старика они повсюду возили с собой в надежде не упустить ни единого шанса на получение звёзд, чему он, безусловно, не был очень уж рад. Не в его возрасте было день за днём посещать светские мероприятия, но, выполнив работу, что поручили ему Стоумы, он мог бы позволить спокойно и безбедно доживать свой век, на пенсии пожиная плоды своего труда. А потому он ни разу не высказал недовольства и теперь поспешно пошёл вслед за девушкой. И так же безропотно и быстро заменил огненный опал, на который указала Лаэрта, на точно такой же, а затем вернул брошь девушке.

Ювелир хорошо знал своё дело, другого бы и не привлекли к участию, а потому Лаэрта, взяв брошь, уже через пятнадцать минут вновь спешила к оставленной на балконе парочке. Вернувшись к балкону, она на несколько секунд остановилась, чтоб перевести дыхание, и увидела, что Искрен и Лана ничуть не скучают, напротив, за увлечённой беседой они даже не заметили её возвращения. В стороне девушка

оставаться не умела никогда, а потому, ничуть не смущаясь, прошла на балкон и прервала их беседу.

– Вы всё ещё здесь? – сделала вид, что удивилась она. – Пойдемте вниз, скоро будет салют.

Она кивнула на алеющие от заходящего солнца вершины гор – верный признак скорого наступления темноты. Искрен и Лана согласились и пошли к выходу, а Лаэрта, подождав, пока они отойдут на пару шагов, наклонилась, всем своим видом показывая, что что-то подобрала с пола, задумчиво спросила:

– Лана, это же твоё?

Лана, увидев в руках Лаэрты свою брошь, запоздало испугалась, ведь потеря фамильной драгоценности не столько бы опечалила саму Лану, сколько разгневала бы её бабушку, которая неоднократно повторяла ей, что не стоит так часто её надевать. Совместными усилиями «формально обручённая пара» спустя каких-то десять минут смогла успокоить девушку. Когда Лана позволила Искрену вновь прицепить фамильную драгоценность к платью и они дружной компанией отправились на улицу, сумерки уже опустились на горы.

Салют, как и подобает в таких случаях, был великолепен, а после него гости разрозненными компаниями разбрелись по замку и саду. Лаэрта даже не заметила, как Искрен с Ланой неожиданно пропали из поля её зрения, но в глубине души порадовалась. В конце концов, не вечно же бедному юному магу нянчиться с ней, надо и для собственного удо-

вольствия успеть пожить. К тому же Лаэрта, устав за вечер, и сама не хотела никого видеть, а потому так же незаметно скрылась в глубине сада.

Странно было снова ходить по этим аллеям: она была здесь впервые, но помнила каждое дерево, каждый куст и скамейку, а потому она безошибочно прошла по едва заметной тропинке в лес, пока не оказалась на небольшой поляне. Мерцана любила это место, в котором она могла недолго побыть одна. Нет, её ничуть не тяготила забота о сестре, что бы ни думал их отец, но иногда посвятить несколько часов только себе было приятно. Лаэрта, повинувшись внезапному порыву, легла посреди поляны и устремила взгляд в небо, где уже раскинулись острыми иголками миллиарды звёзд. Она помнила, что Мерцана любила так лежать и смотреть на небо, и ей казалось, что от неё чего-то ждут. Сама Лаэрта уже давно не смотрела на небо: теперь она точно знала, что именно от неё ждут, и от этого под колючим взглядом звёзд становилось неуютно. Но сейчас она вновь заставила себя это сделать, и после нескольких неприятных минут ощущение, что её осуждают, прошло, и она вновь почувствовала себя в центре мира. Мир смотрел на неё не зло и не осуждающе – мир смотрел на неё с ожиданием и надеждой. Мир верил в неё, и от этого становилось легче.

И с удивлением для себя она констатировала, что им с Искренем удалось добыть уже три звезды из семи возможных, а это была ровно половина из тех, чье местоположение было

им известно. После того как они нашли звезду в диадеме Русаков, сомнений в том, что звёзды спрятаны в украшениях правящих семей, у них не осталось, а со звездой Тарпанов это стало доказанным фактом. И это ещё до начала коронации и абсолютно без магии. Было чем гордиться.

Точная дата и время коронации наконец были назначены, и гости, размещавшиеся временно в окрестных замках, начали съезжаться в главную резиденцию Ломыг. Даже жена Годимира и мать Говена прибыла к этому времени в Суквер из своей резиденции в Ваберде. Ей совершенно не подходил сухой климат Суквера, и большую часть времени она проводила в прибрежном Ваберде. И это была ещё одна причина, по которой Годимир торопился с коронацией: передав власть сыну, он сможет наконец сам покинуть Суквер и присоединиться к своей жене.

Так и обитатели замка Озара покинули его и направились в Суквер. Сам Озар со своей младшей дочерью сопровождал свою высокую гостью Белаву Русак, что к этому времени довольно близко сдружилась с Радой, так что от путешествия получала лишь удовольствие. Искрен же с Лаэртой, решив не утруждать их своим присутствием, отправились в путь на день позже, поскольку Лаэрта всё так же усиленно и небезуспешно избегала встреч с Радой. Замок Озара был одним из самых близких к резиденции Ломыг, и неспешное путешествие между ними занимало лишь день пути. Все остальные разместились несколько дальше, так что опоздать к началу коронации Искрен и Лаэрта не боялись.

Как вновь не преминул сообщить Искрен, Суквер – земли

действующего короля – в переводе с того же древнего языка означали «дремучий лес», что более чем соответствовало действительности, ведь большая часть их земель была покрыта густыми, местами непроходимыми лесами. Впрочем, их путь пролегал по хорошо утопанному и широкому тракту, так что в непроходимость земель Ломыг приходилось верить на слово.

В дороге их нагнали дамы семейства Тарпан, что не было такой уж неожиданностью, они обговорили такую возможность ещё накануне, на балу в замке Озара. Тарпаны же сообщили, что Хорты на коронацию не приедут. Точных причин узнать не удалось, говорилось лишь, что сыну Далебора Хорта нездоровится. Лаэрта, хоть и обрадовалась тому, что ей не придётся встречаться с Радимом, не могла не беспокоиться: она переживала о том, как бы болезнь Принца не была связана с её желанием стереть ему память. Дав себе зарок непременно узнать, что именно с ним произошло, девушка переключилась на более насущные дела: через несколько часов ей придётся встретиться с Говеном, его отцом и сестрой.

Как бы то ни было, приехали на место назначения они уже после заката. Хозяева замка лично их не встречали, поскольку все уже собрались на ужин, к которому им было предложено присоединиться, как только они обустроятся в отведённых им комнатах. Оказалось, что Лаэрту поселили в одной комнате с Белавой и Радой, что было неудивительно – на коронацию она прибыла как Мерцана, дочь Озара и сест-

ра Рады, а принять такое количество гостей, обеспечив каждому отдельную комнату, не мог ни один замок. Благо хоть Искрену, как единственному представителю Стоумов на коронации, выделили отдельную комнату, так что они смогли поселить у него ювелира. Надеюсь, что присутствие Белавы поможет им с Радой не убить друг друга, Лаэрта отправилась в отведённые им покои. На её счастье никого из девушек не было, они, как и хозяйева замка, уже были на ужине. Что ж, учитывая, что замок Годимира Ломыги во многом превосходил замок Озара, можно было надеяться, что сёстры смогут вполне успешно избегать друг друга и здесь.

Освежившись и приодевшись, Лаэрта, как бы ей ни хотелось этого не делать, спустилась в общий зал. Коронация должна была состояться через два дня, а за это время им нужно было найти кулон семейства Урма и браслет Миловеи Вепрь, что сейчас находился у хозяев замка. Их следовало не только найти, но и попытаться добыть звёзды из украшений, а для этого, как показала практика, нужно было как минимум подружиться с их обладателями.

Искрен, обладая природной харизмой, лёгким нравом, добротой и высоким положением, легко располагал к себе людей. А Лаэрта, что и без своих роскошных волос оставалась очень красивой, когда хотела, умела нравиться людям и легко заводила друзей. Единственное, чего им недоставало, – времени, потому что никто, даже Стоумы, не знал, сколько ещё продержится равновесие мира, магия в котором уже пе-

рестала действовать. А потому они не упускали ни единого шанса, и когда, спустившись к ужину, обнаружили, что часть гостей ещё за столом, а другая покинула зал и прогуливалась в саду, разделились. Лаэрта, как только увидела, что ни Рады с Белавой, ни Говена с Людмилой там нет, осталась в столовой, а Искрен отправился в сад в надежде найти Говена или Годимира, дабы узнать у них, по возможности невзначай, где сейчас находится браслет.

– А где Искрен? – ещё не успевшую как следует оглядеться девушку спросила вошедшая вслед за ней в зал Лана Тарпан.

– В саду вроде как, – задорно улыбнувшись, ответила Лаэрта, отчего Лана покраснела. – Ты знаешь, кто это?

Лаэрта кивнула на молодого человека, помогающего девушке встать из-за стола.

– Это Лесьяр и Руда. Познакомить вас? – с готовностью сменила тему Лана.

– Конечно, я буду очень благодарна.

Уже издалека она увидела, что на девушке нет ничего похоже на кулон, но завести знакомство всё же стоило.

Руда Урма, что вполне соответствовало её имени, обладала копной густых ярко-рыжих волос, что пылали словно лесной пожар. На её бронзовом загорелом лице яркими искрами сверкали светло-коричневые, почти золотые глаза и алые губы. Она вся была подвижная, жизнерадостная и энергичная, как пламя костра. Её брат – Лесьяр, – напротив, был спокоен,

уравновешен, даже несколько нетороплив. В его тёмно-каштановых волосах лишь при ярком свете солнца можно было увидеть намёк на тот же костёр, что бушевал в волосах его сестры, а тёмные, почти чёрные глаза не выдавали ничего из того, что он хотел скрыть.

Лана, подойдя к брату и сестре Урма, представила свою подругу:

– Лесьяр, Руда, позвольте вас представить. Это Лаэрта.

– Рада познакомиться, – первой откликнулась Руда, приседая в реверансе.

– Это честь для меня, – приседая в ответном реверансе, ответила девушка и, переведя взгляд на Лесьяра, замолчала.

Лесьяр стоял, несколько напряженно и излишне пристально вглядываясь в девушку, отчего та на секунду нахмурилась, но уже через мгновение он дружелюбно улыбнулся и с вопросом в глазах заметил:

– Очень рад нашему знакомству.

Лаэрта ничего не ответила, возвращая ему пристальный взгляд, – его лицо было ей знакомо, он был несколько похож на Радима, но дело было не в этом, она знала его, но так сразу не смогла вспомнить откуда.

– Мы собирались прогуляться в саду, не составите нам компанию? – нарушила излишне длинную паузу, что уже начинала становиться неловкой, Лана.

– Да, с удовольствием, мы как раз планировали туда пойти, – согласилась Руда, не понимая причин такого поведения

своего брата.

Лаэрта, слегка тряхнув головой, взяла под руку Лану и направилась в сад, следуя за шедшими немногим впереди Урма. Лесьяр и Руда о чем-то чуть слышно переговаривались, и Лаэрта узнавала каждый его наклон головы, каждое движение губ, а когда он нервно поправил волосы рукой, неожиданно вспомнила, откуда она его знает, и, не сдержавшись, воскликнула:

– О!

– Что-то не так? – Все трое остановились вслед за ней.

– Простите, я вспомнила, что должна была встретиться со своим отцом. Извините, я покину вас, – почти сразу нашлась Лаэрта и, не дав им времени на возражения, быстро ретировалась, не смея взглянуть на Лесьяра.

Конечно, ей не надо было говорить с Озаром, но ей нужно было немного времени, для того чтобы разобраться. Она не знала Лесьяра, но его знала Мерцана, и он её узнал. Воспоминания Мерцаны вернулись к Лаэрте разом, и казалось, что она помнит и знает всё о ней, но сейчас, встретившись с Лесьяром, она поняла, что это не так. Лаэрта полагала, что Мерцана, влюбившись и не найдя взаимности, потеряла веру в мир и хотела всё забыть. Но сейчас, увидев Лесьяра, она вспомнила, как они с Мерцаной были счастливы, она помнила, как они познакомились, помнила, как они смеялись вместе, помнила, как простая симпатия переросла в нечто большее, помнила, что им было хорошо. Чего она вспомнить не

могла, так это того, что заставило Мерцану пожелать забыть о нём и их истории. Скрываясь от собственного прошлого в образе Говена Ломыги, Лаэрта как-то не подумала, что ей надо избегать ещё и прошлого Мерцаны. С другой стороны, и Лесьяр сделал вид, что они не знакомы. Что же произошло между ними?

Так ничего умного и не придумав, Лаэрта, решив, что неожиданных встреч для одного вечера более чем достаточно, отправилась в комнату к Искрену, в надежде что хоть ему удалось что-нибудь узнать.

Искрен появился лишь спустя несколько часов, которые Лаэрта провела за безуспешными попытками вспомнить, что произошло между Мерцаной и Лесьяром. Юный маг, в отличие от неё, пришёл с хорошими новостями. Он узнал, что браслет по крайней мере во время коронации будет на Людмиле – дочери Годимира Ломыги. Кроме того, Лана с Урмами всё же нашла его, и он отметил, что кулона у них не было, но это Лаэрта уже знала. Они ещё немного поболтали, но Лаэрта так и не решилась рассказать, что знала Лесьяра раньше. Было уже довольно поздно, когда девушка отправилась к себе, так что Белава и Рада уже спали, и в очередной раз Лаэрте удалось избежать общения с сестрой Мерцаны.

День перед коронацией обещал быть насыщенным: в полдень намечался небольшой турнир, а к вечеру ярмарка, организовавшаяся, казалось, сама собой, обещала перерасти в традиционный карнавал.

Встав как можно раньше, Лаэрта неслышно покинула комнату, не дожидаясь, пока девушки проснутся. Для таких ранних пташек, как она, в малом зале уже был накрыт завтрак. Спустившись туда, девушка обнаружила там Полеву и Лану Тарпан, так что, неспешно позавтракав в приятной компании, она позвала Лану на прогулку по саду. Они ушли как раз вовремя, поскольку в дверях почти столкнулись с пришедшими к завтраку Белавой и Радой. Тепло поприветствовав обеих и получив в ответ не менее радушные слова со стороны Белавы и любезные, но не очень искренние – со стороны Рады, Лаэрта благополучно покинула зал. Совместное проживание в замке Озара и строгий запрет на ругань последнего благотворно сказались на отношениях Рады и Лаэрты, по крайней мере внешне: они могли вполне любезно раскланяться и поддержать недолгий разговор, не выходя за рамки приличия.

С Ланой ей нравилось общаться куда больше, чем с Радой, она была весёлой и смешливой, и с ней так легко было поддерживать разговор, так что Лаэрта и не заметила, как они несколько часов провели, прогуливаясь по обширному саду Ломыг. Неспешную прогулку девушек прервал нашедший их Искрен.

– Вот вы где! – обрадованно воскликнул он, завидев их.

– Да, мы здесь, а ты где пропадал? – тут же упрекнула его Лаэрта, прежде чем он успел продолжить.

Искрен, который хотел попенять им за то, что они не до-

ждались его за завтраком и пропали, ничего не сказав, не нашёлся, что ответить, и тут же забыл про своё возмущение. Поймав себя на этом, он тут же рассмеялся:

– Невероятно, что у тебя это опять получилось.

– Совершенно не понимаю, о чём ты, – совершенно искренне ответила Лаэрта, всё же усмехнувшись. – Что у нас с планами на день?

– Насколько я знаю, Говен Ломыга пригласил Белаву посмотреть турнир из своего навеса, что вполне закономерно: Русаки – столь редкие гости на светских мероприятиях, что все пытаются оказать ей как можно больше внимания, – взяв обеих девушек под руку и продолжив их прогулку по саду, рассказал Искрен.

– Что ж, в таком случае Белава точно не пожалеет о том, что выехала из Падера, – радостно поддакнула Лаэрта. И, подумав, добавила: – Полагаю, и Рада будет там же, они так сдружились, что ни на шаг не отходят друг от друга.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Искрен. – Ты не против, если я приглашу Озара в наш навес? Хочу отблагодарить его за то, что так гостеприимно позволил мне жить у него последние несколько недель.

Лану несколько задело то, что он сказал про навес «наш». Они с Искреном пока лишь несколько раз говорили, но она почти поверила Лаэрте, когда та рассказала, что у них с Искреном всё несерьёзно, однако ревновать это отнюдь не мешало. Искрен же с Лаэртой продолжили беседу, не подозре-

вая о её чувствах.

– Наш навес? – тоже заметила Лаэрта. – Нет уж, Стоум, это твой навес, но ты прав, я тоже думаю, что Озара следует пригласить. Не против, если я передам твоё приглашение?

– Конечно, буду только рад.

С тем Лаэрта их и оставила, отправившись на поиски Озара. Она искала его долго, пока не додумалась пойти в библиотеку. Девушка достаточно хорошо его знала и была почти уверена, что он будет там. И оказалась права.

– День добрый, не помешала?

– Ты никогда мне не помешаешь, – откладывая книгу, как всегда мягко ответил Озар, когда она нашла его в библиотеке.

Лаэрта в который раз почувствовала себя неловко, он, даже зная, что она не Мерцана, относился к ней как к дочери. А она, вместо того чтобы не напоминать ему своим видом о потерянной дочери, отправив к нему Белаву, вовлекла и его в вереницу придворных знакомств. И более того, постоянно пользовалась его расположением, едва появлялась такая возможность. Поймав себя на этих мыслях, девушка тряхнула головой и объяснила, зачем искала его:

– Искрен Стоум приглашает вас в свой навес на время турнира.

– Большая честь для меня, – с поклоном принял приглашение Озар, он не смог бы отказаться, даже если бы и хотел, это действительно была большая честь.

– Это не обязательно, – уловив его настроение, поспешила заметить Лаэрта. – Искрен просто хотел отблагодарить вас за гостеприимство.

– Очень любезно с его стороны. Он кажется достойным юношей. К тому же он Стоум.

Лаэрта с подозрением глянула на него, слегка склонив голову: уж не сватать ли он её собрался?

– Молчу-молчу, – тут же рассмеялся Озар, он всё-таки слишком хорошо знал это лицо, и сразу понял, о чём думает девушка.

Лаэрта ещё немного посидела с ним в библиотеке, а затем, проголодавшись, направилась на кухню. Добродушная кухарка, несмотря на суматоху, быстро собрала девушке несколько бутербродов и фляжку с чем-то горячим и одуряюще пахнущим свежестью лесных трав. Лаэрта вновь отправилась в сад в надежде найти какое-нибудь уединенное место. Но нашла только Лану с Искреном, что до сих пор прогуливались по саду.

– Вы прекрасно смотрите, – привлекла она их внимание, отчего Лана вновь покраснела до кончиков ушей. – Твоя бабушка ищет тебя, и я сказала, что не представляю, где бы ты могла быть, – подойдя ближе, добавила Лаэрта.

Лана тут же забыла про смущение и, наскоро извинившись, побежала в сторону замка: Полева Тарпан была крута даже с любимой внучкой, или особенно с любимой внучкой.

– Вот и тебе ведь ничуть не стыдно, – с укоризной произнёс Искрен, когда Лана скрылась за поворотом, он подозревал, что Лаэрта не встречала Полеву Тарпан, и даже если и так, та бы не стала спрашивать Лаэрту про свою внучку.

– Будешь? – с неожиданной для себя щедростью поделилась бутербродом Лаэрта, не обращая внимания на его довольно благодушное возмущение.

Тут же присев на ближайшую лавочку, они с аппетитом

запили собранные добродушной кухаркой бутерброды ароматным чаем.

– Я передала твоё приглашение Озару, он согласился.

– Спасибо.

Лаэрта увидела, как на аллею, в конце которой они сидели, свернул Лесьяр Урма, и ненадолго задумалась, с одной стороны, ей уже до бешеных единорогов надоело ломать голову над тем, что случилось между ним и Мерцаной, а с другой – совсем не хотелось решать чужие проблемы. Но любопытство, как всегда, победило.

– Тебе не надо проверить, всё ли готово к турниру? – спросила она Искрена.

– Что мне должно быть надо проверить? – не понял он.

Лаэрта закатила глаза и пояснила:

– Это я так намекаю, что тебе пора уйти.

Искрен осмотрелся и, тоже увидев идущего вдаль Лесьяра, ухмыльнулся.

– Как знаешь, раз надо, пойду проверять, чтоб то, не знаю что, было так, не знаю как.

– Золото, а не человек, – отсалютовала Лаэрта ушедшему в противоположном от Лесьяра направлении Искрену.

А уже спустя несколько минут, убедившись, что девушка в одиночестве сидит на лавочке, качая ножкой, и не собирается никуда уходить, к ней подошёл Лесьяр.

– Мы можем поговорить? – без обиняков спросил он, подойдя ближе.

Девушка, быстро оглядевшись, кивнула и прошла по едва заметной тропке вглубь сада. Когда она пару недель жила в замке Ломыг, почти год назад, Лаэрта зачастую сбегала от Людмилы в сад, так что довольно хорошо знала все его скрытые уголки.

Дойдя до довольно уединенной беседки, скрытой в зелени, так что её было едва видно, Лаэрта пригласила Лесьяра пройти туда.

– Лаэрта? Тебя зовут Лаэрта? – первое, что спросил Лесьяр, когда они сели, и это было неудивительно: когда они познакомились, она назвалась Мерцаной, и он знал её под этим именем.

– Да, это моё второе имя. Мерцаной меня хотел назвать мой отец, а Лаэрттой – моя мать, как видишь, они так и не смогли договориться, – сама удивляясь тому, с какой лёгкостью врёт, ответила девушка. – Так ты об этом хотел поговорить? – чинно оправив подол платья, переспросила девушка.

Лесьяр растерялся, словно совсем не такого поведения от неё ожидал, и, запнувшись, с несвойственной для него робостью проговорил:

– Нет, на самом деле я хотел поговорить о нас.

Он замолчал, и Лаэрта тяжело вздохнула. Она ожидала от него немного больше информации, но, похоже, он предполагал, что говорить будет она. А она не знала, о чём говорить, – она едва его помнила.

– Я хочу, чтобы ты рассказал свою версию нашей исто-

рии, – аккуратно подбирая слова, наконец промолвила она.

Лесьяр, что к этому времени взял себя в руки и вновь стал спокоен, усмехнулся. Он ожидал от неё не этого, но, будучи взрослым человеком, понимал, как редко мы получаем то чего хотим, а потому, рассказал то, о чём попросила Лаэрта.

– Мы встретились больше года назад. Нам было так легко друг с другом, словно мы должны были быть вместе. Мы столько смеялись, я за всю жизнь так не смеялся, как за те несколько месяцев знакомства с тобой.

Лаэрта задумчиво кивала в знак согласия, это она более-менее помнила, а Лесьяр меж тем продолжал:

– Ты хотела познакомиться с Рудой. А я... – Он запнулся на мгновение, но всё же закончил: – Я предложил тебе замужество.

Девушка выпрямила спину и замерла, ожидая продолжения, а что если они женаты? Что если всё это время у неё был и есть муж, что теперь сидит перед ней? Предложения она не помнила и уж точно не помнила, чтоб Мерцана дала согласие. Но Лесьяр молчал, и девушка, не выдержав, переспросила:

– Ты сделал предложение? И?

Юноша непонимающе посмотрел на неё, но всё же ответил:

– И ты исчезла.

Лаэрта с облегчением выдохнула. Внезапно обзавестись мужем никак не вписывалось в её планы. Лесьяр, несколько

обиженный её облегчённым вздохом, вновь замолчал, и девушка, заметив это, аккуратно начала:

– Ты был откровенен со мной, и я благодарна тебе за это. Поэтому позволь быть честной с тобой в ответ. – Лаэрта замолчала, вновь подбирая слова. Не так-то просто было выбрать, какую правду ему рассказать. – Я почти не помню тебя. Извини, но это моя версия «нас».

– Ты узнала меня, – не поверил он.

– Я сказала «почти», я узнала тебя, но не сразу вспомнила, откуда я тебя знаю.

Лесьяр задумался, вспоминая их встречу и её поспешное бегство, – её слова были похожи на правду.

– Я не понимаю, – видя, что девушка не собирается продолжать, произнёс он.

– Моя жизнь несколько усложнилась в последнее время. Поэтому я хотела бы внести ясность в нашу ситуацию. Я плохо помню, что случилось между нами, но я почти уверена, что не намеревалась выйти за тебя, – мягко, стараясь не обидеть его, заметила Лаэрта.

Лесьяр неожиданно рассмеялся, почти облегченно, и на её удивлённый взгляд пояснил:

– Я был уверен, что ты исчезла, потому что я обидел тебя.

– Чем?

– Я целый год думал об этом и решил, что тебя обидело то, как я сделал предложение: необдуманно, впопыхах, неофициально. – Он вновь усмехнулся, вспоминая. – Я ведь даже

не был знаком с твоим отцом и вместо кольца подарил тебе кулон.

Лаэрта напряглась, как оголенный нерв, и поспешнее, чем хотелось, переспросила:

– Какой кулон?

– Кулон моей бабки, мне тогда это показалось хорошей идеей, – всё ещё посмеиваясь, ответил Лесьяр. – Это действительно было поспешным и плохо продуманным решением.

Но Лаэрта его уже не слушала. Она закрыла глаза и провела рукой по шее, вспоминая ощущение от тяжёлой массивной золотой цепи, с которой свисал янтарный кулон величиной в несколько сантиметров, немного напоминающий голову какого-то зверя, одинаково похожего и на белку, и на волка.

Девушка наконец вспомнила, как Лесьяр, немного более молодой и весёлый, чем сейчас, что до этого так смешил её, внезапно надел ей на шею этот кулон. Вспомнила, как Мерцана испугалась его предложения. Вспомнила её мысли в голове. Она была уверена, что влюблена в Лесьяра, им было так весело и хорошо вместе, но как только он сделал ей предложение и она представила их вместе, девушка тут же поняла, что не хочет этого. Она хотела быть другом ему, немного флиртовать иногда, временами встречаться, смеяться, так, как они смеялись с начала их знакомства, но не быть ему женой. И, не зная, как ему отказать, Мерцана в смущении

опустила голову и провела рукой по цепочке, пока не дошла пальцами до кулона и не коснулась его. И она сразу поняла, что это не просто камень.

– Что с тобой? – обеспокоенно позвал девушку Лесьяр, видя, что та так и сидит с закрытыми глазами.

Лаэрта вернулась из воспоминания в реальность и расхоталась. Надо будет рассказать Искрену, что кулон, который они надеялись найти у семейства Урма, она сама же у них и забрала. И куда впоследствии дела, не имела ни малейшего представления.

Девушка попыталась вспомнить, был ли на ней кулон, когда Радим нашёл её в лесу, но не смогла. Лаэрта хорошо помнила, как рассматривала себя в зеркале в его замке, но была так впечатлена своими волосами, что не помнила остального. К тому же за последний год столько всего случилось, что эти воспоминания казались такими далёкими и зыбкими, едва верилось, что это всё тоже было с ней.

– Прости, давай закончим наш разговор позже. – Лаэрта подняла руку, призывая его прислушаться к звукам трубы.

Прогудели дважды, а это значило, что до полудня оставалось не больше получаса, и им следовало вернуться к арене – турнир должен был вот-вот начаться. И прежде чем он успел отказать, она вышла из беседки и направилась к арене.

Ареной служило довольно большее поле, в честь турнира усыпанное песком. С восточной стороны, так, чтобы солнце, что будет к вечеру клониться к закату, не слепило глаза, бы-

ли расположено несколько навесов для самых знатных. По центру был навес Годимира Ломыги, куда он пригласил Белаву, слева и справа были навесы Урма и Тарпанов, а затем Хортов и Стоумов. Белава действительно позвала с собой и Раду, девушки настолько сдружились, что их и не видели отдельно друг от друга. А присутствие приглашенного Искренном Озара в навесе Стоумов позволяло и Лаэрте, как его дочери, находиться там же, не давая даже намёка для пересудов. К тому же навес Искрена был достаточно далеко от навеса Ломыг, и Лаэрта, что до сих пор удачно избегала встреч с Говеном, надеялась продолжить в том же духе.

Увидев, что Озара ещё нет, девушка, едва войдя под навес к Искрену, спросила:

– Ты не помнишь, когда Мерцана пришла к вам просить стереть её память, на ней был кулон?

– Какой кулон? – не понял Искрен.

И Лаэрте пришлось пояснить, что кулон, что Чародей передал семейству Урма, мог оказаться у Мерцаны. Искрен честно попытался вспомнить, но тщетно.

– Надо будет спросить у отца, он с ней разговаривал, – наконец предложил он. И вполне обоснованно любопытствовал: – А как он у неё оказался?

– Долгая история. – Махнула рукой девушка, не желая рассказывать ему историю, в которой сама ещё толком не разобралась. Она только сейчас поняла, что, взбудораженная новостью о кулоне, оставила Лесьяра, так ничего с ним и не

обсудив.

– А почему ты не переоделась? – поняв, что тема закрыта, спросил Искрен.

– Что? – не поняла девушка.

Юноша повёл рукой в сторону остальных шатров, и Лаэрта старательно посмотрела туда, куда он указал, а затем с прежним недоумением вновь обернулась к Искрену.

– Все дамы переоделись к началу турнира, – пояснил тот.

Лаэрта ещё раз осмотрелась: он был прав, Лана совсем недавно была в другом платье.

– А это обязательно? – капризно переспросила она. Тащиться по жаре в замок, а потом обратно, откровенно говоря, ей было лень.

– Совсем нет. Но ты потратила столько наших денег на свои наряды, а потом ещё и привезла их все в такую даль, что я подумал, что тебе захочется их показать, – удивлённый её реакцией, несколько растерянно заметил Искрен.

– Ничего ты в женщинах не понимаешь. Я их привезла, чтобы они были, а не чтобы их носить, – легкомысленно отмахнулась Лаэрта, переводя взгляд на арену, где началось какое-то движение.

– Ты права, совершенно не понимаю, – вынужден был согласиться Искрен.

А в следующую секунду снова зазвучали трубы, возвещая начало турнира.

Лаэрта никогда не была на турнире и теперь с любопытством смотрела на разворачивающееся действие. Перед началом турнира по традиции команды, которые представляли каждую из земель, давали небольшое представление, раскрывающее сильные стороны их родных мест. И хотя на коронацию и не прибыли сами Хорты, команда из Изкара не стала пропускать такое событие, так что всего команд было шесть. Как пояснил для девушки и подошедшего к началу турнира Озара Искрен, очередность выступлений определялась простой жеребьевкой накануне.

Первой выступала команда из Ваберда. Ваберд – земля Стоумов, единственная имела выход к морю и растягивалась по всему его побережью от Тёмного леса до начала горной цепи. Поэтому неудивительно, что выступление команды началось с выхода на арену нескольких рыбаков с сетями. Довольно быстро они развернули на арене настоящую рыбалку и за десять минут показали работу и быт прибрежных поселенцев. Получив заслуженные аплодисменты зрителей, выступающие удалились, уступив место следующей команде.

Участники турнира из Мушера – срединных земель – в свою очередь показали, как с трепетом и уважением они относятся к земле, которая вознаграждает приложенные усилия богатым урожаем, ведь Мушер – это Черноземье, в ко-

тором даже случайно брошенное зерно даёт плоды.

Команда из Изкара, что славился добычей и обработкой горных пород, за отведённые на выступление десять минут успела соорудить посреди арены небольшой замок. И это было действительно то, чем они гордились, ни один уважающий себя землевладелец, решив начать строительство, не обошёлся бы без камня из Изкара.

Однако больше всего Лаэрте понравилось выступление команды из Падера, да и какой девушкой она бы была, если б не понравилось? В Падере, не имея ни обширных полей для земледелия, ни густых лесов для охоты, сделали упор на мастерство и искусство. И уже многие десятилетия лучшие ювелиры, живописцы и музыканты обучались именно в Падере.

В Суквере, к которому после гибели Вепрей присоединились и все земли Темнолесья, большая часть территории была покрыта густыми, местами непроходимыми лесами, и там традиционно занимались охотой. Поэтому участники турнира из Суквера продемонстрировали свои навыки в стрельбе из лука, а также великолепные меха, кои добыли в своих лесах.

В Вербоке, соседних с Суквером землях, хватало и плодородных полей, и богатых дичью лесов, но больше всего у них было рек и мельниц, построенных на каждом свободном метре этих рек. Почти всё выращенное в Мушере зерно проходило через мельницы Вербока. Так что участники турнира

из Вербока продемонстрировали действие мельницы и хлеб, испечённый из муки, измолотой на их землях.

После выступления начались не менее зрелищные соревнования команд. Тут было всё: и состязания на скорость, и стрельба из лука, и скачки, и рукопашная борьба.

– Мне пора готовиться, – извинившись за то, что их покидает, заметил Искрен несколько часов спустя, отвлекая Лаэрту, что увлечённо наблюдала за состязаниями на арене.

– К чему? – не поняла она.

– К турниру, – пояснил Искрен. И видя, что понимания в глазах девушки не добавилось, пояснил: – По традиции турнир закрывают состязания членов правящих семей.

– То есть ты будешь сражаться с кем-то из... – Лаэрта не договорила, махнув рукой в сторону остальных шатров. Об этой традиции она не знала, и это стало полной неожиданностью для неё. Девушка, быстро прикинув что-то в уме, переспросила: – Ты, Лесьяр, Говен... вы что, будете состязаться с Белавой и Ланой?

У Тарпанов не было мужчин в семье, а Мороз Русак, насколько ей было известно, по-прежнему находился в Падере.

– Нет, конечно, – рассмеялся Искрен над её предположением. – Они не участвуют, но, насколько мне известно, Хорты прислали кого-то представлять их семью. Мне действительно пора.

С этими словами Искрен покинул шатёр, а Лаэрта с Озаром остались наблюдать за ходом турнира. А уже спустя ка-

ких-то пятнадцать минут арену освободили и на неё поочередно вышли последние участники: Говен Ломыга от Суквера, Лесьяр Урма от Вербока, Искрен Стоум от Ваберда, а в участнице от Изкара Лаэрта с удивлением узнала Камила – друга Радима.

Как отметил Искрен, традиционно турнир заканчивался состязанием членов правящих семей. Состязались участники в фехтовании на шпагах. Задача состояла в том, чтобы уколоть или ранить противника, в то же время избегая получения укола, при этом поединок заканчивался с появлением первой крови. Распределение пар для первого раунда вновь определили жеребьёвкой. Так первыми состязались Искрен и Лесьяр, а вторыми – Говен и Камил. После этого победители в каждой из этих пар встретятся в финальном раунде.

– Ты не будешь повязывать Искрену свою ленту? – с удивлением спросил Озар, после того как прошло распределение.

– Какую ленту? – не поняла Лаэрта.

– Перед началом турнира юношам на руку девушки, чтобы проявить симпатию и просто выразить поддержку, повязывают свою ленту, – охотно пояснил Озар.

– Так вот зачем все переодевались, – запоздало поняла девушка и вновь посмотрела в сторону шатра Тарпанов, чтобы убедиться, что у Ланы в волосах появились вплетённые ленты изумрудно-зелёного цвета, что так красиво оттеняли её глаза.

– Ты собираешься оставить Искрена без ленты? Повто-

рюсь: ты планируешь повязать ему свою ленту? – вновь спросил Озар, так как она так ничего и не ответила.

– Нет, – честно ответила Лаэрта. Даже если бы она планировала подарить ленту Искрену, у неё её попросту не было. Поняв, что для этого всё равно пришлось бы выйти на арену, где сейчас стоит Говен, ещё более уверенно добавила: – Нет, – а представив, что может случиться, узнай её Говен на глазах у всех, в третий раз произнесла: – Нет!

– Одного «нет» было бы достаточно, – рассмеялся Озар.

Лаэрта посмотрела на арену, где Говену Ломыга Белава из Падера уже повязывала на левую руку свою небесно-голубую ленту, и подумала, что Искрену будет неловко остаться без ленты, когда у всех других она будет, а этого бы ей не хотелось.

– А вы могли бы попросить Раду повязать ленту Камилу? Всё-таки вы из одних земель, надо и его поддержать, – попросила Озара Лаэрта, потому что в этот момент к Лесьяру вышла Людмила Ломыга со своей лентой, и если Камил единственный останется без ленты, это тоже будет печально.

Не дожидаясь его ответа, Лаэрта побежала к шатру Тарпанов. Полева и Лана были несколько озадачены её стремительным появлением в своём шатре, но, будучи весьма деликатными, не подали виду, что их смутил её приход.

– Ты не собираешься повязывать ленту Искрену? – не обладая их деликатностью и тактом, первым делом спросила Лаэрта, врываясь в их шатёр.

– Я думала, ты, – растерянно заметила Лана.

– Ты видишь у меня ленту?

И Лана, посмотрев на бабушку и получив от неё одобрителный кивок, с широкой улыбкой тоже побежала на арену, по пути доставая из волос изумрудно-зелёную ленту. А сразу за ней на арену вышла несколько смущённая Рада, удивившись просьбе отца, она всё же с восторгом её выполнила, поскольку было бы глупо с её стороны упустить такой шанс пройтись по арене и покрасоваться перед всеми. Лаэрта, увидев её, раздосадовано закусил губу: Раде отсутствие поклонника не помешало быть готовой и иметь при себе ленту.

Лаэрта увидела, что Озара, посетившего шатёр Ломыг, чтобы передать Раде её просьбу, пригласили задержаться там, а потому сама осталась у Тарпанов, в конце концов, не сидеть же ей в одиночестве. Между тем на арене к этому времени остались только Лесьяр и Искрен – начинался первый поединок.

Соперники несколько раз скрестили шпаги, проверяя навыки друг друга, и разошлись. Воспользовавшись паузой, зрители закричали, поддерживая их. Лаэрта, услышав, как со стороны шатра Урма раздаются громкие крики поддержки, пихнула Лану в бок и тоже закричала, подбадривая Искрена. Лану дважды просить не пришлось, и совместными усилиями они перекричали Руду Урма, что поддерживала своего брата. И Искрен, и Лесьяр поклонились в сторону трибун,

благодаря за поддержку, и вновь вернулись к поединку.

Они сражались красиво, но недолго. Силы казались равными, но удача была на стороне Лесьяра, так что вскоре Искрен с оцарапанной рукой был признан проигравшим. Что не помешало Лане с Лаэртой ещё более бурно поддерживать его, так что даже Лесьяр обернулся к их шатру и несколько озадачился тем, что Лаэрта поддерживает не его, всё-таки у них было совместное прошлое, хоть на поддержку он мог рассчитывать. Заметив его укоризненный взгляд, Лаэрта даже на секунду смутилась и, пожав плечами, извинилась взглядом. О том, что она выступает против Лесьяра, поддерживая Искрена, она как-то не подумала.

– А кто это там, с Тарпанами? – с любопытством спросила Людмила, которая обернулась к шатру, когда девушки из него закричали, поддерживая Искрена, и, заметив Лаэрту, удивилась, поскольку профиль девушки показался ей смутно знакомым.

Рада оглянулась лишь на мгновение, а потом, пренебрежительно махнув рукой, бросила:

– Моя сестра Мерцана. – Рада, возможно, и хотела сказать много больше, но сидевший здесь же Озар устроил её одним предостерегающим взглядом.

Рада, конечно, знала, что та представляется везде как Лаэрта, но даже присутствие отца не заставило её поддерживать историю её сестры с потерей памяти и новым именем. Это, конечно, немало смущало окружающих, но в конечном

счёте все довольно легко принимали объяснения Лаэрты, так что Белава, например, быстро привыкла к тому, что у её новой подруги два имени, и сейчас даже не обратила внимания на это.

Удовлетворившись этим ответом, Людмила отвернулась к арене, где начинался поединок между её братом и Камилом из Изкара.

В этот раз Лаэрта подговорила Лану и вернувшегося к ним после перевязки Искрена поддержать Камила, мотивируя это тем, что ему будет обидно остаться без поддержки, да и не за Говена же ей болеть, в конце концов. Это ему, впрочем, не помогло, потому как довольно скоро он проиграл Говену.

– А сейчас мы кого поддерживаем? – восторженно поинтересовалась Лана, когда на арену вышли Лесьяр и Говен. Ей понравилось, что можно восторженно кричать и вести себя немного по-хулигански, и даже её бабушка не осуждала её за это.

– За Лесьяра, – не задумываясь, ответила Лаэрта, потому как поддерживать Говена ей хотелось меньше всего.

– Почему за него? – с хитрой ухмылкой поинтересовался Искрен.

– Он сделал мне... – Лаэрта замолчала лишь в последний момент и, обернувшись к хитро улыбавшемуся Искрену, закончила после небольшой паузы: – Подарок. Кулон, я тебе рассказывала.

Лесьяр и Говен сражались довольно долго. И так же долго

три шатра – Урма, Ломыг и Тарпанов – пытались перекрычать друг друга. Но это им так и не удалось, поскольку Людмила, Рада и Белава ничуть не уступали Руде, Лане и Лаэрте. Старшее поколение, сидевшее в тех же шатрах, благоразумно не участвовало в их перекличках, лишь благодушно посмеиваясь над горячностью молодых особ. Благодаря ли их поддержке, или благодаря своим навыкам и удаче, в конечном счёте выиграл всё же Лесьяр Урма и по праву принял все почести, полагающиеся победителю турнира.

А вечером действительно был карнавал.

Заметив, что Белава и Рада вернулись, уже в вечерних нарядах, Лаэрта покинула Озара и Искрена и пошла в освободившуюся комнату с намерением переодеться. В суматохе турнира у неё вновь получилось весь день избегать Говена, а вечером с наличием маски это становилось и того проще.

Для карнавала Лаэрта выбрала тёмно-бордовое платье с длинным рукавом, заканчивающимся, словно митенка, петлёй на средний палец, так что её израненные запястья и большая часть ладоней были надёжно укрыты от посторонних глаз. Волосы она прибрала в высокую причёску, замысловато украшенную перьями, а маска в цвет платья, отделанная россыпью страз, закрывала всю верхнюю часть лица, так что открытыми оставались лишь напомаженные губы.

Поглядев в зеркало, девушка засомневалась было, не переборщила ли она с нарядом. Но, едва войдя в общий зал, поняла, что, напротив, поскромничала. В глазах мельтешило от кружившихся по залу девушек в платьях всех цветов. Впрочем, юноши не уступали им ни яркостью нарядов, ни их помпезностью.

Лаэрта поговорила немного с Искреном, станцевала несколько танцев с неопознанными ею партнёрами, а затем, утомившись, вышла на открытую террасу, опоясывающую

бальный зал со всех сторон. Там было довольно многолюдно: после бурных танцев многие желали освежиться, так что ей пришлось обойти почти полный круг, прежде чем она нашла свободную скамейку.

Долго скучать в одиночестве ей не пришлось – почти сразу к ней подошел мужчина, одетый в ярко-оранжевый костюм с зелёными вставками.

– Можно тебя отвлечь? Мне показалось, мы не договорили в прошлый раз.

– Лесьяр? – по голосу и алой ленте Людмилы, что до сих пор была на его руке, догадалась Лаэрта, и он снял маску. – Да, ты прав, давай найдём место поспокойней.

Он с пониманием огляделся на снующие туда-сюда парочки и согласно кивнул. Лаэрта, немного подумав, отвела его в библиотеку, что находилась этажом выше. Во время бала можно было ожидать, что там будет безлюдно. Так и оказалось.

Они присели у небольшого кофейного столика, и, бросив на него маску, Лаэрта начала:

– Ты как меня узнал? – удивилась она.

– Ты разговаривала с Искренем, и я предположил, что это ты, – не ожидая этого вопроса, замедленно ответил он. Ему действительно пришлось довольно долго наблюдать за ней, чтоб застать в одиночестве этим вечером.

Лаэрта кивнула и поняла, что совсем не об этом они собирались поговорить, а потому перешла сразу к делу:

– Насколько я помню, мы остановились на том, что ты сделал мне предложение и я сбежала.

– Так и не ответив, – добавил Лесьяр.

Они замолчали. Лаэрта внимательно рассматривала окружающие книжные полки, не зная, что сказать, а потому Лесьяр продолжил, немного подумав:

– Не хочешь ответить сейчас?

Он был спокоен и собран, как и всегда, даже несмотря на то что внутренне метался между желанием узнать ответ и тут же встать и уйти.

– Нет, – честно ответила девушка, переведя на него взгляд. Но всё же добавила почти сразу: – Не хочу, но отвечу. Однако сначала я хочу, чтобы ты ответил на один мой вопрос.

Она дождалась, пока Лесьяр утвердительно кивнёт в знак согласия, и продолжила:

– Сейчас ты готов повторить своё предложение со всеми вытекающими последствиями?

Он чуть было не ответил «да», ведь молодой человек не может отступить от своего слова, лишь только потому что обижен тем, что девушка сбежала без объяснений, но, с другой стороны, это же была Мерцана, его Мерцана, так что он в задумчивости промолчал.

Девушка накрыла его руку своей и проникновенно добавила, видя его сомнения и втайне радуясь им:

– Мы оба были немного моложе и много наивней и при-

няли симпатию за нечто больше. И этим всё испортили. Уверена, мы можем быть отличными друзьями. Более того, мы с тобой даже можем пожениться, но я совсем не уверена, что мы сможем стать отличными или хотя бы хорошими супругами. Подумай об этом хорошенько. И если будешь готов, спроси меня снова, обещаю, что не сбегу и отвечу.

Он задумался, и Лаэрта не стала его торопить. Но закончить эту беседу им вновь не удалось.

В библиотеку вошёл Говен Ломыга и несказанно удивился, увидев сидящую там парочку.

– Единорожкой мне в бок, – едва слышно с тоской протянула Лаэрта, убирая свою руку с руки Лесьяра, что не скрылось от внимания вошедшего.

Не так она хотела встретиться с Говеном, сказать по правде, она вообще не хотела с ним встречаться, но раз уж всё равно бы пришлось, она хотела бы сделать это не так. Но что случилось, то случилось, поэтому она взяла себя в руки, полуобернулась к нему и довольно спокойно заметила:

– Здравствуй, Говен.

– Лаэрта, – только и смог выговорить Говен, не в силах поверить в то, что она снова в его замке. А затем, вспомнив, как они мило сидели, взявшись за руки, когда он вошёл, насутился. – Что здесь происходит?

– Мы просто разговаривали, – устало отмахнулась Лаэрта.

– Разговаривали? – Кажется, он наконец оправился от удивления и разозлился. – Как ты можешь вот так появлять-

ся здесь?! – воскликнул он, обращаясь к Лаэрте.

Лаэрта удивленно изогнула бровь, ну, подумаешь, сбежала из-под венца, это же не повод забывать о манерах и хамить. Таким она его ещё не видела, но ответить не успела, поскольку сидевший до этого неподвижно Лесьяр неожиданно подскочил и встал перед Говеном.

– Будь ты хоть трижды королём, это не даёт тебе право подобным образом обращаться к даме, – встал он на защиту, как ему показалось, оскорблённой девушки.

– Не лезь не в своё дело, – ещё более зло бросил Говен.

Лаэрта в удивлении переводила взгляд с одного на другого, одновременно умиляясь тому, что её защищает Лесьяр. Правда, уже довольно быстро они словно забыли про неё, продолжая кричать друг на друга и ещё более распаляясь. Похоже дневной бой для них так и не закончился. Казалось, ещё немного – и они накинутся друг на друга с кулаками.

– Ты бы не защищал её, сбеги она с твоей свадьбы, – пытаюсь взять себя в руки, уже спокойней заметил Говен.

– Уверен, что это не так, – пряча ухмылку, ответил Лесьяр.

Стоило Говену увидеть эту ухмылку, его напускное спокойствие как рукой смыло. Он, как это часто бывает, принял её на свой счёт, не подозревая, что Лесьяр больше смеялся над собой, ведь пусть не со свадьбы, но именно после его предложения и сбежала девушка от него.

Лаэрта поймала себя на мысли, что если один из них убьёт

другого, ей придётся разбираться лишь с одним экс-женихом. Она даже позволила себе немного насладиться, представляя это. Затем она подумала о том, что может сейчас незаметно встать и уйти, пока они заняты друг другом, так что ей не придётся разбираться ни с одним из них. С трудом поборов эти искушения, девушка со вздохом встала и окликнула их. Но ни тот, ни другой не обратили ровным счётом никакого внимания на неё, поскольку были полностью поглощены ссорой.

Этого стерпеть она уже не могла и, секунду поразмыслив, но не более, чтоб не дать себе времени передумать, быстро подошла к ним и, по считалочке пересчитав их, влепила звонкую пощечину Говену.

Эхо от пощёчины прокатилось по библиотеке в резко наступившей тишине, и, воспользовавшись образовавшейся паузой, Лаэрта зло бросила:

– Как смеешь ты упрекать меня?!

Впав в ступор от такой наглости, Говен не сразу нашёлся, что ответить. А Лаэрта меж тем всё же потрудились подумать о том, что сделала, и запоздало испугалась. Кто знает, как могут наказать за то, что она посмела ударить короля? С другой стороны, коронация только завтра, так что не такой уж он и король. Пока не король.

Воспользовавшись временной тишиной, Лаэрта обернулась к Лесьяру и с милой улыбкой заметила:

– Лесьяр, очень тебя прошу, оставь нас, пожалуйста. Мне

надо кое-что обсудить с будущим королём.

Лесьяр хотел возразить, но, наткнувшись на её красноречивый взгляд, кивнул и, сказав, что будет неподалёку, удалился.

– Я не сбегала с твоей свадьбы, – прежде чем Говен успел что-либо сказать, заметила Лаэрта, добавив про себя «не сбегала, потому что не успела». – И ты об этом знаешь!

Говен потупился, он бросил эти слова в пылу ссоры, не подумав. Он помнил, как ждал за свадебным столом и не дождался, и как потом они нашли связанную Людмилу. Помнил, как организовывали погоню и искали её. Но проходили дни и недели, а вестей о его исчезнувшей невесте так и не появлялось. И помня, как она перед самой свадьбой ворвалась к нему в комнату, заявляя, что не желает выходить замуж, решил, что она ушла сама. И её перестали искать. Так было проще, чем поверить в то, что будущую невестку короля могут просто так похитить из его замка. А потом он увидел её в своей библиотеке. Живую, здоровую, красивую... с другим. И на мгновение потерял голову, о чём теперь не мог не сожалеть.

– Не тебе упрекать меня, – видя его раскаяние, добавила девушка. И сама себя распалив, добавила зло: – Меня похитили, а ты, столь страстно желавший на мне жениться, не пришёл меня спасти! Я ждала дни, недели, месяцы! А теперь ты смеешь кричать на меня?!

– Прости, я не ожидал тебя увидеть и растерялся. Я сожа-

лею о своём поведении и своих словах.

Лаэрта, что хотела продолжить кричать на него, застыла от его слов, чего-чего, а столь быстрых извинений от него она не ожидала.

– Спасибо, я принимаю твои извинения, – наконец заметила она, успокаиваясь. И начала сожалеть о брошенных ею в запале словах, уж кто-кто, а Говен меньше всего был виноват в том, что с ней случилось.

– Я хочу знать, что произошло, – с трудом выговорил Говен.

Хотелось уйти без объяснений, но как показала жизнь, сбегать у неё плохо получается, рано или поздно приходится возвращаться туда, откуда она сбежала, и к прежним проблемам добавляется ещё и чувство вины за своё бегство, так что девушка устало опустилась на стул, предложив Говену последовать её примеру, и приготовилась к очередному неприятному разговору. На самом деле она не знала, что ему сказать, а потому помолчала некоторое время, выбирая, какую именно правду можно ему преподнести. С одной стороны, надо было сказать достаточно, чтоб у него не осталось вопросов, но, с другой стороны, всё рассказывать не имело смысла, да и каковы будут последствия её рассказа, предположить было сложно.

– Того, что произошло, уже не изменить. Не знаю, есть ли смысл теперь говорить об этом, – заметила она наконец.

– И всё же я хочу знать, – упрямо заметил Говен. – Кто

похитил тебя?

– Мармагон, – выплюнула девушка это имя, сама от себя не ожидая. Но раз уж начала, продолжила: – Он похитил меня, потому что думал, что у меня есть что-то, что ему нужно, но это оказалось не так.

– Поверить не могу, что он это сделал, – растерянно ответил Говен.

– Поверить не могу, что ты его знаешь, – не менее растерянно заметила Лаэрта.

– Он не посмел бы, – продолжая не верить, добавил Говен.

– А кто бы посмел? – в свою очередь удивилась девушка. – Ты не можешь не верить мне.

– Я верю тебе, действительно верю. Просто представить не могу, что кто-то на такое способен.

– А если бы ты знал тогда, что это он меня похитил, что бы ты сделал? – с некоторой надеждой спросила Лаэрта.

– Я потребовал бы, чтобы он тебя отпустил.

Девушка с удивлением посмотрела на него, неужели он действительно верит в то, что это бы помогло? А потом поняла, что Чародей, заставив людей жить в мире, изменил весь мир и самих людей в нём. И сейчас они настолько свыклись с миром, что не могли допустить мысли о том, чтобы его нарушить, вольно или невольно.

Они помолчали какое-то время, но ни она, ни он в итоге не нашли больше слов друг для друга, а потому Лаэрта заметила наконец:

– У тебя завтра трудный день, и лучшее, что ты можешь сделать сейчас, это забыть об этом. Иди к себе, прими ванну, смой с себя это, а завтра надень корону и стань королём, которому ни за что ни перед кем не будет стыдно.

На том распрощавшись с ним, она покинула библиотеку.

– Значит, ты сбежала со свадьбы с будущим королём, – едва она вышла из библиотеки, переспросил Лесьяр, что, как и обещал, не ушёл далеко.

– Не обязательно быть таким уж довольным, – заметив его широкую улыбку, пробурчала Лаэрта в ответ.

Но Лесьяр ничего не мог с собой поделать, сама новость о том, что она сбежала не только от него, что, надо признать, довольно сильно тревожило его на протяжении последнего года, как ни странно, очень радовала. Со стороны это действительно было довольно забавно, и это он ещё про Радима не знает. Лаэрта с полминуты ещё попыталась сделать вид, что хмурится, но, не выдержав, рассмеялась, сбросив напряжение, которое легло на её плечи после разговора с Говеном.

– Проводишь меня? – попросила она, решив, что пора им закончить их разговор.

– Да, конечно.

Они направились в сторону спален, и Лаэрта переспросила:

– Так что насчёт нас? Ты готов повторить свой вопрос? Лесьяр задумался лишь на секунду.

– Прости, нет. Ты абсолютно права, мы с тобой не те, кто

создан друг для друга.

Лаэрта, резко обернувшись к нему, остановилась. Приложив руку к груди и глядя на Лесьяра наполненными слезами глазами, девушка театрально выдохнула:

– О нет!

Лесьяр, на секунду поверив ей, растерялся – до того она была убедительна. А уже через мгновение всё поняв, рассмеялся и сквозь смех добавил:

– А вот это уже жестоко.

– Прости, не удержалась, – так же отсмеявшись, искренне извинилась девушка, вытирая свои крокодиловы слёзы. – Я рада, что мы встретились и поговорили. Я скучала.

– Как и я. Можно спросить?

Лаэрта на секунду задумалась, но он вроде уже пообещал, что больше не будет звать замуж, а потому согласно кивнула.

– Ты и Искрен?.. – Он так и не закончил, до конца не понимая, хочет ли слышать ответ.

– Я и Искрен? – в свою очередь переспросила Лаэрта, не зная, что ответить. А потом решила сделать то, что у неё всегда отлично получалось: переложить с больной головы на здоровую. – Ты и Людмила?

Лесьяр вновь рассмеялся, то, что она вручила ему свою ленту, было несколько неожиданно, и неудивительно, что Лаэрта сейчас перевела разговор на него.

– Ты права, это не моё дело, – наконец заключил он.

Они тепло попрощались, и Лаэрта, убедившись, что Ле-

сьяр скрылся за поворотом, направилась в противоположную от своей спальни сторону. Им ещё надо было встретиться с Искреном, потому что коронация уже завтра, а они ни на йоту не приблизились к браслету Миловей Вепрь.

Утро следующего было суматошным. В замке проходили последние приготовления к коронации, слуги начищали то, что было за последнюю неделю начищено уже дважды, повара с ночи сбивались с ног, готовя разнообразные блюда, ну а гости доставали, выглаживали и примеряли свои лучшие наряды.

Искрен и Лаэрта так и не придумали, как добыть браслет Миловеи. За неимением лучшего плана они остановились на том, что Лаэрта постарается заболтать Людмилу, чтоб по возможности незаметно снять с неё браслет. Ведь это же сработало однажды с брошью Белавы. Но этот план был девушке не по душе, потому как красть ей совсем не понравилось, и повторять подобное хотелось меньше всего. Мысли об этом не давали спокойно спать, поэтому Лаэрта вновь встала ни свет ни заря и, чтоб с чего-то начать этот день, направилась в столовую. Там уже было накрыто, но из гостей никого не было: то ли все долго гуляли на вчерашнем карнавале, то ли готовились к сегодняшней коронации.

Однако долго скучать в одиночестве ей не дали. Она едва успела насладиться одним великолепным творожным блином, поданным ей под кисло-сладким вишнёвым джемом, как в дверях столовой появился Мрак. Вот уж кого она совсем не ожидала увидеть здесь.

– Ты что здесь делаешь? – прошипела она, сама удивившись злости, которая появилась в ней при одном взгляде на него.

– Я искал тебя, – запинаясь, начал юноша. Он надеялся, что за время, пока они не виделись, она немного успокоится и не будет так испепелять его взглядом при встрече. Но одного взгляда на неё было достаточно, чтоб понять, что его надежды не оправдались.

– И нашёл, – перебила Лаэрта, не испытывая никакого желания выслушивать его.

– Я искал тебя, чтоб попросить прощения, – всё же закончил он.

– Нет!

– Позволь мне объяснить, – не унимался Мрак.

– Что объяснить? Что ты стал работать на меня, чтобы следить за мной и при первой же возможности сдать Мармагону? Ты это мне хочешь объяснить, Мрак?! – Лаэрта вновь кричала, не хотела кричать и не хотела выходить из себя, но ничего не могла с собой поделать. – Да тебя даже зовут не Мрак!

– Тебе ли об этом говорить, Лаэрта-Мерцана, – совсем не к месту заметил юноша в ответ, поскольку против первой части её обвинения он не мог ничего возразить.

Лаэрта, услышав это, задохнулась от возмущения и, поддавшись вспыхнувшей ярости, схватила со стола нож и, прежде чем успела подумать, запустила в него. Хорошо, что

нож был столовый, а реакция у Мрака – отменная: он увернулся, и Лаэрта с облегчением выдохнула. Потому что, когда нож вырвался из её руки, она испугалась. Она ненавидела Мрака, не понимала, зачем он это сделал, но это совсем не означало, что она хотела его смерти. Воспользовавшись возникшей после броска паузой, Мрак быстро проговорил:

– Я совершил ошибку. Это была всего лишь работа, позволь мне всё исправить.

– Это ты хочешь исправить? – Лаэрта сняла перчатку с одной руки, показывая свои шрамы.

Ответить он не успел, поскольку двери столовой открылись и вошёл Говен, что одним из немногих встал пораньше.

– Говен. – Присела Лаэрта в реверансе в знак приветствия, пряча руку за спиной.

– Лаэрта. – Кивнул он в ответ. Ему совершенно точно не нравилось заставлять её постоянно в компании разных мужчин. – Что происходит?

Лаэрта с Мраком переглянулись, но он промолчал, давая ей право ответить.

– Мне только что сообщили, что моё платье для коронации испорчено, – наконец заметила она, чтоб хоть как-то объяснить крики, которые он наверняка слышал, подходя к столовой. И отослала Мрака, поскольку одновременно злиться на него и разговаривать с Говеном у неё не было сил: – Спасибо, что сообщил, Мрак, ты можешь идти.

Он постоял в нерешительности, но вскоре вышел из сто-

ловой.

– Итак, как настроение перед коронацией? – спросила она Говена после нескольких минут молчания.

– Спасибо, всё хорошо, – как и о чём с ней разговаривать после их вечерней беседы, он не знал.

Лаэрта тоже не знала, а потому они просто стояли и молчали.

– Извини, я оставлю тебя. Надо что-то придумать с платьем, – наконец заметила она, махнув в сторону двери.

– Что с твоей рукой? – обеспокоенно спросил Говен, поскольку, забывшись, Лаэрта махнула рукой без перчатки и тут же пожалела об этом.

– Мармагон с моей рукой, – заметила она после нескольких секунд молчания, надевая перчатку.

– Что?

Говен не мог поверить в то, что увидел, а Лаэрта занималась тем, что ругала себя, поминая всех бешеных единорогов, которых знала. Нельзя было так злиться на Мрака! Вот чего она добилась, размахивая перед ним своими шрамами? Он и без того прекрасно знал о них, более того, он видел её в гораздо более худшем состоянии, нежели сейчас. Но он вновь появился перед ней, когда она его совсем не ожидала увидеть и не была готова к встрече с этой частью своего прошлого. А потому ничего не смогла с собой поделаться и разозлилась. А теперь столкнулась с тем, что придётся разгрести последствия. Лаэрта устало вздохнула и заметила:

– Того, что произошло, уже не изменить, и ворошить прошлое – это совсем не то, что я сейчас хочу.

Говен, немного помолчав, задал вопрос, который Лаэрта хотела услышать ещё год назад:

– Так чего же ты хочешь?

Лаэрта задумалась: она хотела бы, чтобы судьба мира не зависела от неё, она хотела бы не быть ответственной за поиск звёзд из короны Чародея, в конце концов, она хотела бы, чтобы шрамы на её теле просто перестали болеть.

– Я хочу, чтоб меня не похищали.

Говен ничего не ответил, даже когда станет королём, он не сможет изменить прошлое. А Лаэрта, поддавшись порыву, продолжила:

– Я хочу, чтобы никого не похищали в нашем мире, чтобы никого не могли принуждать к тому, чего делать не хочет.

– Я не могу изменить прошлое, – глухо заметил Говен, слышать осуждение в её голосе было так же невыносимо, как осознавать свою беспомощность.

– Но ты можешь повлиять на будущее, – уже мягче добавила девушка. – Ты можешь остановить Мармагона.

И сама испугавшись своих слов и того, к чему подталкивает будущего короля, поспешила покинуть столовую. С другой стороны, теперь Говен испытает больший энтузиазм, когда она попросит его собрать для неё небольшой отряд для захвата замка Мармагона. По крайней мере, она на это надеялась.

Лаэрта подпрыгнула от испуга, едва выйдя за дверь, потому что в нише коридора её поджидал Мрак.

– Что тебе надо? – удивилась она тому, что он всё ещё здесь.

– Позволь мне всё исправить, дай мне шанс, – взмолился он.

Лаэрта по-прежнему злилась на него, но сдерживала себя. А затем, оглянувшись на дверь столовой, кивнула.

– Сегодня на коронацию Людмила Ломыга должна будет надеть браслет. Принеси мне его, и я подумаю.

– Ты просишь меня украсть украшение дочери короля?

– Ты просил шанс, я тебе его даю. Если нет, что ж, я тебя не держу, – с пренебрежением отмахнулась Лаэрта и, уходя, добавила: – Я буду в покоях Стоума.

Она не ждала, что он исполнит её поручение, но если бы исполнил, это бы решило одну их проблему. С другой стороны, даже если нет, то, навсегда избавившись от Мрака, она не стала бы сильно печалиться. Но он вернулся. И вернулся с браслетом. Лаэрта задумчиво осмотрела браслет, он был красив, гораздо лучше, чем на картине из книг Стоумов. Браслет был сделан из алмазов глубокого синего цвета, если долго смотреть на которые, возникало ощущение, что ты заглядываешь в глубину моря. Перебрав браслет камень за камнем и найдя звезду, девушка отдала его Искрену, который тут же отнёс браслет к уже ожидавшему ювелиру. Она не ждала, что Мрак принесёт браслет, но это не значит, что

они не были к этому готовы.

– Я... – начал Мрак, но Лаэрта остановила его, подняв руку.

– Тихо, я думаю.

И продолжила сидеть в кресле, ожидая, пока ювелир закончит. Браслет содержал последнюю звезду, которую они могли добыть на коронации. Оставалось только навеститься к Хортам за их Бармами. Но этого было недостаточно. Им нужны были звёзды или звезда Мармагона. А от него они были очень далеки. Она даже толком не знала, где находится его замок, как-то не до разглядывания окрестностей было ни когда её туда везли, ни когда она оттуда сбегала. Зато сейчас перед ней с ноги на ногу переминался тот, кто прекрасно знал замок Мармагона, и раз уж он смог один раз проникнуть туда, чтобы спасти её, сможет это повторить. Её размышления прервал вернувшийся с браслетом Искрен.

– Можешь вернуть его обратно, – протягивая браслет Мраку, заметила Лаэрта.

– Но... – вновь начал он, но не успел договорить.

– Ты же в действительности не думал, что я буду красть что-либо у дочери короля? – с сарказмом переспросила девушка. – Когда вернешь его на место, найди меня, я придумаю, как ты вернёшь мне долг.

Мрак, ничего не сказав, покинул комнату. Чем раньше он вернёт браслет, тем меньше вероятности, что его исчезновение заметят.

– Что за долг? – спросил Искрен, когда за Мраком закрылась дверь.

Лаэрта лишь отмахнулась.

– Как думаешь, я смогу разжалобить Говена Ломыгу настолько, чтоб он дал мне небольшой вооруженный отряд?

– Я из-за тебя без магии через перевал в Падер прошёл, – напомнил Искрен. – Так что да, ты кого угодно на что угодно уговоришь. Но зачем тебе отряд?

– Мы достали почти все звезды Чародея, так что нам остаётся только вернуться к Мармагону.

– Ты же не серьёзно? – удивился юноша.

– Конечно, серьёзно, он нам нужен, и ты знаешь это не хуже меня.

Он знал, но так далеко в своих планах они ещё не заходили, так что ему нужно было время, чтоб привыкнуть к этому.

– А это кто был? – чтоб немного переключиться, спросил Искрен.

– Это Мрак, он помог мне сбежать от Мармагона, так что прекрасно знает его замок и сможет нам помочь пробраться туда, – охотно пояснила Лаэрта, уж от кого, а от Стоумов у неё секретов не было.

– Знала бы ты, как меня утомляет это твоё «нам», – честно признался юноша.

– Мы в ответе за тех, кого спасли, – в который раз повторила девушка, ухмыляясь, потому что знала: как бы он ни был недоволен, как бы это ему не нравилось, он поможет.

– Не напоминай, у меня зубы сводит каждый раз, когда ты так говоришь, – притворно взмолился Искрен, но доля правды в его словах была.

– Хорошо, – легко согласилась девушка. И сменила тему: – Расскажи, как пройдёт коронация.

– Как обычно, насколько я знаю. – Пожал плечами Искрен, не поняв вопроса.

– Это моя первая коронация, я не знаю, как они обычно проходят, – не скрывая сарказма, заметила девушка.

И Искрен, не то чтобы очень охотно, но всё же рассказал:

– К полудню все соберутся в общем зале, куда сначала торжественно войдёт король, а затем и Говен. Годимир символически передаст свою корону сыну – и та-да, у нас новый король. Всё действие займёт от силы пятнадцать минут. А потом пир.

– Конечно, куда ж без пира, – согласилась девушка.

Что ж, пир – это хорошо, на нём всё проходит менее официально, а значит, она сможет поговорить с Говеном насчёт небольшого отряда для захвата Мармагона. Это, конечно, явно не то, о чём он хотел бы говорить в день своей коронации, но когда это судьба даёт нам то, чего мы хотим?

– Так, значит, ты уже не избегаешь Говена? – спросил Искрен, прерывая её размышления.

– Когда это я его избегала? – с подкупающей искренностью переспросила Лаэрта, так что Искрен не смог не рассмеяться. – Но ты прав, мы помирились. Вроде как.

– И это не было так уж страшно, – заметил Искрен, что не раз убеждал её не играть в прятки с хозяином замка.

– Ну да, – задумчиво согласилась Лаэрта. И, ударившись в воспоминания, добавила: – Он накричал на меня, я влепила ему пощёчину, обвинила в том, чего он не совершал, он извинился, и мы сделали вид, что этого не было.

– Ты не умеешь мириться, – заключил юноша.

Спорить с этим она не стала, ей действительно следовало лучше обращаться с Говеном, да и со многими другими тоже. Но переживать по этому поводу у неё не было ни времени, ни тем более желания, поэтому, оставив Искрена в одиночестве, она направилась к себе переодеться к коронации.

По пути в комнату она не отказала себе в удовольствии заглянуть в библиотеку, чтоб поприветствовать Озара. Они немного пообщались, а затем он сообщил ей, что вскоре должна прийти Рада, и Лаэрта поспешила покинуть библиотеку. Ему, конечно, не нравилось, что его дочери не могли спокойно находиться в одном помещении, но если для общего спокойствия нужно было, чтоб они не встречались, он готов был им в этом помочь.

По пути в свою спальню Лаэрта с удовлетворением отметила, что по замку не бегает обеспокоенная охрана, а это означало, что недолгое исчезновение браслета Миловеи Вепрь осталось незамеченным.

Коронация была не тем событием, где приветствовались новшества, а потому она была ровно такой же, как и сто лет назад. Особую зрелищность коронации придавало то, что все обязаны были соблюдать определённые цвета при выборе нарядов к коронации. Традиционно все представители семьи действующего короля облачались в наряды из алой ткани. Члены остальных семей правящих династий, не участвовавших напрямую в коронации, были, в свою очередь, в золотых нарядах. Одежда всех остальных гостей должна была быть исключительно белого цвета.

Поэтому Лаэрта, направившись в свою комнату, переоделась в простое белое платье, ведь ни к одной из правящих семей она не имела никакого отношения. Застав в комнате Белаву и помня, что Рада ушла на встречу с Озаром и не появится в ближайшие полчаса, Лаэрта воспользовалась шансом пообщаться с ней.

– Как тебе здесь? Не жалеешь, что покинула Падер?

– Конечно, нет! – восторженно воскликнула Белаву. – Здесь так интересно, балы, турнир, карнавал, да ещё и коронация. Я рада быть здесь.

Белаву подошла к зеркалу, чтоб проверить, всё ли в порядке с её золотым платьем. С ним всё было замечательно, и оно очень шло к её чёрным локонам. А диадема из голубова-

того жемчуга словно специально была создана для того, чтоб подчеркнуть небесно-голубые глаза Белавы. То, что она была в ней, не было чем-то неожиданным – можно было наверняка сказать, что все фамильные драгоценности, за которыми в последние несколько недель охотились Лаэрта и Стоумы, будут сегодня на коронации.

– Я рада это слышать. – Улыбнулась Лаэрта. Иногда она чувствовала себя неловко, оттого что вытащила Белаву из её дома, а затем оставила в одиночестве в замке Озара, а то, что той здесь нравилось, несколько облегчало совесть Лаэрты. – Я не могла не заметить, что ты вчера повязала ленту на руку Говену.

– Ох, он и его сестра так любезно приняли меня у себя, это меньшее, что я могла сделать, – ни на секунду не смутилась Белава, обманув ожидания Лаэрты. И в свою очередь поинтересовалась: – Но я была удивлена, когда Лана, а не ты повязала Искрену ленту.

– Да, – согласилась Лаэрта, почти не лукавя. – Мы втроем играем в очень интересную игру, и я пока не могу сказать, чем она закончится.

Они не стали продолжать разговор, поскольку появилась облаченная так же, как и Лаэрта, в белое Рада. Холодно кивнув друг другу, обе девушки поспешили разойтись – ссориться не хотел никто из них, а в их ситуации единственный шанс жить мирно заключался в том, чтобы находиться друг от друга на возможно большем расстоянии.

Как и обещал Искрен, к полудню все собрались в общем зале. Гости разместились у всех стен огромного зала, образуя широкий белоснежный круг. В центре зала круг поменьше образовали представители правящих семей в своих золотых нарядах. Годимир Ломыга в алом камзоле, выйдя в центр зала, довольно торжественно снял со своей головы корону и передал её своему сыну – Говену, вслед за короной он передал шпагу, что в их семье переходила вместе с короной. Говен Ломыга принёс традиционную клятву королей честно и верно служить на благо народа. На том торжественная часть и закончилась.

Стройные ряды гостей вскоре нарушились: многие хотели подойти и лично поздравить нового короля. И Лаэрта, что не горела этим желанием и стояла несколько в стороне, наблюдая за тем, как в белой массе выделяются алые костюмы Ломыг, в полной мере оценила традицию облачаться в разные цвета на коронацию. Из любой точки зала легко можно было увидеть как Говена с его сестрой Людмилой, так и любого представителя других семей. Поэтому она сразу заметила, когда золотым пятном к ней приблизился Искрен.

– Как твои впечатления от первой в твоей жизни коронации? – поинтересовался он.

– Всё ровно так, как ты и говорил, но мне нравятся эти ало-золотые пятна в белой массе гостей, – честно призналась девушка.

– Ты не подойдешь поздравить Говена?

Лаэрта не хотела, но учитывая, что чуть позже она собирается обратиться к нему с просьбой, лучше было сейчас немного польстить.

– Составишь мне компанию? – попросила она Искрена, и он не нашёл причину ей отказать.

Они подошли к Говену и Людмиле Ломыга одновременно с Лесьяром и Рудой Урма. Но развернуться и уйти было бы хамством даже для Лаэрти, поэтому, улыбнувшись, она поздравила Говена.

– Уверена, из тебя получится замечательный правитель.

– Благодарю, надеюсь оправдать твои ожидания, – ответил Говен, вселяя в Лаэрту надежду на то, что её будущая просьба будет исполнена.

Лаэрта повернулась к Людмиле, что узнала её только сейчас, когда они оказались лицом к лицу. Как и большинство в замке, её помнили здесь благодаря её роскошным серебряным волосам, а без них для многих она так и осталась неузнанной.

– Людмила, ты замечательно выглядишь, – как ни в чём не бывало заметила Лаэрта, словно их последняя встреча не закончилась похищением. – Красный цвет тебе к лицу.

– Спасибо, – растерянно поблагодарила Людмила и, переводя взгляд на своего брата, поняла, что его совершенно не удивляет эта встреча. – Уверена, тебе бы он тоже пошёл, – добавила она, ведь, увидев Лаэрту, она вспомнила и все события, связанные с ней, в том числе и несостоявшуюся сва-

дью своего брата.

Лаэрта, едва ли не впервые в жизни, не нашлась что ответить, но, словно этого было мало, Лесьяр решил поучаствовать:

– Согласен, ты хорошо бы смотрелась в красном, – а когда Лаэрта бросила на него уничтожающий взгляд, ещё более развеселившись, добавил: – Впрочем, как и в золотом. В золоте ты тоже смотрелась бы прекрасно.

– Спасибо. – Через силу улыбнулась Лаэрта. – Мне прекрасно в моём белоснежном платье без обязательств.

Их дальнейшие издевательства над ней прекратила как нельзя вовремя подошедшая с поздравлениями Белава. Воспользовавшись тем, что Говен занят, Лаэрта поспешила retirроваться. Но Искрен не был намерен так легко отпустить её и потому, довольно быстро догнав, спросил:

– Правильно ли я понял, что ты всё это время избегала Говена, потому что отказалась выйти за него?

– И вовсе я не отказывалась, – буркнула Лаэрта. Но Искрен с такой заинтересованностью ждал ответа, что она быстро сдалась: – Он даже не спросил, хочу ли я за него выйти, а просто организовал свадьбу!

– И? Ты сбежала?! – с восторгом переспросил он.

– Нет, конечно! – возмутилась девушка. И с улыбкой закончила: – Меня похитили, а уже потом я сбежала.

– А Лесьяр?

Лаэрта так надеялась, что он не заметит, но где уж там,

поэтому как могла честно ответила:

– Я тут ни при чём. От Лесьяра сбежала Мерцана.

Искрен рассмеялся, что ж, возможно, со стороны это действительно было забавно.

– Чего ещё можно было ожидать от красавицы из Баско, – констатировал Искрен, которого она изрядно повеселила своей историей.

И Лаэрта с удивлением осознала, что это действительно она. Впервые о завидной красавице-невесте из Баско она услышала ещё во время своего путешествия с цирком, но тогда она ничего не знала о Мерцане. А потом, когда узнала, как-то не придавала значения тому, что замок Озара находится в Баско и что завидной невестой из слухов была именно Мерцана.

Лаэрта оглянулась на Говена, что стоял и разговаривал с Белавой Русак, и заметила:

– Мне кажется, я тут ни при чём.

– Конечно, ты всегда ни при чём, – с сарказмом согласился Искрен.

– Да нет, посмотри на них. – Она кивнула в сторону Говена.

И Искрен тоже заметил, как они мило общаются с Белавой. А рядом с ними не менее мило щебетали Лесьяр и Людмила.

– Поэтому я и говорю, что я ни при чём. Они просто нашли первую более-менее подходящую симпатичную девуш-

ку и решили непременно потащить её под венец. И Радим такой же.

– А при чём здесь Радим Хорт? – с подозрением переспросил Искрен.

– Он одного с ними возраста и положения, потому и пришёл на ум, – почти без запинки ответила Лаэрта, и Искрен удовлетворился её ответом.

Вскоре всех пригласили проследовать в обеденный зал, где к этому времени уже были накрыты столы для пира. Довольно быстро прозвучали первые официальные тосты и торжественные речи. А затем пир потёк своим чередом, плавно приобретая менее официальную атмосферу. Гости понемногу начали покидать свои места и разбредаться по залу, дабы пообщаться со знакомыми.

Людмила подсела к Лаэрте и после нескольких дежурных фраз начала разговор перешла к более личным вопросам:

– Я хотела принести тебе свои извинения за то, что тогда мы не смогли найти тебя, не помогли.

Лаэрта почувствовала вину, она не сообщила семейству Ломыга, что с ней всё в порядке, когда сбежала от своих похитителей. О том, что они будут переживать о ней, она как-то не подумала. Но будучи честной с собой, она поняла, что, не появившись у неё нужда во встрече с ними, она и сейчас поступила бы так же. Что не отменяло того, что она чувствовала себя неловко от этого разговора.

– Тебе не стоит переживать по этому поводу, – серьёзно

заметила она. – Ни ты, ни Говен не повинны в моём похищении, и у вас совершенно нет нужды брать на себя ответственность за это.

Людмила помолчала некоторое время, не зная, как подобрать слова, но всё же продолжила:

– Ты и Говен... вы должны были пожениться...

– Теперь об этом не может быть и речи, – быстро заметила Лаэрта, возвращаться к этой истории хотелось меньше всего. Она определённо не готова была снова оказаться на пороге замужества с Говеном. Поэтому она перевела взгляд на Искрена и добавила: – У меня теперь другой круг интересов.

Людмила кивнула, принимая это, а Лаэрта, понимая, что та решила, что они с Искреном теперь пара, и не подумала её разубеждать. Ну, не рассказывать же, в самом деле, Людмиле о пророчестве и роли Стоумов во всём этом. Да и для её холостой жизни будет безопаснее, если Ломыги будут считать, что она не свободна.

Искрен, заметив, что они на него смотрят, подошёл, и Людмила, дабы не мешать им, раскланявшись, отошла к своему столу.

– Ты уже осчастливила новоиспечённого короля своей просьбой? – поинтересовался Искрен, который, по-видимому, уже свыкся с мыслью о том, что им придётся напасть на Мармагона. Надо отдать ему должное, это заняло у него совсем немного времени.

– Нет, – разочарованно протянула Лаэрта. – Я, конечно,

попыталась намекнуть, но, знаешь ли, не так-то просто убедить в необходимости вооружённого конфликта того, кто никогда не вёл войн.

– Это так, ни Говен, ни его отец, ни даже его дед никогда не начинали войны. Более того, никто из правящих семей не делал этого уже несколько поколений, – охотно согласился Искрен, тоже понимая, какая непростая задача стоит перед ними.

– Может, мы просто найдём наёмников? – с надеждой предложила девушка, она так быстро привыкла к тому, что ей дали неограниченный доступ к деньгам Стоумов, что принимала их как данность.

– Не думаю, что мы сможем найти достаточное их количество, – с сомнением заметил Искрен.

И Лаэрта поняла, что он прав. Специально обученные наёмные стражи, как правило, принимались на работу на короткий отрезок времени для охраны особо ценного груза в дороге, в качестве телохранителя, при серьёзной ссоре, ну или если возникала необходимость похитить особо строптивую девушку. Готовили таких стражей лишь в одном заведении в Изкаре, и было их совсем немного, и услуги их стоили очень дорого. Да и не было никакой необходимости в большем количестве стражей: в мире, где не было войн уже очень давно, люди редко применяли оружие для достижения своих целей. Даже с деньгами и связями Стоумов они смогли бы набрать едва ли больше десятка стражей. А этого для захвата

замка было недостаточно.

Их размышления неожиданно прервал поднявшийся с места Говен. Он попросил тишины, и стало понятно, что он хочет произнести речь.

– Для меня честь принять корону. Я поклялся служить на благо народа и не намерен нарушать этой клятвы, – торжественно начал он. – Но, кроме того, я хотел бы быть королём, который не будет стыдиться ни своих действий, ни своего бездействия. Немногие из вас знают, что почти год назад мою невесту вероломно похитили прямо из замка моего отца. Всё это время я оставался в неведении относительно того, кто осмелился это сделать. Но теперь я знаю и не намерен оставлять этот поступок безнаказанным.

В зале едва не с первых его слов повисла тишина. Но чем больше он говорил, тем более напряженной она становилась.

– Никто не может похищать других людей и причинять им боль. И никто не может жить спокойно, пока знает, что такие поступки могут совершаться безнаказанно. А потому первым моим решением как короля будет приказ о сборе войска. Мы выступим против собирателя звёзд Мармагона, что по какой-то причине думает, что ему позволено не считаться с нашими законами, – в оглушающей тишине закончил Говен свою речь.

– Ёжики пушистые, – простонала Лаэрта, не сдержавшись. – Я же просто хотела тихо и незаметно захватить Мармагона с небольшим отрядом.

– Ты только что развязала войну, – то ли восхищенно, то ли испуганно вторил ей Искрен.

– Первую войну после заклинания Чародея, – педантично поправила его девушка.

Маловероятно, что Чародей мог предположить, что мир, который он с таким трудом собирал, начнёт разваливаться на части, и причинной этого станет именно она – та, что должна была спасти этот мир.

Как бы то ни было, король сказал своё слово, и отменить его было нельзя. Война – это, конечно, было громко сказано, но это было действительно первое за последнюю сотню лет запланированное вооружённое нападение. Лаэрте удалось убедить Говена в том, что необходимости в сборе огромного войска нет. Это, конечно, был не маленький и незаметный отряд, как она планировала, но и не многотысячное войско, как хотел он. А это позволило, помимо прочего, не привлекать к нападению остальные правящие семьи. Стоумы и так были с ними в силу привязанности к ним Лаэрты, и этого было более чем достаточно.

Они жили в довольно замкнутом мире, ограниченном с одной стороны горами, с другой – морем. Море часто бывало беспокойно, и очень редко кораблям удавалось преодолеть его. Горы были высоки и неприступны, и существовало лишь несколько перевалов, которые можно было преодолеть, но и там погода была так непредсказуема, что лишь один из пяти караванов благополучно мог миновать их. Были ещё леса, настолько дремучие и непроходимые, что немногие отважились предпринять путешествие через них. Находились смельчаки, что рисковали, переплывали беспокойные моря, преодолевали высокие перевалы, путешествовали в дальних странах и возвращались с небывалыми историями

о них. Но таких смельчаков было совсем немного, и далеко не все из них возвращались. Возможно, поэтому остальные были счастливы жить в их небольшом замкнутом мире, где каждому находилось дело по душе. А возможно, и потому что мир их не знал войн и раздоров.

Территория Изкара занимала почти полностью длинную горную цепь, опоясывающую их мир. И хоть была она поистине огромна, обитаема была лишь узкая линия предгорья. В горах же было множество каменоломен и шахт, в которых добывались необходимые для всех земель горные породы. Столица земель Хортов, что традиционно носила одно название с их землями – Изкар, также располагалась в предгорьях и находилась одинаково далеко от Вербока и Суквера.

Небольшой участок гор, не относящийся к Изкару, включающий перевал, выходящий к долине Падер, относился к землям Русаков. Их земли были меньше всего по площади, поскольку ограничивались лишь небольшой высокогорной долиной, что и позволяло Морозу Русаку почти безвылазно находиться в своём замке – небольшой территорией и управлять проще.

Чего нельзя было сказать о землях Тарпанов – Мушере. Мушер, что иногда называли срединными землями, представлял собой обширные плодородные равнины. Требовалось несколько недель, чтобы пересечь Мушер с севера на юг, и столько же ушло бы на путешествие с запада на восток. С одной стороны Мушер ограничивали горы Изкара, а с дру-

гой – земли Стоумов.

Земли Стоумов – Ваберд – были не столь обширны. Временами их ширина достигала лишь нескольких километров, зато в длину они растянулись по всему морскому побережью от Тёмного леса до начала горной цепи. Стоумы единственные жили не в столице своих земель, предпочтя шуму портового города уединение своего горного замка.

Ещё одним соседом Мушера был Вербок, земли семейства Урма. Вербок был компактным и аккуратным. Довольно небольшой участок плодородных земель пересекало множество богатых рыбой рек. Именно в землях Вербока находился так полюбившийся Лаэрте небольшой городок Дэнэб.

Вербок соседствовал с Суквером, землями семейства Ломыга, которые охватывали все леса, включая Темнолесье. Леса были обширны, и никто не знал, насколько далеко они тянутся, но густо населён был лишь небольшой участок Суквера, свободный от лесов. И почти на самой границе Суквера и Изкара располагался Баско – город, вблизи которого жил Озар со своими дочерьми.

Мрак, пытаясь заслужить прощение Лаэрты, охотно рассказал ей всё, что знал о замке Мармагона. Помогая Лаэрте, он во многом помогал и себе, ведь, что бы ни думала Лаэрта, спасая её, Мрак предал Мармагона, а тот такого не прощал. Мармагон обосновался в бывших владениях Вепрей в Темнолесье. После гибели всего семейства поколение назад земли Вепрей присоединили к Сукверу – он был ближе всего.

Но в Темнолесье, что вполне соответствовало названию, никогда не было ничего, помимо дремучих лесов. Поэтому замок Вепрей остался никому не нужным и медленно зарастал в дебрях леса. И Мармагон, которому не особо была нужна компания, воспользовался этим и занял замок, против чего никто не возражал.

Из Суквера добраться до замка Мармагона проще всего было через Вербок. Так, от Суквера до Вербока была довольно хорошая дорога, которая у небольшого отряда заняла бы не больше недели. Вербок, находящийся на берегу огромного озера, которое объединяло большую часть рек, бегущих с гор к морю, имел неплохой флот, воспользовавшись которым, можно было всего за неделю по реке добраться почти до самого замка Мармагона.

Урма, без кораблей которых осуществить этот план было невозможно, выразили полное согласие и пообещали поддержку войску Говена. До Мармагона можно было бы добраться и через леса Суквера, но это заняло бы по меньшей мере месяц, так что предпочтение отдали водному маршруту.

Небольшой отряд, в представлении Говена состоявший из двухсот человек, был набран довольно быстро. Так что уже через пару недель после коронации они выдвинулись в Вербок.

Вместе с ними домой, в Вербок, вернулись Лесьяр и Руда Урма, что и неудивительно, ведь именно на их корабли

рассчитывал Говен. Однако ж, помимо них, компанию им составили и все остальные. Молодёжь, что так сдружилась во время праздничных мероприятий, решила ещё немного времени провести вместе. К тому же Урма пообещали дать бал по приезду, а когда это кто отказывался от веселья? Так что и Белава Русак, и Лана Тарпан, и даже Людмила Ломыга также направились в Вербок. Такая большая компания, конечно, несколько замедлила их путешествие, но, как благо-разумно заметил Искрен на недовольное ворчание Лаэрты, ждал Мармагон почти полгода, подождёт и ещё неделю.

Как бы то ни было, через восемь дней они, довольно измотанные дорогой, добрались до столицы Вербока. И даже Лаэрта вынуждена была согласиться, что пара дней в замке Урма пойдёт им на пользу. В Вербоке, располагавшемся на равнине, было более многолюдно, и это стало заметно уже через несколько дней после того, как они покинули Суквер. Поэтому и столица земель Урма, главный город Вербок, была гораздо больше Суквера и Изкара, в которых до этого уже побывала Лаэрта.

Проезжая по многолюдным, шумным, тесным улицам Вербока, в котором дома буквально насканивали друг на друга, сражаясь за каждый свободный метр, Лаэрта с ностальгией вспомнила Дэнэб. Её провинциальный, немного неспешный город определённо нравился ей больше столицы.

К замку, главные ворота которого выходили на городскую площадь, они подъехали уже перед закатом. И в лучах захо-

дящего солнца казалось, что замок объят пламенем. Когда они подъехали ближе, Лаэрта рассмотрела, что заходящее солнце отражалось от белых мраморных плит, коими были покрыты все стены замка. На этот раз гостей в замке было гораздо меньше, чем на коронации, так что даже Лаэрте выделили отдельную комнату, чему она не могла не радоваться.

Организовать бал было не пятиминутным делом, так что им предстояло задержаться в замке Урма ещё на несколько дней. Однако у гостей было мало шансов заскучать. Только на то, чтобы быстро осмотреть город, потребовался бы целый день. А если забрести на рынок в восточном квартале, что, казалось, никогда не прекращал свою работу, ведь, когда закрывались одни палатки, тут же открывались другие, то можно было и вовсе потерять пару дней, совершенно не заметив.

Рынок, по праву считавшийся самым большим, объединял торговцев со всех земель. Здесь были и ювелирные лавки, товары в которые доставляли напрямую из мастерских Падера, и ателье, кроющие одежду на любой самый изысканный и извращенный вкус из закупленных тканей из Мушера и кожи и меха из Суквера, и, конечно, оружейные лавки, которыми заведовали кузнецы из Изкара.

Девушки не смогли отказать себе в удовольствии и весь следующий день провели, блуждая по рынку от лавки к лавке.

Они разделились, чтоб не ходить большой компанией.

Людмилу и Лаэрту сопровождал Лесьяр, а Белаву и Лану – Руда. Искрен воздержался от походов по рынку, справедливо решив, что Лаэрта и одна потратит достаточно денег Стоумов.

Завидев оружейную лавку, Лаэрта вдруг вспомнила о ножах, некогда подаренных ей Избором, и не смогла вспомнить, когда и где их потеряла. Благо разумно решив не заниматься выбором оружия при посторонних, девушка оставила Лесьяра с Людмилой, договорившись встретиться с ними через пару часов. Не сразу, но она всё же смогла объяснить торговцу, что именно ищет, и уже спустя каких-то полчаса стала счастливой обладательницей двух прекрасно украшенных, изящных, но при этом достаточно острых кинжалов. Проведя рукой по лезвию, Лаэрта почувствовала, как от кончиков пальцев пробежали мурашки. Она уже позабыла это ощущение, но тело помнило, каково это – держать в руках нечто столь опасное и прекрасное одновременно. Здесь же она прикупила и пару новых кинжалов для Избора. В обозримом будущем она не планировала путешествие в Дэнэб, но верила, что рано или поздно у неё получится вернуться туда. А с подарками возвращаться всегда приятнее, чем без них.

Покинув оружейную лавку, Лаэрта прошла пару рядов и поняла, что, раз уж собирает подарки, неплохо бы и для остальных что-нибудь присмотреть. Хубаве и Упаве – девушкам-гимнасткам – она быстро нашла пару лёгких ярких

шелковых платьев. Младу, что так старался во всём походить на Избора, она, вернувшись к оружейнику, также купила небольшой кинжал. Забаве, единственному ребёнку среди циркачей, Лаэрта выбрала чудесную милую куколку. Данко и Весее, своим радушным домовладельцам, Лаэрта купила часы с кукушкой, с задором представив, как Данко будет благодушно ворчать на шумящую по ночам птицу. Над подарком Маргане можно было и не думать – это был набор медных кастрюль всех размеров.

Гуляя по рынку, она не могла не заметить Мрака, словно невзначай бродящего неподалеку от неё. С начала их поездки он всё время оказывался в зоне её видимости, чем нещадно раздражал Лаэрту. Он очень помог им, рассказав про Мармагона, но это нисколько не уменьшило злость девушки на него. А мириться с тем, что ей не нравилось, она не привыкла, поэтому, подозвав Мрака, заметила:

– Я хочу, чтобы ты отправился в Дэнэб.

– Но я могу помочь, когда вы доберётесь до замка Мармагона, – растерянно возразил он.

– В этом нет необходимости, если ты рассказал всё, что знаешь, – холодно ответила девушка. Даже обычный разговор с ним давался ей с трудом. – Ведь ты же всё рассказал?

– Да, всё, что знал. – Мрак опечаленно добавил: – Я думал, ты решила дать мне шанс, а ты прогоняешь меня.

– Я тебя не прогоняю, – медленно, чтоб не закричать, процедила девушка. – Я отправляю тебя в город, в который со-

бираюсь вернуться сама.

– Ты хочешь, чтоб я ушёл?

– Я хочу, чтоб ты дал мне время! – Лаэрта всё-таки не сдержалась, закричала. Но поймав себя на этом, вздохнула и пояснила с тоской в голосе: – Я видеть тебя не могу. Дай мне время совладать с этим. Я надеюсь, что смогу это сделать к тому времени, как вернусь в Дэнэб.

– А ты вернёшься? – уже понимая, что не может не дать ей того, что она просит, и что он готов вернуться в Дэнэб, с надеждой спросил Мрак.

– Таков мой план. – Улыбнулась девушка. Она не заглядывала так далеко в своё будущее, но сейчас поняла, что именно этого она и хочет – вернуться в Дэнэб, когда вся эта кампания с пророчеством Чародея закончится.

Так они и решили. А раз Мрак направился в Дэнэб, Лаэрта передала все купленные ею подарки, поняв, что возить их с собой ей совсем не с руки, а оставить их где-то дожидаться, пока она закончит свои дела, было и вовсе непредусмотрительно, потому что где она сама окажется через неделю, Лаэрта не имела ни малейшего представления.

Закупив кучу нужных вещей и несколько куч ненужных, девушки вернулись в замок Урма лишь к ужину. А весь следующий день ушёл на подготовку к балу, ведь он должен был стать последним в длинной веренице балов, связанных с коронацией. В следующий раз семьи соберутся лишь через несколько лет на очередную передачу власти – от Ломыг к

Хортам.

Как любая уважающая себя девушка, опоздав к началу праздника, Лаэрта вошла в зал и огляделась в поисках компании. Поскольку опоздала она почти на два часа, бал был уже в разгаре. Гости танцевали и веселились. Поискав глазами Искрена, она нашла его танцующим с Ланой Тарпан и не в пример обычного решила не влезать между ними. В конце концов, Искрен идёт с ней к замку Мармагона, не отбирать же у Ланы последний вечер с ним.

Она хотела было поболтать с Лесьяром – теперь, когда они выяснили отношения, между ними вновь установилась крепкая дружба, и ей нравилось с ним общаться. Но и он был занят – танцевал с Людмилой Ломыга. Говен, её брат, стоял в одиночестве, но пока Лаэрта решала, стоит ли подойти к нему или же оставить беседу с ним на их долгое путешествие до замка Мармагона в Темнолесье, и он пригласил Белаву Русак на танец. «Всё равно я не очень-то и хотела с ним общаться», – с усмешкой подумала Лаэрта, увидев, что и они уже кружатся в танце.

Но скучать одна она не привыкла, поэтому, завидев сидевшую на небольшом диванчике Руду Урма, тут же подошла к ней.

– Вечер добрый. Не против, если я здесь присяду? – спросила она, едва подойдя.

– Пожалуйста, буду рада. Нам не случилось ещё пообщаться, что меня страшно огорчает, – радостно согласилась Руда.

– Действительно. Но мы это поправим. – Вернула ей улыбку Лаэрта.

– Мой брат очень лестно отзывался о тебе.

– Могу ответить ему тем же. Право, не могу ничего дурного сказать о нём, – приятно удивилась Лаэрта.

– Тебя же не задевает, что он с Людмилой? – с искренним участием поинтересовалась Руда.

– Что? – переспросила Лаэрта и вслед за Рудой перевела взгляд на мило щебечущих в уголке Лесьяра и Людмилу. И, заметив, с какой теплотой и симпатией те не отрывают друг от друга глаз, поняла, о чём спрашивала его сестра, протяжно добавила: – А-а-а, вот ты о чём.

Лаэрта невольно задумалась о том, насколько откровенен был с ней брат. Они были близнецами, и, насколько она помнила из его рассказов, они были очень близки друг другу, так что, возможно, Лесьяр был более откровенен, чем хотелось бы Лаэрте. Но она поспешила успокоить Руду, что взволнованно прижала ладонь ко рту, поняв, что Лаэрта ни о чём не догадывалась:

– Тебе не стоит переживать. Мы с Лесьяром хорошие друзья, смею надеяться. И я только рада за него.

– Прости, мне не стоило об этом говорить, – запоздало смутилась Руда. – Просто брат столько рассказывал о тебе, что я как будто давно тебя знаю, словно мы уже стали подружками.

– Всё в порядке. – Махнула рукой Лаэрта, до сих пор не

придя в себя от удивления. Похоже, она была слишком эгоистична для того, чтобы обращать внимание на то, что происходит вокруг, и совсем не заметила, когда Лесьяр и Людмила стали симпатизировать друг другу.

– Заметила, как быстро они все разбились на парочки? – спросила Лаэрта, поскольку Руда, смущенная тем, что сунула нос не в своё дело, не решалась вновь начать разговор.

Руда согласно кивнула, не заметить разбредшиеся по залу парочки было сложно. И она добавила, немного смущаясь:

– Я, признаюсь, немного завидую им. Это же так прекрасно – встретить любовь. – Руда мечтательно закатила глаза. – Встретить любовь всей жизни, чтоб уже никогда не расстаться. Увидев кого-то лишь однажды, узнать при первой встрече, первом взгляде, потерять себя, чтобы обрести нечто большее.

– Тебе бы с Радимом Хортом познакомиться, – не веря своим ушам, заметила Лаэрта. Но, спохватившись, добавила: – Хотя что это я? Вы наверняка знакомы.

– На последней передаче власти от наших родителей к Годимиру Ломыга, что была в Суквере, Радима не было. Я уже плохо помню, но, кажется, он проводил зиму в Падере и из-за запоздавшей в тот год весны не успел вернуться вовремя. Так мы встречались с ним очень давно, когда оба мы были ещё совсем детьми, так что я едва его помню, – охотно пояснила Руда. И с любопытством переспросила: – А почему мне стоит с ним познакомиться?

– Мне кажется, он бы тебе понравился, – ответила Лаэрта, не став говорить, что и ему присуща такая же безоговорочная вера в любовь, как, похоже, и Руде. Вот уж кому бы больше пошло быть его Звездой.

Бал закончился далеко за полночь, почти на рассвете. Всем присутствующим никак не хотелось завершать сезон празднеств. Ведь уже на следующий день все разъедутся и вернутся в свои замки, с тем чтобы вновь собраться лишь через несколько лет.

Даже те, кому на рассвете предстояло начать свой недельный поход к замку Мармагона, не расходились до утра. К тому же их ждало несколько дней путешествия по воде, в которые у них будет время отдохнуть и набраться сил. По плану корабли должны были доставить их настолько далеко, насколько это возможно.

План был благополучно осуществлён, и уже через пять дней они высадились на берег в двух днях неспешного пути через лес до замка, в котором обосновался Мармагон. Прибытие такого большого отряда не осталось незамеченным в замке, но всё же готовы к обороне они не были. Да и кто бы готовился обороняться в мире, в котором никто не нападает? Поэтому атака, что была организована на ворота, преграждавшие путь к внутреннему двору, прошла на удивление удачно, без потерь как со стороны нападавших, так и со стороны обороняющихся.

Замок ещё оборонялся, но это было уже не важно – они вошли в ворота. А это значило, что Лаэрта могла подойти к колодцу, что всё так же стоял посреди внутреннего двора. Битва затихла на время: нападающие, проникнув во двор крепости, спешно занимали позиции, защитники замка отступили к главному зданию и укрепляли оборону. Лаэрта же не спеша подошла к колодцу и, немного подумав, медленно провела рукой по его кладке. И наконец, ощутив знакомое тепло, по которому очень соскучилась за последние полгода, ковырнула ничем не примечательный кусок глины.

Всё что угодно могло произойти за эти полгода: кто-нибудь мог случайно стукнуть кладку колодца ведром и она уже ничего бы не нашла, или колодец мог пересохнуть и его бы разобрали, но она по-прежнему была здесь. Звезда, которую Лаэрта спрятала, когда её, связанную, привезли в замок Мармагона. Уже тогда девушка поняла, что ни в коем случае нельзя позволить ему завладеть этой звездой. Лаэрта сжала в ладони заветный камушек и почувствовала, как её наполняет сила, она словно выздоровела после долгой болезни. Странно, что раньше она этого не замечала, но, вновь взяв звезду в руки, она поняла, что та была её частью, и сейчас, вернув себе эту часть, она осознала, какой нецелостной, словно поломанной, она была в последние несколько месяцев.

А между тем так расслабляться всё же не стоило. Битва, что ненадолго затихла, всё же не прекратилась, и, напоминая об этом, совсем рядом с девушкой пронеслась стрела.

– Хватит! – выкрикнула она, потому что теперь могла себе это позволить. – Желаю, чтобы все защитники замка сложили оружие и выстроились у главных ворот.

На это потребовалось время, но всё же вскоре ничего не понимающие люди стояли у главных ворот. Лаэрта обернулась к ним и, окинув всех осуждающим взглядом, продолжила:

– Вы, защитники крепости, а также все, кто служил Мармагону или жил в замке, выйдете за ворота и будете идти от замка так долго, сколько позволят вам ваши ноги, потом отдохнёте и будете идти ещё. Вы сможете остановиться лишь через три дня, но и после у вас никогда не возникнет желания вернуться сюда или мстить кому-либо из тех, кто был здесь сегодня. Так будет, ибо я желаю этого.

И они, медленно развернувшись, нестройной толпой пошли прочь от замка, они и ещё несколько десятков людей, вышедших из замка. Мармагона среди них не было, но она и не ожидала его увидеть – плохой бы из него был собиратель звёзд, не найди он способ оградить себя от магии звезды.

Лаэрта слишком долго жила без звезды, а потому не хотела терять ни минуты и тут же продолжила:

– Желаю знать, как Чародею удалось объединить звёзды и где сейчас недостающие звёзды из короны Чародея.

Даже обладание звездой не способно исполнить абсолютно все желания, потому что одна звезда не могла ничего рассказать о другой, и где находится седьмая звезда короны Чародея сейчас, Лаэрта так и не узнала. Но показать прошлое звезда была способна.

Лаэрта оказалась в светлой большой комнате. Большие столы под окнами, что выходили на все четыре стороны комнаты, сплошь были заставлены всевозможными баночками и скляночками. Девушка выглянула в одно из окон лишь за тем, чтобы узнать, что находится она на высоте примерно четвертого этажа замка, вокруг которого был лес. Спустя несколько мгновений в комнату быстро вошёл темноволосяй мужчина в потрепанном, пёстром, даже немного нелепом халате. Лаэрта подумала, что он слегка не в себе, потому как он, быстро пройдя к одному из столов, пробормотал, разговаривая сам с собой:

– Лоса, я знаю, чем это грозит, но иного пути не вижу.

Он замолчал и через какое-то время вновь заговорил, словно продолжая вести спор:

– Если мы сделаем так, чтобы через время появился кто-то, кто сможет отменить действие нашего заклинания, мир не рухнет от перекоса магии. Знаю-знаю, но к тому времени в мире уже будет гораздо больше семи звёзд, так что их силы точно хватит перекрыть нашу магию. А люди за это время настолько привыкнут жить без войны, что поймут наконец, что это возможно.

Когда мужчина несколько раз прошёл мимо неё, Лаэрта поняла, что он её не видит, а, вспомнив своё желание и сопоставив факты, решила, что перед ней Чародей. Словно подтверждая её предположение, мужчина достал из-за пазухи корону и, положив на стол, что стоял посреди комнаты, сосредоточенно замолчал. Лишь спустя несколько мгновений девушка поняла, что он загадывал желание, ибо корона вдруг исчезла, а на её месте появились уже знакомые ей украшения: диадема, бармы, брошь, перстень, браслет и кулон, а также шпага с эфесом, украшенным драгоценностями. Лаэрта, не сдержавшись, ругнулась:

– Кто так делает?! Как мы должны были догадаться, что седьмую звезду нужно искать в оружии, тогда как все остальные были спрятаны в украшениях?!

Чародей, словно услышав, обернулся и долго рассматривал что-то за ней, но, так ничего и не увидев, досадливо махнул рукой, словно отгоняя надоедливую букашку. Взяв украшения и шпагу со стола, он покинул комнату, а Лаэрта неожиданно обнаружила, что стемнело и вдоль всех стен зажглись свечи. Это произошло так быстро, что она не успела заметить, когда именно день сменился ночью.

Вскоре в комнату быстрым шагом вновь вошёл всё тот же мужчина, но если для девушки прошло лишь мгновение, для него прошло не одно десятилетие: он заметно постарел и поседел. Чародей вновь выложил все украшения и шпагу на стол и усталым голосом пробормотал, очевидно, уже давно

привыкнув говорить вслух:

– Ну что ж, Лоса, я думаю, мы готовы наконец. Потому первым моим желанием будет, чтоб все эти вещи вернулись к своим хозяевам, когда мы закончим.

Бродя по комнате, он собирал на стол всевозможные баночки и скляночки, всё так же бормоча себе под нос. Лаэрта следовала за ним по пятам, пытаясь запомнить, что он делает, но содержимое большей части склянок так и осталось для неё загадкой.

– Хотелось бы верить, что к тому времени они не утратят всех знаний, – проворчал старик. – Потому что если уж самое простое заклинание «Дара и Жертвы» забудется, не завидую я следующему носителю, ведь разрушать наложенное заклинание другим стократ сложнее.

Чародей задумался, а потом взял бумагу и написал на ней несколько строк. Лаэрта с любопытством посмотрела на оставленный им на столе листок и с огорчением осознала, что не понимает ни буквы из того, что там написано. Старик же всё так же ходил по комнате, собирая ингредиенты к заклинанию. Лаэрта поблагодарила его за его привычку разговаривать вслух, ведь теперь она знала, какое именно это заклинание. Она перестала следить за Чародеем, понимая, что всё равно не запомнит составляющие зелья, и возложила надежду на то, что Стоумы найдут его в книгах. Вместо этого она пожелала:

– Желая знать, что написал на этом листке Чародей.

Но ничего не изменилось, для неё на листке по-прежнему оставались лишь какие-то иероглифы. Это могло означать лишь одно – там было что-то, что касалось звезды. Девушка пожелала, чтоб у неё появился карандаш и лист бумаги, и скрупулёзно срисовала всё, что было на листке Чародея, стараясь, чтоб ни один завиток не отличался. Опять приходилось надеяться на знания Стоумов.

Между тем старик перестал бродить по комнате и начал смешивать составленные на столе ингредиенты в чаше. Он продолжал помешивать жидкость в чаше, пока та не стала равномерно серебристой, и, достав из-за пазухи небольшой камень, всё так же устало проговорил:

– Спасибо тебе, Лоса, у меня была удивительная жизнь благодаря тебе. Я верю: то, что мы хотим сделать, будет не напрасно. И с этой веры я начинаю Заклинание.

Ещё секунду постояв, Чародей положил камень в чашу и торжественно произнёс:

– Звёзды отныне не будут покидать мир, ибо их сила нужна людям. Семь семей, обладающих этими звёздами, будут править в согласии и единстве, и войны прекратятся отныне. Дар – это мир без войны.

И старик, ткнув ножом правую ладонь, позволил паре капель крови стечь по руке и упасть в чашу. Рана тут же затянулась, и ничего не произошло, а он продолжил с прежним величием и силой в голосе:

– Жертва – самое дорогое, что есть в моей жизни: моя

звезда Лоса и сама моя жизнь, я жертвую этим, чтобы желание о мире обрело силу.

Он резанул левую ладонь и добавил ещё несколько капель своей крови в чашу, жидкость в которой пошла рябью, затем заискрилась, засияла, и сияние за мгновение заполнило всё вокруг. Лаэрта и Чародей оказались в совершенно ослепительной белизне. Посмотрев прямо на девушку и впервые увидев её, он улыбнулся ей тепло, словно извиняясь, а потом растворился в этом сиянии. Лаэрта вновь оказалась на золотом песке внутреннего двора замка Мармагона.

Она почти грациозно опустилась на песок, опершись спиной на кладку колодца, медленно осознавая увиденное, а потом улыбнулась: Лаэрта знала, что делать дальше, и знала, где находится ещё одна звезда из короны Чародея сейчас. Это, конечно, не отменяло того, что она до сих пор не представляла, где находится кулон Урма, который она сама же и потеряла, но проблемы можно решать постепенно.

– Всё в порядке? – Тут же подскочил Искрен, помогая встать.

– Да, подожди минуту. – Девушка с радостью увидела, что в её руке зажат листок со скопированным ею текстом. – Желаю узнать заклинание «Жертвы и Дара».

Ничего не произошло, разбираться почему, Лаэрта не стала.

– Ну ладно, – не сильно расстроилась девушка. Обернувшись к терпеливо стоящему рядом Искрену, она протянула

ему листок. – Спроси у своего деда, что он знает про заклинание «Жертвы и Дара» и что здесь написано. Когда что-то узнаешь, просто скажи: «Желаю оказаться рядом с Лаэртой». Запомнил?

Получив утвердительный ответ, Лаэрта пожелала:

– Желаю, чтобы Искрен оказался у себя дома и вернулся обратно, когда произнесёт фразу «Желаю оказаться рядом с Лаэртой».

Повинуясь её желанию, Искрен тут же исчез. Что ж, она была почти уверена в том, что Всемудр сможет найти заклинание и перевести послание Чародея, ей же ещё предстояло найти шпагу. Лаэрта огляделась по сторонам и почти сразу нашла глазами Говена, что стоял со своими военачальниками и после столь поспешной сдачи крепости и ухода всех её жителей, похоже, не очень понимал, что делать. Она махнула ему рукой, и он, сразу поняв, подошёл поближе.

– А где Искрен? Он вроде только что был здесь, – удивился он.

– Маги такие непостоянные, сказал, что у него дома срочные дела. – Небрежно махнула рукой Лаэрта и без предисловий попросила: – Могу я осмотреть твою шпагу?

Говен если и удивился, то не показал виду, с почтением передавая ей требуемое. Лаэрта быстро пробежала руками по эфесу и сразу нашла звезду, что скрывалась под видом небольшого аметиста.

– Это ещё моего прадеда, – не без гордости заметил Говен.

Лаэрта задумчиво смотрела на него, не обращая внимания на его реплику, так как решала моральную задачу: можно ли было заставить действующего короля сделать то, что она пожелает? С одной стороны, следующему королю – Радиму – она стёрла память, ни на секунду не задумавшись. И угрызениями совести по поводу исполнения этого своего желания она не терзалась ни разу. С другой стороны, судьбой мира можно оправдать почти всё что угодно. Лаэрта даже хмыкнула, когда поняла, что в её рассуждениях, как бы она себя ни убеждала, другой стороны не было. Для приличия она попыталась представить аргументы против того, чтобы заставлять другого человека исполнять свою волю, но её размышления прервал появившийся Искрен:

– Дед сказал, что помнит это заклинание, они с отцом собирают ингредиенты. А на перевод потребуется пара часов.

– Отлично, – порадовалась девушка и, махнув рукой на мораль, решила.

Она ковырнула ножом аметист на шпаге Говена и тут же пожелала, чтоб на его месте возник новый. Напрочь проигнорировав возмущенный окрик Говена, Лаэрта вложила в его руки шпагу и проговорила:

– Во-первых, желаю, чтоб ты не помнил о том, что я только что сделала с твоей шпагой. Во-вторых, желаю, чтоб ты со своими людьми покинул замок. Отправляйтесь домой, всё прошло успешно, замок был взят, Мармагон убит при штурме.

Говен буквально секунду постоял в ступоре, а затем, решительно задвинув шпагу в ножны, громко крикнул:

– Уходим, нам больше нечего здесь делать.

– Ну ты даёшь, – восхищенно заметил Искрен, глядя на то, как отряд Говена стройными рядами покидает двор замка.

– Пошли искать безвременно убитого Мармагона, – польщенно ухмыльнулась девушка, направляясь к замку.

Они вместе обошли первый этаж, не найдя ровным счётом никого.

– Разделимся, – предложила девушка. – Ты обойди второй этаж, я пока поднимусь на третий.

Они так же безрезультатно обошли второй и третий этажи. Лаэрта вышла на лестницу и увидела на пролёт ниже разводившего руками Искрена. Скопировав его жест, она начала подниматься выше, бросив на ходу:

– Догоняй.

Лаэрта поднялась на последний этаж буквально на пару секунд раньше. Едва поднявшись на этаж, она увидела, как в её сторону несётся ослепляющая волна света, и инстинктивно сжалась, однако волна прошла сквозь неё, не причинив никакого вреда. Поняв, что абсолютно цела, девушка огляделась и почти сразу увидела Мармагона, стоявшего в противоположном конце зала. Он стоял, непонимающе глядя на Лаэрту, а в следующее мгновение стена за спиной девушки рухнула: у стены, в отличие от Лаэрты, не было зажатой в руке звезды, благодаря которой магия звёзд не подействовала

бы на неё. Они несколько мгновений простояли, глядя друг на друга, ведь и Лаэрта не могла ничего сделать Мармагону по той же причине, по которой он не смог причинить вред ей. А потом по лестнице взбежал Искрен, и Лаэрта, испугавшись за него, бросила первое, что пришло в голову:

– Желая, чтобы магия Стоумов срабатывала так, как они ожидают.

А Мармагон решил попробовать ещё раз и запустил новую волну ярости в девушку. Искрену потребовалось лишь несколько мгновений, чтоб сориентироваться, и он тут же бросил обезоруживающие заклятие в Мармагона и оказался рядом с ним. Но к тому моменту, как оно подействовало, рухнула ещё одна часть стены. Куском отлетевшей стены Лаэрту сбило с ног. Когда пыль рассеялась, Искрен увидел, что заклинание сработало, но для надёжности добавил ещё одно, связав Мармагона, и лишь затем обернулся в поисках девушки. Лаэрта к этому времени уже села и пыталась стряхнуть с себя хоть немного пыли.

– Ты как? – увидев кровь на ноге девушки, обеспокоенно спросил Искрен.

Лаэрта быстро взглянула на рану и, поняв, что та не серьёзна, успокоила его:

– Нормально, просто царапина, – говоря это, она уже обмотала ногу куском платья. Заметив, что кровь всё равно сочится, Лаэрта добавила, недовольно поморщившись: – Большая царапина.

Приняв руку Искрена, девушка встала и похромала в сторону лежащего на полу Мармагона. Он был абсолютно беспомощен, скованный заклинанием Искрена, но вызывал в ней лишь злость и ненависть. Однако сейчас она могла с этим совладать и держала себя в руках гораздо лучше, чем когда встретила с Мраком, что её саму несколько удивило. Разбираться в сложностях своих чувств времени не было, так что она оставила самоанализ на потом.

Ожидать, что Мармагон сам расскажет, где звезда, было бы бессмысленно, и Лаэрта, лишь секунду посмаковав мысль о том, что может попробовать выпытать у него местонахождение звезды, как сделал это некогда он, тут же отмахнулась от неё. Это было не для неё, к тому же Лаэрта была уверена, что звезда у него – он не смог бы расстаться с такой ценностью, а потому, тщательно обыскав его, довольно легко нашла звезду, вшитую в его пояс.

Чародей собрал восемь звёзд, для того чтобы произнести заклинание: семь из них были в его короне, что он впоследствии разделил между основателями правящих семей, и та, носителем которой он был. Лаэрта нашла пять звёзд из короны Чародея, и в том, что добудет и шестую звезду, спрятанную в бармах Хортов, она не сомневалась. Тогда со звездой Мармагона и её звездой у неё их тоже будет восемь. Но хватит ли этого для отмены заклинания Чародея? Будь у неё девять звёзд, сомнений бы не оставалось. Но где звезда Урма, она по-прежнему не знала.

Вспомнив о кулоне Урма, Лаэрта поняла, что так и не узнала у Стоумов, был ли на Мерцане кулон, когда она пришла к ним. Если тогда он был на ней, можно было попытаться пройти по следам Лаэрти, есть вероятность, что кулон бы отыскался – не могла звезда просто так кануть в небытие. А подумав о Стоумах, она вспомнила о листке бумаги, что Искрен уже передал Всемудру. Не будь это важно, Чародей не стал бы отвлекаться и делать запись прямо перед произнесением заклинания. А значит, ей следовало знать то, о чём он хотел сообщить.

Оставив Искрена с Мармагоном, девушка пожелала оказаться в замке Стоумов и почти сразу нашла Всемудра.

– Я уже написал тебе заклинание, потребуется время, чтобы найти все ингредиенты, но Вид уже занимается этим, – едва увидев Лаэрту, отчитался он.

Лаэрта отмахнулась: она успокоилась по поводу заклинания, ещё когда Искрен сказал ей о том, что Всемудр его помнит, и даже не думала об этом.

– А что с переводом? – спросила она то, зачем появилась здесь.

– Не уверен, что перевод точный, этот язык давно мёртв, но если дословно: «Имя звезды – это ключ, десять звёзд меньше одной, что откликнется».

– Имя звезды? – задумалась Лаэрта.

Она вспомнила, как Чародей всё время бубнил себе под нос, она-то полагала, что он просто разговаривал сам с собой. Но если он всё это время разговаривал со звездой и она ему отвечала, это превращало его из слегка безумного старика в нелепом халате в действительно могущественного волшебника. С ней звезда не разговаривала, и как позвать её, чтоб она ответила, Лаэрта не имела ни малейшего представления.

– Если я правильно поняла, Чародей называл свою звезду

Лоса, – замедленно произнесла Лаэрта, продолжая размышлять.

– О, это многое объясняет, – обрадовался старший из Стоумов. – Я видел это в некоторых его записях, но никак не мог предположить, что это о звезде.

Лаэрта, которая только что испытывала радость и эйфорию от того, что им не только удалось достать все звёзды, но и узнать, как отменить заклинание Чародея, сникла, осознав, что даже её восьми звёзд не хватит, если одна звезда Чародея, откликнувшись на имя, была сильнее десяти звёзд. Десяти звёзд у неё не было, и взять их было неоткуда. Единственным шансом разрушить заклинание Чародея, чтобы отпустить звёзды и вернуть равновесие миру, было узнать Имя её звезды.

– И как можно узнать Имя звезды? – с надеждой спросила девушка, надеясь, что Стоум, как всегда, найдёт ответ на все её вопросы.

– Боюсь, я не могу этого сказать. – Всемудр задумчиво помолчал, а затем добавил не очень уверенно: – Полагаю, это можешь знать только ты.

– Вот вообще не помогли, – недовольно пробурчала девушка.

Откуда она могла знать Имя звезды? Та как-то не представилась, когда рухнула почти ей на голову, не перебирать же, в самом деле, все известные ей имена в надежде на успех. В этот момент в зал вошёл Вид, одетый в дорожный костюм.

– Далеко собрались? – увидев его в столь непривычном образе, с сарказмом спросила Лаэрта, от удивления даже забыв на мгновение о том, что её только что так опечалило.

– За ингредиентами к твоему зелью. Можно было и попроще выбрать заклинание.

– Все претензии к Чародею. – Подняла руки в защищающемся жесте девушка и добавила с сомнением: – Вы же знаете, что снова можете пользоваться магией?

По их взглядам она поняла, что не знали, так что подбодрила:

– Искрен уже опробовал, всей магии мы ещё не помогли и мир всё ещё далек от равновесия, но ваша магия работает как прежде.

Вид на секунду задумался, а уже в следующее мгновение держал в руках небольшой сундук.

– Вот твои ингредиенты, можешь идти спасать мир.

Лаэрта попыталась саркастически ответить, но, как и всегда, когда дело касалось её звезды, запнулась. Надо отдать ей должное, она почти сразу поняла, что теперь, имея на руках больше одной звезды, она может отменить все свои неаккуратно загаданные желания, коих, к её стыду и сожалению, было предостаточно. А потому после секундного раздумья произнесла:

– Желаю, чтоб желание, о котором я сейчас думаю, осуществилось, – а уже спустя секунду добавила, понимая, что это сработало: – Непременно займусь спасением мира сразу,

как только узнаю, как зовут мою звезду.

Вид даже спрашивать не стал, сразу узнав, о чём она: почти год прожив без магии, он с наслаждением вернулся к её использованию. И только сейчас обратив внимание на её разодранную ногу, предложил:

– Давай я тебя подлечу, раз наша магия действует.

Девушка улыбнулась.

– Спасибо за идею, я сама. Желаю, чтоб моё тело стало таким же здоровым, как было до встречи с Мармагоном.

И Лаэрта тут же рассмеялась от облегчения. За последнее время она привыкла к постоянной ноющей боли от шрамов и не обращала на неё внимания, но, избавившись от неё, сразу поняла, насколько та мешала. А когда, проведя рукой по потяжелевшей голове, поняла, что её серебряные волосы тоже вернулись, раскинувшись сияющей волной за спиной, и вовсе едва не прослезилась. Лаэрта от избытка чувств даже повальсировала немного, до конца не отдавая себе отчёта в причинах такой радости. Какое же это, оказывается, счастье – жить в теле, которое не болит.

Всемудр, что уже сидел с какой-то книгой, заметил:

– Не знаю, поможет ли это, но Лоса – женская вариация имени Лось, а Лосем называли раньше срединную звезду. Некоторые источники намекают, что именно она была звездой Чародея.

– А вы знаете, какая звезда упала с неба год назад? – с надеждой спросила девушка.

– Нет.

– Тогда вообще ничем не поможет, – вздохнула Лаэрта, вновь расстроившись.

Внезапно их разговор прервали сообщением о том, что прибыл Далебор Хорт. И Лаэрта сразу вспомнила, что хотела узнать, как там Радим: ничего не изменилось, она по-прежнему ни на секунду не задумывалась о его судьбе, пока ей не напоминали.

– Я пришёл просить о помощи, – наскоро разобравшись с обычными приветствиями, начал Далебор.

– Вы пришли по поводу болезни вашего сына? – кивнул ничуть не удивленный Вид.

– Да, – только и успел ответить Далебор, и прежде чем он успел продолжить, его прервали.

– Утро вечера мудренее. Вы проделали долгий путь, отдохните с дороги, – быстро заметила Лаэрта.

– Моё дело не ждёт до утра, – начал было Хорт, но на этот раз был прерван Всемудром.

– Ты полагаешь, мы не знаем, что ждёт, а что не ждёт до утра? – почти угрожающе заметил он.

– Тебе надо отдохнуть, утром поговорим, – гораздо более миролюбиво добавил Вид.

Понимая, что со Стоумами спорить бессмысленно, Далебор согласился и направился в отведённые ему покои. А на вопросительные взгляды Всемудра и Вида девушка беспечно пожала плечами и заметила:

– Я узнаю, как там бармы, а заодно посмотрю, что с его сыном.

Теперь, когда у неё была звезда, осуществить сказанное было проще простого, поэтому, пожелав этого, она тут же оказалась в комнате Радима.

Помещение утопало в полумраке: шторы были плотно задёргнуты, а пламя нескольких свечей давало лишь неровное скупое освещение. Поэтому Лаэрта сразу не увидела сидящего в углу Камила. А он её заметил: трудно было не заметить появившуюся из ниоткуда в центре комнаты девушку, волосы которой даже в бледном свете свечей искрились.

– Ты кто? – задал он вполне резонный вопрос.

– Что с ним? – кивнув на кровать, не ответила девушка. И видя, что тот не торопится отвечать, добавила: – Хочу, чтобы ты рассказал, что с ним.

– Он был ранен на охоте, рана загноилась, у него жар, он без сознания уже несколько недель. Мало кто верит, что он ещё может очнуться, – тут же рассказал юноша.

Лаэрта с облегчением выдохнула: что ж, хоть здесь она была ни при чём. У неё было достаточно необдуманных желаний, и узнать, что она повинна ещё и в болезни Радима, совсем не хотелось.

– Ты кто? – вновь спросил Камил, удивляясь тому, с какой легкостью ей только что всё рассказал.

– Ты плохо выглядишь, – сказала чистую правду девушка. Похоже, он не спал уже давно, карауля у кровати друга. – Я

хочу, чтобы ты поспал сейчас.

Не в силах противиться её желанию, юноша тут же обмяк в кресле и уснул крепким оздоровительным сном. А девушка подошла наконец к кровати и взглянула на Радима. И не смогла сдержать печального вздоха. От крепкого жизнерадостного юноши не осталось и следа. На кровати лежал иссушенный бледный мертвец. Удивительно, что он был до сих пор жив. Подойдя ближе, она услышала тяжёлое хрипелое дыхание, настолько медленное, что временами начинало казаться, что он и вовсе переставал дышать. Лаэрта приподняла край одеяла и не смогла не поморщиться от запаха гниющей плоти. Положив руку на его разгоряченный лоб, она задумалась на мгновение, а потом едва слышно прошептала:

– Желаю, чтоб ты выздоровел и, проснувшись утром, был полон сил, словно не было этой раны.

И тут же тело Радима начало приобретать тёплый розовый оттенок, рана затянулась, а кожа перестала обтягивать скелет, нарастив под собой хороший слой здорового мяса. Прислушавшись к теперь уже ровному глубокому дыханию, девушка улыбнулась. Совсем другое дело.

Чтоб избавиться от запаха, девушка пожелала, чтоб постельное бельё стало сухим и чистым. Ещё раз удостоверившись, что Радим ровно и глубоко дышит, Лаэрта накрыла его одеялом, заботливо подоткнув его со всех сторон.

Странно было вновь находиться рядом с ним, ведь по-прежнему, когда она была рядом, ей казалось, что ещё

немного – и она полюбит его всем сердцем. Что никак не отменяло того, что она совершенно о нём не думала, когда он был вне поля её видимости. Девушка поправила растрепавшиеся волосы и, не загадывая желание, – достаточно с неё уже было поспешных желаний, – а просто формируя мысль, подумала о том, что была бы рада, если бы Радиму никогда не довелось с ней встретиться.

– Не ищи меня и будь, пожалуйста, счастлив, настолько, насколько сможешь, по крайней мере, – едва слышно приказала она ему.

Оправляя одеяло перед уходом, Лаэрта заметила золотой блеск на шее Радима и, движимая извечным женским любопытством, потянула за цепочку, на конце которой оказался кулон, подаренный Мерцане Лесьяром Урма. Девушка не смогла не улыбнуться: всё-таки кулон был на ней, когда Радим нашёл её в лесу, а она, равнодушная к чужой семейной реликвии, даже не запомнила этого. И, конечно же, поспешно уходя из замка, даже не подумала о том, что оставляет кулон здесь.

Девушка провела рукой по кулону и, убедившись, что это звезда, сорвала его с шеи Радима. Можно будет сказать Далбору, что его забрали в качестве платы за помощь. А затем, вспомнив ещё об одном деле, Лаэрта пожелала оказаться у Барм Хортов.

Она оказалась в полной темноте и, не сразу сообразив, что в сокровищнице и незачем быть свету, здорово испугалась.

Но довольно быстро взяв себя в руки, всё же додумалась пожелать, чтоб в помещении стало светло, и почти сразу увидела то, за чем пришла.

Бармы стояли в центре зала на постаменте, утканном красным бархатом. Это было своеобразное ожерелье, которое надевалось на плечи владельца и достигало середины груди. Бармы состояли из семи эмалированных металлических медальонов-запон, обильно украшенных драгоценными камнями. Лаэрта некстати вспомнила описание, которое они нашли в одной из книг Стоумов: в целом все семь медальонов содержат 248 алмазов и 255 других драгоценных камней. На медальонах были изображены мужчины и женщины разных возрастов, из той же книги девушка знала, что это портреты первых королей – главы каждой из семей-правителей были увековечены на них.

Лаэрта вздохнула и принялась изучать камни, и на то, чтобы прикоснуться и почувствовать те из них, что не были звездой, у неё ушло больше десяти минут. Но она вновь безошибочно почувствовала звезду, едва её коснувшись. Верхний край одного из медальонов был украшен изумрудными искорками, одна из них и была звездой. Не особо заботясь о сохранности Барм, девушка варварски выковыряла звезду, а затем пожелала, чтобы на её месте возник камень такой же формы и окраса и чтоб на украшении не было заметно и следа её вмешательства.

Девушка улыбнулась, сжимая в руках очередную звезду:

теперь у неё были все семь звёзд Чародея, звезда Мармагона и её собственная звезда. А этого будет достаточно для того, чтоб отменить его заклинание и дать звёздам свободу. Но Лаэрта довольно быстро вновь перестала улыбаться: было бы достаточно, не узнай Чародей Имя звезды, а она не приблизилась к этому знанию ни на йоту.

С другой стороны, всего несколько месяцев назад у неё не было ни звезды, ни понимания того, как спасти мир. Лишь знание, что она обязана предотвратить крах магии и, возможно, самого мира. А сейчас у неё было заклинание, были звёзды, и если для того, чтобы найти Имя звезды, придётся перебрать все известные имена, что ж, она это сделает. Но не сейчас.

Девушка поняла, что это был очень длинный день и она страшно устала. Завалиться спать прямо в жутко охраняемой сокровищнице Хортов было бы слишком, пожалуй, даже для неё. Поэтому, пожелав оказаться у Стоумов которым, о чудо, ничего не надо было пояснять, ведь, вновь вернувшись к магии, они могли узнать всё сами, Лаэрта напрямик направилась в спальню, которую уже давно считала своей. За мгновение до того, как уснуть, девушка поймала себя на мысли, что, пожалуй, слишком много спален она считает своими: здесь у Стоумов, в замке Озара и, конечно, в доме Весеи и Данко в Дэнэбе. С мыслями о Дэнэбе она и уснула.

Не беспокоясь более о Мармагоне, ибо Стоумы с вернувшейся к ним магией вполне могли о нём позаботиться, Лаэрта решила наконец отправиться в Дэнэб. Она страшно соскучилась по друзьям, а последние несколько месяцев даже ей, вечно либо скучающей, либо сломя голову спешащей реализовать только что пришедшую на ум идею, показались излишне наполненными событиями. И небольшая передышка в месте, которое она считала своим домом, была ей просто необходима.

Лаэрта перенеслась в свою комнату в доме Данко и Весей в Дэнэбе и с умилением заметила, что за время её отсутствия там ничего не изменилось. А ведь её не было почти полгода, и долгое время от неё не приходило никаких вестей, и никакой надежды на её скорейшее возвращение. Поняв, что не стоит пугать своих радушных хозяев внезапным шумом в пустующей спальне, Лаэрта перенеслась на улицу и, как приличная девушка, позвонила в колокольчик у двери.

Каково же было её удивление, когда никто не ответил. Войдя в дом, она обнаружила, что там никого нет. Немного растерявшись, но решив, что те могли выйти на рынок или в гости, девушка перешла дорогу и постучала в соседний дом, в котором жили её цирковые друзья. Но и там никого не оказалось. И лишь спустя несколько минут, в которые она успе-

ла испугаться, переволноваться, придумав несколько вариантов трагических событий, что могли случиться с её друзьями, Лаэрта поняла, что сегодня день выступления и, очевидно, все были там.

Быстро добравшись до арены, девушка поняла, что её предположение оказалось верным: несмотря на начавшие сгущаться сумерки, на площади перед зданием цирка было уже шумно и многолюдно, но отовсюду продолжал прибывать народ. Похоже, за время её отсутствия цирк приобрёл ещё большую популярность и по-прежнему собирал полную площадь при каждом своём выступлении.

Лаэрта незамеченной прошла за кулисы. Дождавшись, когда настанет черёд выступления Избора, девушка подошла к нему и предложила свою помощь в выступлении. Он, очень удивившись её внезапному появлению, всё же довольно быстро взял себя в руки – плох тот метатель ножей, что не может успокоиться в мгновение ока.

– Ты откуда здесь?

– Ты что это, не рад меня видеть? – с подозрением переспросила девушка на его справедливое возмущение.

– Конечно, рад, но ты не можешь делать вид, что это нормально, – пробурчал Избор.

– Так мы идём выступать? – вернулась она к своему вопросу.

– Конечно, – согласился Избор, он уже давно не мог с ней спорить. – Только я не понимаю, зачем тебе это.

– Ну как зачем? Страсть как хочу увидеть удивлённое лицо Марганы.

– То есть моего удивленного лица тебе не хватило? – с сарказмом поинтересовался он, на что девушка только рассмеялась.

Приятно было вновь вернуться на сцену и почувствовать на себе восхищённые взгляды зрителей. Она сама не осознавала, насколько сильно скучала по этому. Руки помнили, как метать ножи и как ловить их, тело помнило, как повернуться так, чтобы в неровном свете факелов, в изобилии расставленных по периметру сцены, её волосы выгодно засияли. А выражение лица встречающей их после выступления за сценой Марганы стоило того, чтобы это затевать.

Когда выступление завершилось, они всей дружной компанией отправились в дом Данко и Весей. Даже несмотря на временное отсутствие в их доме Лаэрти, циркачи не оставили традиции собираться у них за ужином. На многочисленные вопросы о своём отсутствии Лаэрта в красках рассказала о том, как гостеприимны оказались Стоумы, как они с Искреном предприняли безумное путешествие через перевал в Падер, ну и, конечно, о коронации. За всем этим она, конечно, умолчала о том периоде, когда была у Мармагона. Мрак, как они и договорились, был здесь, но об этой части их совместной истории он также благоразумно умолчал.

– Что с тобой случилось? – после того как все разошлись, спросила Маргана. И на удивлённый взгляд девушки добави-

ла: – Можешь надеяться обмануть других своей лучезарной улыбкой, но от меня свой взгляд побитой собаки не спрячешь.

Лаэрта отвела взгляд, почувствовав, что к глазам подступают слёзы. Маргана, всё та же Маргана, что не любила объятий, заключила девушку в тиски своих рук и, убаюкивая, запричитала:

– Ну-ну, бедная моя девочка, что бы ни произошло, всё уже прошло.

И Лаэрта, не выдержав, разревелась навзрыд, как рыдают пятилетние дети, собрав всю боль и отчаяние, которые пережила.

– Плачь, плачь, – всё так же приговаривала Маргана извечное женское утешение. – Выплесни то, что накопилось, станет легче.

Она плакала о несправедливости, о плене, о боли, что там испытала, и даже о предназначении, взваленном на неё пророчеством. А когда спустя полчаса наконец успокоилась, почувствовала себя обессиленной, опустошенной, но одновременно и облегчённой.

– Меня похитили, – пояснила она Маргане. – Но ты права, всё уже хорошо.

– Зачем? – удивилась та, они все полагали, что Лаэрта просто сорвалась с места, как это уже случалось не раз.

– Долгая история, – отмахнулась Лаэрта, потому что посвящать кого-то ещё в свои взаимоотношения со звёздами

ей не хотелось.

– И Мрак к ней причастен? – спустя некоторое время молчания спросила Маргана и на удивлённый взгляд девушки пояснила: – Ты за весь вечер не взглянула на него ни разу.

– Причастен, пожалуй. Но его вины в этом нет, – задумчиво проговорила Лаэрта, разбираясь в своих чувствах. – Я так сильно злилась на него. Так сильно, что сама не подозревала, что способна на такую злость. Но в конечном итоге стоит признать, что злилась я больше на себя, ну и, конечно, на того, кто меня похитил. А Мрак... меня похитили бы и без его помощи, возможно, несколько позже, возможно, наоборот, раньше, но это не меняет того, что он меня предал. И как ему снова начать верить, я пока не знаю.

– Ты же знаешь, что он в тебя влюблён?

Лаэрта недовольно поморщилась.

– Толку-то от этих влюблённых. Хоть бы один спросил, чего я на самом деле хочу.

– А чего ты хочешь? – спросила у неё Маргана.

– Чтобы меня не похищали для начала. – Наконец улыбнулась девушка.

Стало действительно легче. Но она очень устала. Видя, что у Лаэрты стали слипаться глаза, Маргана отправила её спать, спросив напоследок:

– А что теперь? Ты останешься здесь, с нами?

– У меня осталось ещё несколько незаконченных дел. Но в целом да, таков мой план: вернуться в Дэнэб, к вам.

И Лаэрта поднялась к себе и спала так крепко, как уже давно не спала. Встала она лишь к полудню и, пробуждая остаток дня по дому, решила более разумно потратить следующий день. Едва проснувшись и спустившись на купающуюся в лучах утреннего солнца кухню, девушка позавтракала за большим деревянным, отполированным временем столом приготовленными Весей аппетитными булочками.

– А где Мрак? – спросила она, дожевывая уже вторую булку.

– У себя в комнате, вероятно, не видел, чтобы он вышел, – ответил Данко, что сидел тут же, неспешно потягивая утренний кофе.

Лаэрта хмыкнула: что-то не припоминала она за ним любви к длительному валянию в кровати. Похоже, он всё же чувствовал вину и избегал её. А это было совсем не то, чего бы она желала, вернувшись домой. Позвав Мрака для сопровождения и не дав ему позавтракать – раньше надо было вставать, – Лаэрта отправилась навестить мастера Онагоста.

– Ваш поход, я полагаю, прошёл удачно, – чувствуя неловкость от их молчаливой прогулки, первым заговорил Мрак.

– Более чем, – согласилась Лаэрта, что с удовольствием осматривала город. Он мало изменился с того времени, как она покинула его, и это ей нравилось. Ей нравился Дэнэб таким, какой он есть, точнее, таким, каким он стал после её небольшого вмешательства: чистый, преуспевающий, но при этом достаточно провинциальный, чтобы не раздражать оби-

лием людей на улицах.

– А Мармагон?

Лаэрта наконец отвлеклась от созерцания улиц, обратила своё внимание на Мрака и вспомнила, что вообще-то взяла его с собой, чтобы попытаться наладить отношения.

– О нём можно больше не переживать. Стоумы присматривают за ним, пока я не решу, что с ним делать.

– А что ты планируешь с ним сделать? – не так чтобы сильно успокоившись, переспросил Мрак.

– Я же говорю – ещё не решила. Ты вообще меня слушаешь? – не отказала себе в удовольствии съязвить девушка. Но всё же добавила миролюбиво: – Тебе действительно нет нужды о нём беспокоиться. В любом случае он не будет больше проблемой.

– Я не понимаю, – после нескольких секунд раздумий всё же заметил Мрак, – если поход прошёл удачно, после того что он сделал, почему ты оставила его в живых?

– Возможно, потому что я – не жаждущая чужой крови убийца? – изящно изогнув бровь, со смешком переспросила Лаэрта. И он, и она помнили, как она метнула в него нож, так что она уже серьёзней добавила: – Я не хочу причинять боли сверх того, что я уже причинила. И я понимаю, что и ты не хотел. Извини, что я была жестока к тебе.

Он был настолько удивлён тем, что она, а не он, извиняется перед ним, что не нашёлся что сказать. А Лаэрта, чувствуя, как ей становится легче от каждого сказанного вслух

слова, продолжила:

– Когда меня похитили, мне казалось, что я очутилась под толщей воды. Я кричала, а звук не проходил сквозь воду, и никто не слышал. И я замолчала, замерла где-то в себе, выдохнула и не смогла вдохнуть обратно. И только сейчас я снова начала дышать, без опаски, полной грудью, чувствуя упоительный воздух нашего мира. Так что спасибо, что дал мне тебя ненавидеть, когда мне это было нужно. И спасибо, что дал мне время на то, чтобы отпустить эту ненависть.

– Пожалуйста, – наконец нашёл что ответить Мрак.

К этому времени они дошли до главной площади, и Лаэрта распрощалась с ним.

С Онагостом она тоже была рада встретиться, она и не заметила, как они стали добрыми друзьями, и сейчас, увидев его, поняла, что и по нему скучала не меньше, чем по остальным. А он с упоением расспрашивал её о коронации, уже наслышавшись о том, что она на ней присутствовала. И Лаэрта с удовольствием рассказывала, ведь, если исключить необходимость поиска звёзд, которые им приходилось добывать честными, а чаще нечестными способами, коронация действительно была интересным и потрясающим действием.

Она прожила в Дэнэбе неделю, дыша его воздухом, напитываясь его силой, а потом поняла, что достаточно отдохнула, чтоб двигаться дальше. На этот раз не став исчезать без предупреждения, она сообщила всем, что отлучится на какое-то время, и, попрощавшись с друзьями и Дэнэбом, на-

чала исправлять свои ошибки.

Одно из неоконченных дел ждало её в замке Озара. Теперь, когда у неё было несколько звёзд, она могла отменить свои необдуманные желания. По большей части она ни о чём не жалела, но вот в том, что случилось между ними с Радой, была исключительно её вина, и теперь она могла это исправить. Она могла бы это сделать и из Дэнэба, но, будучи честной, хотела прежде всего принести им извинения.

Она появилась в саду, что раскинулся близь замка Озара, и с удовольствием огляделась. В ней по-прежнему были воспоминания о том, как она играла в этих местах в детстве. Мерцана действительно была счастлива здесь. Она бегала по дорожкам сада, пряталась от Рады в его укромных уголках, часами сидела в облюбованной беседке, коротая время за чтением. И вместе с тем Лаэрта отчётливо осознавала, что это не её воспоминания. И чуть было малодушно не попросила звезду стереть эти воспоминания, но тут же поняла, сколь эгоистично это будет по отношению к Озару и к Мерцане. Он по-прежнему видел в ней свою дочь, и стереть память о ней означало бы уничтожить её навсегда. Девушка неспешно прошла до замка и, узнав, где хозяин, направилась в обеденный зал: Озар с Радой как раз ужинали. До того как войти, Лаэрта произнесла едва слышно:

– Желая, чтобы Рада испытывала лишь те чувства, что продиктованы её личным настроением и натурой, без влияния чьей бы то ни было магии или воли.

Что ж, если Рада будет по-прежнему ненавидеть Лаэрту, вовсе не из-за одного неаккуратного желания последней, это, по крайней мере, будет её выбор. С этими мыслями она и вошла в обеденный зал. Это был всё тот же зал, с окнами, выходящими на горы, в которых было что-то величественно-гордое, что не позволяло взгляду просто скользнуть мимо. Покрытые изумрудом леса склоны к вершине светлели сначала серокаменными переливами, а затем и вовсе переходили в белые заснеженные вершины. И Лаэрта не смогла не бросить на них взгляд, подходя к столу. Даже несмотря на то что когда-то давно, казалось, в чьей-то другой жизни, она сидела в этом же зале прикованной к стене, ей по-прежнему нравилось здесь.

– Добрый вечер, надеюсь, вы не против моего визита? – подойдя ближе, поздоровалась она.

– Ты?! – обрадовалась Рада и бросилась её обнимать.

Всё-таки ненавидеть Лаэрту девушку побуждала лишь магия, и это не могло не радовать.

– Пужинаешь с нами? – спросил Озар, не скрывая радости от её прихода.

– Да, затем, собственно, и пришла, – согласилась Лаэрта.

За время, пока Лаэрта охотилась за звёздами, и в связи с коронацией и прочими сопутствующими ей мероприятиями она довольно часто встречалась с ним. И это позволило ему примириться с её новой ролью в их жизни. Озар не мог не видеть в ней свою дочь, но мало-помалу привыкал к мысли,

что она теперь другой человек, что не мешало ему радоваться её нечастым визитам.

– Слышал, ваш поход окончился удачно, – начал разговор Озар.

– Да, более чем. Не знаете, как там Белава?

Лаэрта чувствовала себя неловко всякий раз, когда вспоминала, как увезла Белаву из дома, а затем совершенно забросила, оставив на попечение Озара и Рады.

– О, она совершенно счастлива, что теперь гостит у Людмилы, – поспешила успокоить её Рада. И добавила, понизив голос, поскольку её отец не поощрял сплетни: – Конечно, она не столько в восторге от Людмилы, сколько с нетерпением ждёт возвращения Говена.

Лаэрта непроизвольно закусила губу, как это было на неё похоже. Заполучив звезду, она тут же отправилась по своим делам, мгновенно перемещаясь в пространстве по одному лишь своему желанию, а весь отряд из двухсот человек с Говеном во главе вынуждены ещё несколько недель провести в дороге, чтобы вернуться домой. Хотя стоило ей пожелать – и они легко могли сразу оказаться дома. Не замечая мучающие Лаэрту угрызения совести, Рада тем временем продолжала радостно рассказывать:

– Через пару дней я тоже еду в Суквер! Белава пригласила меня составить ей компанию. Руда планирует вернуться вместе с Говеном, чтоб потом сопроводить Белаву в Падер. Мало кто бывал там, и воспользоваться таким шансом реши-

ли все. Белавя, хоть и счастлива быть здесь, всё же переживает, что её родители там совершенно заскучали, – и, вновь оглянувшись на отца, что вроде не обращал на них внимания, будучи занят едой, добавила полусшепотом: – Я думаю, Говен тоже поедет с нами, чтобы познакомиться с Морозом. И кто знает, возможно, скоро мы сможем вновь все собраться уже не по поводу очередной коронации, а отмечая чью-то свадьбу.

– Рада, – с добродушной усмешкой одёрнул её Озар, который только делал вид, что поглощен едой. Ещё ничего не было известно, а он действительно не любил сплетни.

– Лесьяр и Руда тоже планируют отправиться в Падер? – удивилась Лаэрта.

Рада на секунду задумалась и, глянув на отца, быстро проговорила, прежде чем он успел ей запретить:

– Ты же помнишь, что Лесьяр должен был проводить Людмилу и Белаву обратно в Суквер, после того как вы отбыли?

– Да, что-то такое припоминаю, – согласилась Лаэрта, для которой их отбытие из Вербока казалось делом таких давних дней, что она едва помнила о них.

– Но ты не знаешь, что, пока вы были в этом своём «крестовом походе», Лесьяр не покидал Суквер, а если быть точнее, Лесьяр не покидал Людмилу.

– Прекрасные новости, – рассмеялась Лаэрта, предвосхищая ругань Озара, и он не смог противиться им обоим сразу и тоже рассмеялся.

Они очень тепло и дружелюбно провели ужин, а потом Рада попрощалась с ней и убежала собираться. Лаэрта же с Озаром прошли в его кабинет.

– Мне нравится здесь больше всего в замке, – глубоко уютная в уютном кресле, заметила Лаэрта.

После ужина мысли текли вяло и миролюбиво.

– Чем ты сейчас занимаешься? – осторожно спросил Озар, совершенно не понимающий, как она оказалась в водовороте событий, связанных с коронацией, всячески поддерживаемая Стоумами.

– Как оказалось, на мой счёт есть одно пророчество. В данный момент мы занимаемся тем, что стараемся его осуществить. – Доверие, которое вызывал в ней Озар, она совершенно не могла объяснить, но сопротивляться ему и не думала.

– Успешно?

Лаэрта немного подумала и, учитывая, что они уже совершили и как мало ей осталось сделать, улыбнулась.

– О да, более чем.

– Что ж, я рад, – искренне заметил он в ответ.

Они замолчали, но им было уютно и в тишине.

– Мне жаль, что Мерцаны нет с вами, – после долгого молчания всё же решилась сказать девушка.

Озар помолчал ещё немного и почти спокойно заметил:

– Не бери этой вины на себя. Это было её решение, только её. Мы должны уважать это. И лучшее, что мы можем сде-

лать, – это принять его. Принять и смириться.

Лаэрта дала себе время осмыслить его слова и улыбнулась: ей стало легче от того, что он её не обвиняет.

– Я пойду, посмотрю, как там Рада, а то, боюсь, если её вовремя не остановить, она увезёт с собой ползамка.

Девушка рассмеялась, поскольку это было чистой правдой.

– Я ещё немного посижу здесь?

– Конечно, сколько угодно. Всегда, – серьёзно заметил Озар и оставил её одну.

Лаэрта сидела, позволяя мыслям неспешно переваливаться с боку на бок, давая им оформиться во что-то значимое. Что-то такое было в их разговоре, она не понимала, что именно, но чувствовала, что где-то рядом было нечто очень важное. То, что она в кои-то веки не подскочила, несясь сломя голову на другой конец мира, дало свои плоды. Мысли сформировались в нечто большее, в нечто осязаемое, и она поняла, что думает о Мерцане.

Мерцана была такой чистой, такой светлой, такой доброй, что её внутренний свет пробивался наружу, заставляя её волосы сиять. Она была слишком хороша для этого мира, настолько хороша, что могла стать звездой Радима. Чтобы познать Любовь такой, какой она была для Звезды, нужно было быть самой способной любить так же безоговорочно, всепоглощающе: лишь отдав всё, можно было получить всё. Поэтому Лаэрта не могла стать звездой Радима – она слишком

любила себя и свою жизнь и не готова была отдать всё в обмен на любовь. А что если пророчество было о Мерцане? И когда она почувствовала звезду в кулоне, что подарил ей Лесьяр, даже не зная о пророчестве, но ощущая свою связь с миром, с магией, со звёздами, она ушла, чтобы исполнить его? Ушла, чтобы вернуться.

Лаэрта бережно, как никогда, достала из медальона звезду и, положив её на раскрытую ладонь, прошептала, вкладывая в слова всю свою веру:

– Ты была слишком хороша для этого мира, а когда ушла, забрав самое светлое в себе, осталась я. Я знаю, что я эгоистична, временами зла и далеко не так добра, как ты. Но обещаю тебе: я сделаю всё, чтоб твоя жертва была не напрасна. Ты мне веришь, Мерцана?

Сначала Лаэрта услышала лёгкий смех, а потом звонкий голос, вобравший в себя теплоту летнего полдня, весёлую капель, пронзённую лучами весеннего солнца, шорох огненно-рыжей осенней листвы, легчайший перестук снежинок первого снега, произнёс:

– Ты не так уж эгоистична и совершенно точно не зла. В тебе достаточно добра, чтобы быть готовой спасти мир. И вдвоём мы совершенно точно справимся.

Лаэрта заметила, что задерживала дыхание, и облегченно выдохнула. Не верить Мерцане у неё не было никаких оснований. Так неожиданно она нашла последний элемент, необходимый для отмены заклинания, составленного Чародеем.

Стоум, как это бывало уже сотню раз, оказался прав – только она знала Имя своей звезды. И звезда откликнулась на её зов.

Не осталось никаких причин откладывать произнесение заклинания, дабы отменить магию Чародея и осуществить его пророчество. Прямым из кресла в библиотеке Озара она вернулась к Стоумам. После того как Всемудр подумал, они решили, что лучшего места для произнесения заклинания, чем замок Мармагона, им не найти. В замке уже давно никого не было, а отдалённость его от других городов позволяла надеяться, что даже если что-то пойдёт не так, никто не пострадает. К тому же его труднодоступность, что и сделала его почти заброшенным, до того как его занял Мармагон, давала шанс осуществить всё как можно более незаметно.

Собрав уже давно подготовленные ингредиенты и само заклинание, Лаэрта перенеслась в замок Мармагона, где её встретил уже изрядно заскучавший Искрен. Он в одиночестве находился в замке с момента его захвата, совершая редкие недолгие вылазки домой. Но с задачей охраны Мармагона он справился отлично: тот никуда не делся и всё так же ожидал своей участи в темнице, где некогда провела не один месяц Лаэрта.

– Скажи, что ты пришла убить Мармагона и мне не придётся здесь больше сидеть, – едва завидев её, с серьёзностью, большей, чем он сам ожидал, взмолился Искрен.

Лаэрта, как всегда запоздало, почувствовала приступ ви-

ны. Она совсем не думала о том, что оставила его здесь в одиночестве, пока с удовольствием проводила время в Дэнэбе.

– Нет, но тебя всё равно порадуют мои новости, – с неловкой извиняющейся улыбкой заметила она.

– Я в нетерпении!

– У меня есть всё для отмены заклинания Чародея, так что тебе больше не придётся здесь торчать. Более того, вы, Стоумы, и ты в особенности, можете забыть обо мне как о страшном сне.

Искрен недоверчиво хмыкнул, они не так много времени провели вместе, но столько всего успели сделать за этот небольшой промежуток времени, отчего казалось, что они знакомы целую вечность. И теперь слабо верилось, что она так просто оставит их в покое.

Лаэрта закатила глаза и добродушно проворчала:

– Обещаю, что постараюсь больше не обращаться к вам за помощью.

Они многое решили заранее, так что, едва Искрен привёл находившегося здесь же в заключении Мармагона, Лаэрта поняла, что готова. Было немного страшно, что их трудный длинный путь наконец завершается, но это был приятный страх.

Они обосновались в небольшом зале на третьем этаже, потому как разрушенный четвёртый этаж никому не пришлось в голову отремонтировать, хотя это и было делом одного сказанного вслух предложения. Искрен помог ей сложить на

стол, что стоял в центре зала, все ингредиенты в порядке их добавления, так чтобы ей было проще составить заклинание. Затем Лаэрта поочерёдно выложила все звёзды, что они собрали.

– Теперь оставь меня, – отослала она Искрена, и он, и не подумав с ней спорить, отправился домой: это было её пророчество, и сделать всё ей предстояло самой, их помощь на этом заканчивалась.

А Лаэрта поочерёдно провела рукой по каждой звезде, вспоминая, как они оказались у неё. Кроваво-красный рубин из перстня Стоумов. Жемчужина из диадемы Белавы Русак, что, сама не зная того, помогла ей заполучить её. Огненный опал, что Лаэрта украла из броши Ланы Тарпан, пока Искрен забалтывал её. Алмаз из браслета Миловей Вепрь, что по её приказу украл Мрак. Аметист, что неожиданно для них оказался на эфесе шпаги Говена Ломыги. И изумруд из барм Хортов, что достался ей легче других. Не хватало только янтаря с кулона Лесьяра Урма.

Лаэрта сняла с шеи цепочку и, положив кулон к остальным звёздам, пожелала, чтоб на его месте появился новый камень той же формы. Девушка с удовольствием воспользовалась тем, что её желания мгновенно сбываются, и избавила себя ещё от одного долга. Она пожелала, чтоб кулон вернулся к Руде Урма, поскольку Радиму он никогда и не принадлежал, а Лесьяр слишком легко и необдуманно с ним расстался, утратив тем самым право быть его владельцем.

Вновь взглянув на лежащие перед ней звёзды, она немного переложила их так, что они выстроились в ряд: красный рубин, оранжевый опал, желтый янтарь, зелёный изумруд, голубая жемчужина, синий алмаз, фиолетовый аметист. Лаэрта даже рассмеялась: как это было похоже на Чародея, он оставил подсказки всеми возможными способами в надежде, что будущий носитель звезды поймёт хоть какие-то из них. Но для Лаэрты большинство из них – как об стенку горох – то, что звёзды были обращены в камни всех цветов радуги, она поняла только сейчас.

Звезда Мармагона выглядела как обычная чёрная галька, а её звезда походила на сероватую речную жемчужину. Удовлетворённо оглядев все девять выложенных в ряд звезд, Лаэрта вновь пробежалась глазами по заклинанию.

Описание ритуала было довольно размыто и допускало трактовки. Благо хоть с ингредиентами проблем не было: Стоумы постарались на славу и добыли всё необходимое, а также приложили для неё очень подробную инструкцию что, за чем и в каких пропорциях смешивать. Трактовку допускали Жертва и Дар. Даром Чародея был мир без войны, а жертвой – жизнь – его и его звезды Лосы. Предложить что-то столь же масштабное было непросто. Предсказать, будет ли достаточно того, что предложит она, было невозможно. И всё же она была готова сделать всё, что в её силах.

Лаэрта не спеша, поминутно сверяясь с записями Стоумов, смешала все ингредиенты. И несказанно обрадовалась,

когда жидкость в чаше стала равномерно серебряного цвета – это означало, что она ничего не напутала. Затем с некоторым сожалением девушка забросила все звёзды, что они смогли найти, в чашу. Жаль было расставаться с ними после всего того, что между ними было. Но как бы то ни было, она была здесь именно для этого. А потому, обернувшись к связанному Мармагону, в бессильной злобе наблюдавшему за ней, произнесла:

– Я помню каждое мгновение, проведённое в этом замке, я до сих пор чувствую каждый разрез на моей коже, каждый удар, сделанный по твоему приказу. Но, несмотря на это, я желаю тебе прожить оставшуюся жизнь в тихом, провинциальном, не захудалом городке ремесленником средней руки. У тебя будут дети, которых ты любишь, и жена, которую ты не то чтобы любишь, но к которой привык и жизни без которой уже не можешь себе представить. Вы не будете роскошествовать, но и о куске хлеба вам ломать головы не придется. Ты не будешь помнить ничего о звёздах и о том, чем занимался здесь. Ты будешь доволен жизнью и счастлив настолько, насколько сам себе сможешь позволить. Я прощаю тебя и отпускаю, и это мой Дар.

Она замолчала, и он тут же исчез – отправился в свой дом в тихом провинциальном, но не захудалом городке. А Лаэрта, ткнув ножом правую ладонь, позволила паре капель крови стечь по руке и упасть в чашу. Рана тут же затянулась, и ничего не произошло. Так и не поняв, принят ли её дар, она

продолжила:

– Отсюда я без промедления отправлюсь к Радиму. Я при-
му его любовь. Я проведу остаток своей жизни, разделяя её,
я верну этому миру Любовь.

Она резанула левую ладонь и добавила ещё несколько ка-
пель своей крови в чашу со словами:

– Жертва – моя жизнь.

Несколько долгих мгновений, в которые Лаэрта успела ис-
пугаться, что её Жертва и Дар не приняты и всё было на-
прасно, ничего не происходило, а затем она услышала мяг-
кий голос Мерцаны:

– Ты не пойдешь к Радиму и не выйдешь за него. Ты вер-
нёшься домой – в Дэнэб. Отвергнув Радима, ты принесла
Нелюбовь в этот мир, и мы принимаем этот Дар. Мармагон
остаток своих дней проведет так, как ты пожелала: счастливо
и спокойно, в тихом провинциальном, но не захудалом го-
родке – в Дэнэбе. Ты не простила его, но ежедневно будешь
видеть его счастье, и мы принимаем эту Жертву.

Жидкость в чаше пошла рябью, затем заискрилась, заси-
яла, и сияние за мгновение заполонило всё вокруг. Лаэр-
та оказалась в совершенно ослепительной белизне и увиде-
ла напротив себя Мерцану. Она улыбнулась ей тепло и по-
родному, прощаясь. И Лаэрта услышала в своей голове: «Не
плачь обо мне, это всегда был мой выбор, я любила наш мир
больше всего на свете и счастлива, что у нас получилось спа-
сти его». А затем Мерцана растворилась в этом сиянии. А

ещё через секунду Лаэрта стояла на дороге, ведущей к развалинам ещё дымящегося, некогда такого красивого замка.

Лаэрте потребовалось несколько минут на то, чтоб осознать произошедшее. «Вольная трактовка» – вот уж действительно «вольная». С другой стороны, кажется, всё подействовало, а замок – небольшой сопутствующий ущерб, благо людей там, кроме неё, не было, а её заботливо выбросило оттуда до того, как он рухнул. Она оглядела себя – цела и невредима.

– Желаю земляники, – не очень смело проверила девушка.

Ничего не произошло.

Лаэрта было радостно улыбнулась, но тут же выругалась, осознав, куда Мерцана отправила Мармагона. Мрак явно будет немало удивлён, встретив ничего не помнящего о себе Мармагона в Дэнэбе. Была некоторая надежда на то, что они не встретятся, город был хоть и провинциален, но всё же не так уж и мал. Она не сомневалась в том, что, когда она вернется в город, сможет всё объяснить Мраку, так чтобы он принял новую реальность, в которой Мармагон стал простым ремесленником. А потом поняла, что вернется в город она не так быстро: она находилась в дне пути от ближайшей деревни, где ещё неизвестно, как отнесутся к пришедшей из леса девушке, и почти неделе пути от Дэнэба, без магии, без средств передвижения, без еды и без денег.

– Дальновидность, похоже, никогда не станет моей сильной стороной, – злится только на себя, довольно добродушно

пробурчала она, начиная идти по услужливо расстилающейся перед ней дороге.

И по мере того как она отдалялась от руин замка, в ней растекалась сладкая радость. В прошлый раз она была ранена и бежала от преследования. Сейчас она была здорова и наслаждалась, ощущая, что каждый сантиметр её тела не болит, и одно это было достаточным основанием для счастья. Она исполнила пророчество, исполнила своё предназначение и теперь уже никому и ничего не была должна.

Лаэрта рассмеялась и от избытка чувств побежала, позволяя ветру трепать свои серебряные волосы. Она бежала и не видела, как за её спиной на оставленной позади поляне медленно проклёвывались первые листки земляники. Потому что даже в мире без магии звёзд желания исполнялись, пусть не сразу, пусть иногда не так, как задумывалось, но исполнялись непременно.

А Лаэрта бежала в свою новую жизнь и была абсолютно, всепоглощающе счастлива. Счастлива и свободна.

Эпилог

В Суквере звонили свадебные колокола, и даже Мороз и Горана Русак впервые за двадцать лет покинули свой замок в Падере, чтоб выдать за Говена Ломыгу свою единственную и горячо любимую дочь Белаву.

В Мушере звонили свадебные колокола, и даже всегда властная и строгая Полева Тарпан впервые за двадцать пять лет легко и беззаботно веселилась на свадьбе своей единственной и горячо любимой внучки Ланы с не менее горячо почитаемым Искреном Стоумом.

В Вербоке звонили свадебные колокола, и даже пугающе грозный и, казалось, такой массивный Годимир Ломыга отплясывал на свадьбе своей хоть и не единственной, но всё так же горячо любимой дочери Людмилы с Лесьяром Урма такие коленца, что гости только диву давались.

Поговаривали, что в Изкаре уже начищают колокола, чтоб их звон разносился как можно дальше, оповещая свет о свадьбе единственного и горячо любимого сына Далебора Хорта – Радима. Ибо Радим, оправившись после болезни, не смог отказать себе в удовольствии и принял приглашения на все торжества, что следовали одно за другим. И на первой же в этой веренице торжеств свадьбе, встретив Руду Урму, был ею совершенно очарован и увлечён. А когда на свадьбе Лесьяра и Людмилы в Вербоке он увидел на Руде кулон, что не

так давно сам потерял, окончательно уверился, что она – его судьба.

Лишь в Дэнэбе колокола не звонили и никто не поговаривал, что они могут зазвонить. Что, впрочем, совсем не мешало всем его жителям быть довольными своей жизнью, ведь каждый из них был счастлив. Счастлив ровно настолько, насколько сам себе мог позволить.